

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2021. Том 9, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW
2021, vol. 9, no. 3

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2021

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media No. PI FS77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор МГУ им.М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Academic Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Associate professor, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland);

Stephen Pow, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Салитова Ф.Ш. Роль музыки в системе духовных ценностей и культуры предков татар в эпоху средневековья	460
Бубенок О.Б., Головкин А.Б. Население Поросья в предмонгольский и золотоордынский периоды	478
Казиев Э.В. Еще раз о времени прихода асов на монгольскую службу	506
Руденко К.А. Элитные клады из Булгарского улуса Золотой Орды	520
Пачкалов А.В. Находки монет Золотой Орды в Индии и Китае	547
Белецкая О.В. Ак-Мечеть Днестровско-Днепровского междуречья (к изучению исторической географии Северного Причерноморья XIV–XVIII вв.)	555
Пономарева И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II	583
Boterbloem K., Khabibullin A., Fakhrullin R. Nikolai Rychkov's Map of Iske (Inner or Old) Kazan of 4 July 1770	593
Kenzheakhmet N., Abu A. Some Medieval and Post-Golden Horde's Towns of the Itil (Volga) and Syr-Darya Basins According to the Arabic and Chinese Maps	611
Болдырева Е.М. История формирования фондов Золотой Орды в хранении Государственного исторического музея	654
Почкаев Р.Ю. Фронт и коммуникации в отношениях России, Крымского ханства и Османской империи. Рецензия на книгу: Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.): Избранные труды	664

Хроника

Гиниятуллина Л.С. Трансформация политико-этнической карты Восточной Европы: триптих	671
--	-----

CONTENTS

Original papers

Salitova F.Sh. The Role of Music in the System of Spiritual Values and Culture of the Medieval Ancestors of Tatars	460
Bubenok O.B., Golovko A.B. The Population of the Ros' River Basin during the Pre-Mongol and Golden Horde Periods	478
Kaziev E.V. Once Again on the Chronology of the As People's Entry into Mongol Service	506
Rudenko K.A. Treasures of the Elite of the Bulgharian Ulus of the Golden Horde	520
Pachkalov A.V. The Finds of Golden Horde Coins in India and China	547
Beletskaya O.V. Aq Meçit in the Dniester-Dnieper Interfluve (To the Study of the Historical Geography of the Northern Black Sea Region of the 14 th –18 th centuries)	555
Ponomareva I.G. About the Yarliq of Ulugh Muhammad Khan Approving the Rule of Grand Prince Vasily II	583
Boterbloem K., Khabibullin A., Fakhrullin R. Nikolai Rychkov's Map of Iske (Inner or Old) Kazan of 4 July 1770	593
Kenzheakhmet N., Abu A. Some Medieval and Post-Golden Horde's Towns of the Itil (Volga) and Syr-Darya Basins According to the Arabic and Chinese Maps	611
Boldyreva E.M. The History of the Formation of the Golden Horde Funds in the State Historical Museum	654
Pochekaev R.Yu. Frontier and Communication in the Relations of Russia, Crimean Khanate, and Ottoman Empire. Book Review: Sen' D. Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Areas, Phenomena, People (end of the seventeenth and eighteenth centuries): Selected Works	664

Chronicle

Giniyatullina L.S. Transformation of the Political and Ethnic Map of Eastern Europe: A Triptych	671
--	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 78.03 (470.41)

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.460-477

РОЛЬ МУЗЫКИ В СИСТЕМЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРЫ ПРЕДКОВ ТАТАР В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ф.Ш. Салитова

*Гжельский государственный университет
Гжель, Российская Федерация
faridamail@bk.ru*

Цель исследования: выявить специфику народных и профессиональных музыкальных традиций и раскрыть их нравственно-эстетическую значимость в жизни предков татар в эпоху Средневековья.

Материалы исследования: методологическая основа работы базируется на общенаучных методах анализа, синтеза, обобщения и основных методах исторического исследования: историко-сравнительный метод, метод исторической периодизации. Обращение к принципу историзма обусловило привлечение к анализу достаточно значительное количество исторических источников, освещающих процессы становления и развития музыкальной культуры предков татар от истоков до середины XVI века, а также результаты археологических и этнографических исследований, отраженные в монографиях, статьях и других научных публикациях. Основными материалами, послужившими источниками сведений о становлении и развитии музыкальной культуры предков татар в эпоху Средневековья, являются памятники устного и письменного поэтического творчества (эпические сказания древних тюрков, дастан «Идегей», поэмы Мухаммедьяра и др.), записки арабских и европейских путешественников (Ахмед ибн Фадлан, Ибн Даста, Гийом де Рубрук, Иоанн де Плано Карпини). Некоторые аспекты данного феномена рассмотрены в ряде исторических, музыковедческих и этномузыкологических исследований (М. Худяков, Л. Гумилев, М. Нигмедзянов, Г. Макаров, Г. Сайфуллина и др.).

Результаты и научная новизна: исследование выявило, что истоки музыкальных традиций татарского этноса, формировавшегося преимущественно в регионе Среднего Поволжья, восходят к общетюркским архаическим видам художественного творчества. В дальнейшем, музыкальное искусство в Волжской Булгарии, Золотой Орде и Казанском ханстве выступало в качестве неизменного атрибута общественно значимых и бытовых форм художественной деятельности предков татар (культовая, придворная, военная, фольклорная). В эпоху Средневековья отмечалось активное развитие многообразных жанров как вокальной, так и инструментальной музыки, устойчивый самобытный базис которой заметно обогащался новыми интонациями и ритмами, исходящими из арсенала музыкальных традиций различных этносов. Особую миссию в духовной жизни социума выполняли виды и жанры духовного и светского поэтического творчества, тесно связанные с музыкой (распевное исполнение, в том числе с инструментальным сопровождением). Они являлись эффективным средством нравственно-эстетического воспитания, совмещая разнообразные педагогические функции с сильным эмоциональным воздействием. К XVI веку музыкальная культу-

ра татарского народа сформировалось в целостную и разветвленную систему, отличающуюся самобытностью и непревзойденной художественной ценностью.

Ключевые слова: Средневековье, предки татар, народные и профессиональные музыкальные традиции

Для цитирования: Салитова Ф.Ш. Роль музыки в системе духовных ценностей и культуры предков татар в эпоху средневековья // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 460–477. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.460-477

THE ROLE OF MUSIC IN THE SYSTEM OF SPIRITUAL VALUES AND CULTURE OF THE MEDIEVAL ANCESTORS OF TATARS

F.Sh. Salitova

*GzheI State University
GzheI, Russian Federation
faridamail@bk.ru*

Abstract: *Research objectives:* To reveal the specificity of folk and professional musical traditions and their moral and aesthetic significance in the life of the medieval ancestors of Tatars.

Research materials: The study uses general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, and the main methods of historical research – namely, the historical-comparative method and the method of historical periodization. Following the principle of historicism, the author analyzed a significant number of historical sources that reflect the development of musical culture among the ancestors of Tatars from its beginnings to the middle of the sixteenth century. Also, she used the results of archaeological and ethnographic research presented in monographs, articles, and other academic publications. Basic information about the development of musical culture among the medieval ancestors of Tatars is contained in the monuments of oral and written poetry (epic legends of the ancient Turks, the dastan “Idegey”, the poems of Muhammadyar, etc.), as well as in the notes of Arab and European travelers (Ahmed ibn Fadlan, Ibn Dasta, William of Rubruck, and John of Plano Carpini). Some aspects of this phenomenon are considered in a number of historical, musicological, and ethnomusicological studies (M. Khudyakov, L. Gumilev, M. Nigmedzyanov, G. Makarov, G. Saifullina, etc.).

Results and novelty of the research: The study revealed that the origins of the musical traditions of the Tatar ethnos, formed mainly in the Middle Volga region, extend back to the common Turkic forms of artistic creativity. Later, music acted as an invariable attribute of socially significant and everyday forms of artistic activity (cult, court, military, folklore) of the Tatars’ ancestors in Volga Bulgharia, the Golden Horde, and Kazan Khanate. During the Middle Ages, there was an active development of diverse genres of both vocal and instrumental music. Its stable original basis was noticeably enriched with new intonations and rhythms emanating from the repertoire of musical traditions of various ethnic groups. A special mission in the spiritual life of society was carried out by the types and genres of spiritual and secular poetry closely related to music (chanting performances, including some with instrumental accompaniment). They functioned as an effective means for moral and aesthetic education, combining a variety of pedagogical functions with strong emotional impact. By the sixteenth century, the musical culture of the Tatar people formed into an integral, reified, and original system.

Keywords: Middle Ages, ancestors of Tatars, folk and professional musical traditions

For citation: Salitova F.Sh. The Role of Music in the System of Spiritual Values and Culture of the Medieval Ancestors of Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 460–477. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.460-477

Предыстория становления системы духовности и культуры предков татар относится к эпохе раннего Средневековья. Её основы закладывались в период консолидации древнетюркского этнического сообщества в VI–VIII веках, когда сформировались крупные государственные образования на обширных территориях, включающих и Восточную Европу. При этом тюрки «развивали собственную культуру, которую они считали возможным противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни» [6, с. 5].

В становлении духовного базиса и культурной самобытности древнетюркского общества важнейшую роль выполняли произведения эпического творчества, в которых выступали в гармоничном единстве средства поэзии и музыки. Это были развёрнутые, масштабные сказания, воспевавшие подвиги реальных и легендарных народных героев – Сай-Солонга, Ирбис-буркана, Алпамыша и других славных батыров [7, с. 9]. В них доминировала тема патриотизма. Отсюда наиболее сильным выступал воспитательно-назидательный аспект, и на авторов таких произведений – сказителей, была возложена ответственная миссия, заключающаяся в подготовке новых поколений к непростым и специфическим условиям существования конкретного социума, точному и строгому следованию принятым этическим нормам. В эпическом творчестве многогранно отражалась история народа, определялись актуальные нравственные цели и устанавливались эстетические каноны.

Художественная культура любого этноса Земли формируется на ранних этапах своего развития как синкретический феномен, неразрывно объединяющий в себе различные виды искусства. Поэтому творцы эпоса являлись одновременно авторами поэтических текстов и музыки, певцами и музыкантами-инструменталистами. Эпические произведения исполнялись ими распевно, как правило, в сопровождении музыкальных инструментов. Следовательно, музыка в этом основном виде художественного творчества древних тюрков составляла его обязательный компонент.

Но не только эпос, несмотря на всё своё значение, представлял систему художественной культуры древнетюркского социума. В других, весьма разнообразных синкретических видах искусства, также наличествовала вокальная и инструментальная музыка. Некоторые архаичные, но звучащие и сегодня музыкально-поэтические и инструментальные произведения, являющиеся компонентом творчества современных тюркских этносов, позволяют выявить наличие устойчивых, передававшихся из века в век, традиций. В связи с этим, представляет интерес результат сравнительного анализа активно бытовавших в XX веке образцов татарского фольклора с древнетюркскими стихотворными текстами – высеченными в камне надписями на памятниках, посвященных историческим событиям. На несомненное сходство не их содержания, но и характера исполнения – распевного, указал один из наиболее авторитетных исследователей древнетюркской истории Л.Н. Гумилёв. Учёный обратил внимание на следующий примечательный факт: «Насколько известно, это первое тюркское стихотворение с размером и даже рифмами. Размер силла-

бический ... Этот размер сохранился в татарском фольклоре до нашего времени» [6, с. 320].

Как в каждом древнем человеческом сообществе, огромную роль в социальном устройстве, всех сторонах жизнедеятельности тюрков выполняли политеистические культы, и многообразные формы художественной, в том числе, музыкальной деятельности, являлись неизменной составной частью ритуалов и обрядов, усиливая их воздействие на сознание людей с самого раннего детства и до ухода в иной мир, формируя и определяя мировоззрение и нравственно-эстетические ценности каждого индивидуума.

Известно, что одну из самых характерных особенностей жизненного уклада и менталитета любого архаического сообщества представляет близость к природе. Не стали исключением и древние тюрки, обожествлявшие едва ли не все явления окружающего мира и отражавшие их в своём искусстве. Так, на древность происхождения традиционной песенной лирики татар указывают включенные в их тексты природные явления в качестве сакральных символов. Это, например, «образы родников, журчащих у подножия гор» [5, с. 72].

Византийские исторические источники можно считать одними из первых документальных свидетельств, указывающих на характер отправления тюрками языческих культов с привлечением вокальной и инструментальной музыки. Феофилакт Симокатта в своих наблюдениях за их верованиями и обычаями отметил исполнение коллективных песнопений – гимнов, посвященных земле [23, с. 34]. Менандр, составивший хронику посещения византийским послом Земархом правителя тюрков в 568 году, описал обязательный для чужеземцев очистительный обряд, сопровождавшийся звучанием колоколов и ударных инструментов [15].

Не носили столь же равноценной идеологической нагрузки, как эпос или феномены творчества, связанные с религией, но, тем не менее, наличествовали в повседневной жизни древних тюрков формы и жанры вокально-инструментальной и танцевальной музыки, связанные как общественно значимыми (торжества, празднества, военные церемониалы), так и бытовыми видами искусства в основном синкретического характера. Их функционирование обеспечивали профессиональные, как правило, универсальные исполнители, имевшие хороший голос, владевшие игрой на различных музыкальных инструментах и навыками стихосложения, то есть, специализировавшиеся в различных сферах художественного творчества. При этом следует отметить существовавшие различия в их социальном статусе – одни из них удовлетворяли эстетические запросы элиты при дворах правителей и знатных феодалов, другие – не только сопровождали массовые народные празднества, но и были желанными гостями на семейных торжествах представителей практически всех слоев общества. В пользу последнего утверждения можно сослаться на китайские средневековые источники, в том числе широко известное и нередко цитируемое стихотворение «Голубая юрта» поэта Бо Цзюй-и [6, с. 72]. Также, в образцах поэтического наследия средневекового Китая можно обнаружить и строки с описанием военной музыки тюрков – звучание духового музыкального инструмента, доносившееся из их стана в ночь перед сражением (Цуй Джун) [1, с. 181].

В высококультурном и образованном Китае музыка занимала почётное место. При утонченности вкусов, изысканности искусства китайцев, позитив-

ное восприятие ими художественного, в том числе музыкального творчества тюрков, как представляется, указывает на его высокую оценку: «Музыка разных народов, в том числе и тюркская, исполнялась императорским оркестром еще со времени Бэй-Чжоу, исторической предшественницы Тан, а в интересующую нас эпоху получила полное признание» [6, с. 176].

В условиях кардинального изменения экономических и социальных условий жизнеустройства, музыкальная культура предков татар получала дальнейшее оформление и развитие. Несмотря на отдалённость во времени, определённое представление о её характере возможно составить по наиболее древним по происхождению реликтам национального фольклорного наследия – приуроченным напевам (обрядовые, календарно-обрядовые, семейно-обрядовые, трудовые, игровые). В них сохранились элементы музыкальной архаики, что даёт возможность для частичной реконструкции музыкального прошлого и позволяет, наряду с другими источниками, обосновать значимость музыки в системе нравственно-эстетических ценностей в отдалённые исторические эпохи, когда начинали формироваться основы татарского этноса.

Ритуальные действия древних тюрков носили синкретический характер и заключали в себе пение, пляски, инструментальное сопровождение и элементы театрализации. Они отражали и тотемистические представления, находившие отражение в музыкально-поэтическом творчестве. К временам политеизма восходит происхождение напевов – непреходящих атрибутов архаических обрядов, празднеств и различных форм трудовой деятельности. От них веет глубокой стариной, отголосками давно минувших событий ушедшей жизни. Эти мелодии чаще всего основаны на двух-трех звуках, тем не менее, интонационная основа и ритмика таких напевов отличается значительной выразительностью.

Впоследствии, музыка языческих культов, отзвуки древних обрядов многие века присутствовали преимущественно в детском фольклоре, но уже не в форме обращения к божествам, как олицетворениям могущественных сил природы, не в качестве сопровождения культовых действий, а в татарских детских игровых песнях: «Кояш чык» («Закливание солнца»), «Яңгыр яу» («Закливание дождя»), «Куянкай» («Зайчонок»), «Карга» («Сорока»), «Тукран» («Дятел») и др.

В системе синкретического художественного творчества предков татар важное значение выполняла инструментальная музыка. Причем инструментальное исполнительство являлось не только частью народного, но и (даже в большей степени) профессионального искусства в качестве компонента общественно значимых видов художественной деятельности (культовая, обрядовая, военная музыка).

К периоду раннего Средневековья музыкальный инструментарий тюрков уже имел давние исторические корни, что подтверждают результаты археологических раскопок, содержащих «значительный материал по музыкальным орудиям и инструментам» [4, с. 26–27]. Они выявляют задействованность в их обиходе набора самозвучащих шумовых инструментов различной конфигурации типа колокольчиков и трещоток, названия которых сохранились в современном татарском языке: кыңгырау (kyngyirau), шелдер (shelder), шалтыравык (shaltyiravyik) и др.

Древнейшие музыкальные инструменты изготавливались из различных природных материалов (глина, металл, растения, кость). Они, как уже отмечалось, составляли важную принадлежность языческих ритуалов и обрядов, а также, выполняли в большей степени прагматические, нежели эстетические, функции в повседневной жизни людей, в частности, в охотничьем и пастушеском обиходе.

Группа духовых музыкальных инструментов, объединённых единым наименованием сыбызгы, использовалась охотниками для приманивания дичи. Подобные мелодии создавались непосредственно под впечатлением звучащей природы и подражали голосам птиц: үрдэк сыбызгы (*urdek sybyizgyi*) – для уток, торна сыбызгы (*torna sybyizgyi*) – для журавлей и др.

Функциональная предназначённость обусловила большую степень звучности (на расстояние до нескольких километров) таких духовых музыкальных инструментов, как кетуче сорнае (*ketuche sornae*) – пастушеский сурнай и быргы (*byirgyi*) – пастушья труба. Материалом для первого из них обычно служили полые высушенные стебли дягиля (*angelica*) или борщевика (*lanatum*), второго – металл. Они применялись для передачи комплекса сигналов (сообщения о выгоне скота, отводе стада на водопой и т.п.). Сигнальные функции выполнял и ударный инструмент под названием доңгыра (*dongyira*) – пастушеский барабан. Эта сугубо утилитарная принадлежность конкретного трудового процесса представляла собой гладко выструганную доску из дерева, на которой отстукивались деревянными палочками характерные ритмические формулы.

Переход к оседлости и земледелию в ареале средней Волги и Камы (с IX века) породил непритязательный сезонный духовой инструмент камылнай (*kamyılнай*) – соломенный най, изготавливавшийся во время жатвы из сухих стеблей окультуренных злаков. Несколько позже приобрёл распространение другой подобный, но более усовершенствованный, камыл курай (*kamyıl курай*) – соломенный курай. Звуковые и выразительные возможности этих инструментов позволяли обеспечивать сопровождение песен и плясок.

IX–X веками датируются детские керамические игрушки-свистки в виде фигурок животных и, чаще всего, птиц. Отсюда за ними закрепилось общее название ташкыш (*tashkyish*) – каменная птица. Данный вид музыкального инструментария, согласно археологическим данным, возник в процессе освоения гончарного производства [25, с. 152]. Впоследствии появились и другие музыкальные инструменты из обожжённой глины семейства окарин.

Согласно древним поверьям, особое значение, мистический смысл в ареале расселения на территории Восточной Европы этносов – предшественников народов, вошедших впоследствии в состав тюркского мира приобрёл музыкальный инструмент *гөслә* (*gusli*) – гусли, под аккомпанемент которого проводилось отправление культовых действий синкретического характера, включавших песнопения и танцы. С течением времени арсенал музыкального инструментария древних тюрков обогащался и количественно, и в плане совершенствования своих конструктивных свойств в связи с возрастанием его роли в различных сферах их жизнедеятельности.

Как известно, формирование Волжской Булгарии как первого крупного государственного образования в регионе Поволжья и Приуралья стало основополагающим фактором эпохальных перемен, оказавших определяющее

влияние на дальнейшие судьбы предков татар, определив их дальнейший путь в рамках исторической эволюции этносов, принадлежащих к тюркскому миру. На протяжении IX–XIII веков шёл процесс активного экономического, политического и культурного развития болгар, которые, как справедливо указывают исследователи, сыграли важнейшую роль в «оформлении этнической карты края» [17, с. 104].

Рост престижа Волжской Булгарии не только в восточноевропейском ареале, но и далеко за его пределами благодаря интенсивному развитию экономики и культуры, появлению крупных городов, налаживанию политических и торговых взаимосвязей в международном масштабе, обусловили весьма высокий статус этого государства. Все эти факторы «определили систему идеологических и нравственно-эстетических ценностей болгар, их восприимчивость к перманентному воздействию культурных традиций, привносимых извне» [22, с. 70]. Всё это, безусловно, способствовало самобытному преломлению духовного и художественного наследия Востока и Запада.

В данный период не теряли своей духовной и эстетической значимости древнейшие музыкально-поэтические традиции, которые продолжали последующие поколения носителей этого вида художественного творчества, внося в него актуальные для своего времени темы и образы, что, соответственно, требовало и обновления и обогащения его жанровых и стилевых аспектов. При этом оставались популярными герои старинных легенд и сказаний как воплощения идеалов героизма, высокой нравственности и красоты. Как образцы для всеобщего подражания представляли в эпическом творчестве образы идеальных представителей народа – бесстрашных героев и их стойких и верных возлюбленных, таких как, например, мужественный батыр Джик Мерген и прекрасная Алтынчеч.

Таким образом, произведения народных сказителей продолжали выполнять важные идеологические функции и, прежде всего, в воспитании патриотических чувств, любви к Родине: «Реалии эпохи отразились в музыкально-поэтическом творчестве X – первой четверти XIII вв., в котором выделились произведения патриотического настроения, посвященные Булгару» [22, с. 70]. Это была особая группа сказаний, песен и баитов патриотического настроения: «Жизнь Алып и строительство города Булгар», «Город Булгар», «Сражение Булгар с Константинией», «Баит о Булгаре» и др. Также можно указать на следующие легенды и мифы: «Камари и его сыновья», «Сорок девушек», «Удивительные небесные явления». В них воспевались природа страны и её жители, причём не только правители, но и землепашцы, ремесленники, педагоги и лекари.

К концу первого тысячелетия нашей эры продолжалось сложение группы напевов земледельческого цикла, связанных с определёнными временами года и видами трудовой деятельности, в частности, исполнявшихся в периоды весеннего сева или осеннего сбора урожая: «Сөрэн көе» («Напев пахоты»). Становление различных видов ремесел, особенно требовавших совместных трудовых действий, также породило циклы песен, выполнявших не только эстетические функции, но и имевшие прагматический смысл как организующий компонент: «Киндер сукканда» («Когда ткут полотно»), «Тула басам» («Сукно валяю») и др. Эти напевы сопровождали жизнь народа на протяжении нескольких последующих столетий.

Начиная с 992 года ислам в качестве официальной государственной религии обусловил обращение к принципиально новым нравственно-эстетическим ориентирам, стал эпицентром всей системы духовности, мировоззренческой основой ведущих отраслей науки, образования, искусства – всего образа жизни населения Волжской Булгарии. Вместе с новыми обширными знаниями об окружающем мире складывались условия для осмысления закономерностей и нравственно-эстетического значения музыкального творчества. Оно представляло в новом понимании – в качестве отрасли научных знаний и важного фактора формирования нравственного облика и эстетических представлений человека. В связи с этим необходимо обратить внимание на вопрос о роли Ислама в музыкальной культуре народов, приверженных данной религии. Вопреки всё ещё бытующим представлениям, «нет на карте исламского мира региона, где не создавались бы газели и касыды ... где и музыканты, и слушатели не были бы знакомы с традициями макама ... элементом общего классического словаря также становится инструментарий: страницы разноязыких поэтических сборников, изображения в миниатюрах так же, как и музыкальная практика прошлого и настоящего, подтверждают, сколь естественно всегда было использование дэфы (бубен), уда, чанга и других инструментов этого ряда в самых разных уголках исламского мира» [21, с. 222].

Вместе с тем, следует уточнить – музыка в исламских ареалах бытует в специфических формах в неразрывной связи с мусульманским культом: нараспев произносятся при богослужении священные суры Корана, произносятся тексты религиозных и нравоучительных книг, звучат с минаретов мечетей призывы к молитве. Всё это обуславливает тесное единение религиозного и музыкально-художественного начала: «Такие важнейшие свойства исламской традиции чтения Корана в ортодоксальном мусульманстве, как мелодичность и напевность, определяют собою особенности вокального интонирования богослужения. Вокальное начало играет роль эмоционального “усилителя” и одновременно “координатора” Божественного Слова и молитвенных слов» [27, с. 233].

Развитие охарактеризованных выше традиций выделилось в специальную область творчества, в которой придаётся очень большое значение не только прочтению текста, но и его напевному исполнению. Отсюда, все представители мусульманского духовенства должны иметь хороший голос, уметь чётко и выразительно произносить нараспев духовные тексты, владеть навыками мелодической импровизации.

Также, нельзя не обратить внимание на повсеместно выявившуюся в регионах распространения Ислама, включая Волжскую Булгарию, тенденцию формирования на основе взаимопроникновения элементов музыкально-поэтических форм, входящих в структуру мусульманского богослужения, и самобытных традиций, новых жанров духовного и назидательного характера. Они отличались мелодическим стилем, характерным для произведений эпического творчества, предусматривали напевное исполнение развёрнутого поэтического текста. К указанным формам относятся прежде всего *китап кәйләре* (книжные напевы), закрепившиеся за определёнными произведениями религиозной, учебной и художественной литературы, которые продолжали сохранять высокий статус в системе духовных ценностей татарского народа все последующие столетия.

Каждое значимое литературное произведение как религиозного, так и светского характера, приобрело собственный, неотъемлемо с ним связанный, напев с таким же, соответствующим названием. Одно из них – «Бэдэвам» («Бедевам»), относимое к наиболее ранним письменным памятникам (автор не известен). Эта книга получила широкое распространение во всем тюркском мире и долгое время выполняла функции учебного пособия. В целом, метод распевного разучивания религиозной и светской литературы эффективно применялся в образовательной среде, способствуя усвоению религиозных постулатов и знаний об окружающем мире.

Особо следует выделить такой самобытный музыкально-поэтический жанр, как *монэжэт* (мунаджат) как образец взаимопроникновения художественных традиций самобытного, местного происхождения, и характерных в целом для исламской художественной культуры. Данный жанр отличается глубиной своего содержания. Так, целый ряд таких произведений отражает философские размышления человека о своем предназначении в этом мире. Неслучайно этот жанр, благодаря своей этической и дидактической направленности, находил применение в образовательной сфере, в мектебах и медресе. Например, разучивался с воспитательными целями цикл мунаджатов, объединённых единым наименованием – «Насихэт» («Наставление»).

Таким образом, сложился обширный пласт духовных песнопений, в которых гармонично синтезировались исконные традиции с атмосферой духовности всего исламского мира. Примечательно, что в них в качестве символов новой культуры выступали учёные, поэты, представители мусульманского духовенства, книги, мечети и учебные заведения.

Воздействие культуры исламского Востока проявлялось не только в религиозной сфере, но во всех отраслях жизнедеятельности болгарского социума, где так или иначе была востребована музыка – в многообразных самостоятельных и синкретических видах светского художественного творчества. Будучи одним из компонентов светского элитарного образования, музыка изучалась в качестве объекта научного исследования на базисе наследия великих восточных учёных-энциклопедистов (аль-Фараби, Ибн Сина и др.).

Кроме того, особенно в элитных слоях общества, культивировалась практика профессионального и любительского светского музицирования согласно обычаям, принятым в дворцовой культуре стран исламского Востока. Музыка занимала существенное место в системе гражданского и военного этикета (официальные церемониалы и военные парады). Поэтому достигали довольно высокого социального статуса придворные музыканты, привнесшие из таких центров, как Багдад или Каир, формы и жанры вокального и инструментального искусства.

Другая группа музыкантов-профессионалов адресовала своё творчество к гораздо более обширной аудитории, удовлетворяя эстетические запросы болгарского «демоса». Они выступали на улицах и площадях болгарских городов, базарах и ярмарках, общенародных празднествах.

В массовой народной культуре музыка как вид творчества, включённый в комплекс художественно-эстетической деятельности, выполняла большую роль в системе семейного и общественного воспитания в процессе освоения детьми знаний об окружающем мире, осмысления принадлежности к своему этносу и закреплению традиций.

Музыкальный опыт предков перенимался эмпирическим путем. Песни (первоначально колыбельные) каждый ребёнок воспринимал на слух от взрослых, прежде всего, матери, начиная с раннего детства. Затем он самостоятельно, или под руководством наставника, на каждом возрастном этапе осваивал и далее обогащал свой репертуар новыми вокальными и инструментальными произведениями. При этом музыкальное развитие подрастающих поколений осуществлялось в двух направлениях – этнопедагогическом, охватывающим сферу обыденной жизни, и в системе исламского образования, в пространстве которого были активно задействованы канонические и самобытные формы преимущественно духовного музыкально-поэтического творчества.

Помимо вокального исполнительства, связанного с музыкально-поэтическими жанрами духовного и светского характера, следует выделить многообразие музыкально-инструментальных традиций болгар, обогащавшихся под влиянием светского искусства стран исламского мира. Обновлённый музыкальный инструментарий с более сложными конструктивными параметрами находил применение в самых разных областях музыкального, а также синтетических видах художественного творчества.

Средневековые авторы засвидетельствовали проникновение на территории обитания болгар инструментов общетюркского и арабо-мусульманского происхождения, которые использовались больше в элитарном быту, тогда как инструментарий местного происхождения – среди широких слоев и городского, и сельского населения. Музыкальные инструменты, предназначенные для профессионального и бытового музицирования, принадлежали к духовой, струнной и ударной группам. О распространённости в Волжской Булгарии многообразного музыкального инструментария писали:

– секретарь посольства багдадского халифа аль-Муктадира, путешественник и писатель Ахмад Ибн Фадлан: «Собирается много мужчин и женщин, играют на сазах» [12, с. 44];

– учёный-энциклопедист Ибн Даста (Ибн Русте): «Есть у них разного рода лютни, гусли, свирели» [10, с. 31].

Указанные выше сведения подкрепляют вещественные доказательства – музыкальные инструменты, извлечённые в процессе археологических раскопок Биляра, Суvara и других болгарских городов и селений, как, например, железный кубыз (kubyiz), обнаруженный на месте селища X–XI веков в Алексеевском районе Республики Татарстан [2].

Выявить специфику музыкального творчества предков татар в значительной степени возможно благодаря средневековым литературным памятникам, которые получили большое распространение на территории Волжской Булгарии и стали известными за её пределами. К ним относится, прежде всего, поэма Кул Гали «Кыйссаи Йёсыф» («Сказание о Йусуфе»), созданная в первые десятилетия XIII века и являющаяся самобытной трактовкой известной библейской притчи, нашедшей отражение и в Коране. Этому произведению многие века сопутствовала целая группа одноименных напевов, на которые оно читалось нараспев при публичном исполнении, в том числе и в образовательной среде.

В самом тексте поэмы содержится целый ряд эпизодов, характеризующих музыкальный быт болгар (главным образом придворный и военный). Например, они подтверждают факт сопровождения общественно значимых

событий звучанием церемониальной музыки в исполнении многозвучных оркестров – сцены шествия войска под «гром барабанов-труб» [13, с. 172], торжественной встречи Йусуфом своего отца под «грохот труб, литавр и барабанов...» [13, с. 228].

«Сказание о Йусуфе» явилось одним из наиболее выдающихся феноменов духовного наследия татарского народа, публичное исполнение которого практиковалось в распевной форме на одноименную мелодию.

В Волжской Булгарии получили, также, широкое распространение произведения арабских, персидских и тюркских поэтов, фольклорные и авторские интерпретации известных восточных преданий, сказаний и легенд («Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тагир и Зугра» и др.). Большой популярностью пользовалась поэма «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни, которая относится «к широко распространенным на Востоке сочинениям назидательно-дидактического характера, к произведениям этико-моралистической направленности» [3, с. 518]. Всё это подразумевало и развитие традиций музыкального творчества.

С XIII века важное значение в последующей эволюции татарского этноса приобрело государство, получившее название Золотая Орда. Данный период характеризовался усилением разносторонних взаимосвязей между народами, вошедшими в его состав. Усиление тенденции к культурному обмену существенно воздействовало на их музыкальное творчество. В обиход входили общетюркские музыкальные инструменты сурна, бургу, нокара (surna, burgu, покага – духовая группа), най, кобуз (nay, kobuz – струнная группа), томбур (tombur – ударная группа). Сведения о них содержатся в словаре куманского (кипчакского) языка под названием «Codex Cumanicus», составленном католическими священнослужителями-миссионерами в XIV веке [19, с. 24].

О музыке народов Восточной Европы писали и европейские путешественники. Так, Гийом де Рубрук и Иоанн де Плано Карпини отмечали, что «ни один Татарский князь не пьют никогда, если пред ними не поют или не играют на гитаре» [20, с. 71]. Данное утверждение подкрепляется результатами археологических раскопок, проводившихся уже в XX веке – обнаруженные на территории Старой Казани и датированные XIII–XV веками глиняный духовой инструмент и отшлифованная пустотелая косточка (фрагмент свирели типа «флейты Пана») [19, с. 25–26]; на месте Нового Сарая – керамический свисток типа окарин, который, судя по его конструктивным параметрам, являлся принадлежностью детского музыкального инструментария [18, с. 282–283].

В эпоху Золотой Орды создавались или получали новую интерпретацию монументальные эпические произведения общетюркского значения – дастаны, макамы, кубайры и др. Эти произведения вполне резонно можно считать не только поэтическими, но в равной степени музыкальными творениями, так как исполнялись они нараспев в сопровождении одного музыкального инструмента или целого инструментального ансамбля. К ним относится дастан «Идегэй» («Идегей»), сыгравший особую роль в формировании духовного наследия татарского народа.

«Идегей» исполнялся в сказово-песенной манере с инструментальным сопровождением, на что ясно указывает семисложная форма стихосложения, наиболее древняя у тюрков и предназначенная именно для распевного

произнесения текста. И в этом выдающемся литературном памятнике обнаруживаются эпизоды, характеризующие устойчивость и, в тоже время, развитие музыкальных традиций предков татар, в частности, особо значительную роль инструментальной музыки как неперменного атрибута официальных и праздничных церемоний и военного быта. При этом в качестве распространённых указываются духовые (сурнай, карнай) и ударные (барабан) инструменты [8, с. 107].

С XV века основным преемником традиций предыдущих этапов исторической эволюции татарского этноса и основным центром его духовности и культуры стало Казанское ханство. Здесь получили интенсивное развитие литература и различные виды искусства. В системе художественного творчества достойное место заняла и музыка. С этого времени прослеживается формирование основных форм и жанров музыкального фольклора татарского народа.

Особой сферой, где культивировались исламские музыкально-поэтические традиции, стала система образования, базировавшаяся на религиозных устоях и в которой ведущая роль принадлежала служителям мусульманского культа [26, с. 196]. Все они владели на профессиональном уровне навыками канонического распевного чтения духовной литературы и были носителями и распространителями этого своеобразного вида музыкально-поэтического творчества.

Развитие всех видов и жанров светской литературы в Казанском ханстве также было связано с музыкой. Сочинения Кул Шерифа, Ибрагима ал-Казани, Мухаммедьяра, Умми-Камала, Мухаммеда-Эмина, Гарифбека и других авторов разучивались и исполнялись в распевной манере на закреплённые за ними мелодии, как это издавна практиковалось в тюркском и исламском мире.

На распространённость этой традиции в системе образования указывал историк М. Худяков: «В крае существовала своя литература, от которой дошли до настоящего времени книги “Нагьджэль Фарадыз”, “Юсуф”, “Бедвам” (книга против язычества), “Башла Гали”, “Насыхат эс-Салихин”, новогодние песни “Науруз Байты”, сборник стихов “Шагир Булгар Газыларэ” (“Воители из Булгара”) и другие, пользующиеся большой популярностью среди казанских татар, но почти не встречающиеся у жителей других стран, имеющих мусульманское население» [26, с. 233]. Это, особенно упоминание о песнях, указывает на дальнейшее развитие самобытных традиций не только духовного, но и светского книжного пения. Владение навыками распевного чтения требовалось в то время от каждого образованного человека.

Нельзя не отметить, что как в народном творчестве, так и в профессиональной художественной литературе эпохи Казанского ханства, завершившего средневековую историю предков татар, музыка и музыкальные инструменты приобрели символическое значение. Особенно показательным это нашло отражение в поэме выдающего поэта Мухаммедьяра «Тухфа и мардан» («Дар мужей»). В ней воспевается личность творца – поэта, певца и музыканта-инструменталиста – исполнителя на сазе. Главный герой поэмы – придворный поэт Хушнава предстает носителем высокой духовности, благородства и доброты. Этим автор указывает на взаимосвязь таланта и высоких челове-

ских качеств, возвышает искусство музыки и утверждает его нравственно-эстетическую ценность [16].

Произведения Мухаммедьяра так же, как и другие литературные и исторические источники свидетельствуют о широком бытовании музыки в разных слоях казанского общества (от ханского дворца до массовых уличных увеселений).

Зарисовки музыкального быта казанских татар включил в свое произведение и не установленный автор «Казанской истории», датируемой историками второй половиной XVI века: «Прелестныя песни поюще ... пляшуще ... играющи въ гусли своя, и въ прегудница ударяющи...» [11, с. 26].

Правители и прослойка знати Казанского ханства, сами не чуждые литературному творчеству, покровительствовали людям искусства: «Придворные музыкальные ансамбли, исполнявшие светскую музыку, представляли элитарное классическое искусство, которое успешно развивалось при дворах феодальной знати в татарских ханствах средневековой эпохи» [14, с. 30–31]. Не только хан, но, одновременно, известный поэт Мухаммед Эмин (рубеж XV–XVI веков) особо поддерживал традиции элитарной светской художественной культуры исламского Востока.

Эволюция музыкального творчества татарского народа в XV – середине XVI веков привела к формированию музыкального наследия, сохранившего свою актуальность на протяжении последующих веков и дошедшего преимущественно в фольклорных формах до периода становления современной национальной музыкальной культуры, став её нравственно-эстетическим, тематическим и стилевым основанием.

Среди всего многообразия видов традиционной татарской музыки выделяются как наиболее значимые феномены эпический жанр баёт (баит), песенный жанр озын көй (протяжный напев), а также некоторые образцы музыкального инструментария.

Баит как эпический жанр носит повествовательный характер, отличается развёрнутостью текста, что требует от исполнителя (зачастую являющегося его автором) владения навыками стихосложения. Баиты разнообразны по своим сюжетам (сказочные, исторические, легендарные, нравоучительные, семейно-бытовые). Однако при этом все они содержат назидательный, нравоучительный контекст.

Основными носителями своеобразия татарской музыки стали озын көй (протяжные напевы). Они выражают философское, поэтическое восприятие действительности, обращаются к серьёзным проблемам бытия, выделяются своей красотой и неповторимостью звучания, глубиной содержания, раскрывающего самые сокровенные мысли и чувства человека. В многообразии тематики протяжных напевов следует выделить патриотические мотивы, связанные с воспеванием родной природы, её лесов и рек: «Сакмар су», «Кара урман» («Темный лес»).

В эпоху Казанского ханства совершенствовался национальный музыкальный инструментарий. Данный компонент музыкальной культуры татар сложился в феномен, включающий разнообразные фольклорные формы, а также жанры, неотъемлемые от общественно значимых профессиональных видов художественной деятельности. Некоторые из старинных татарских

музыкальных инструментов задействованы в современном музыкальном творчестве и исполнительстве. Охарактеризуем некоторые из них.

Самозвучающий язычковый кубыз (kubyiz) (или варган – vargan) представляет собой пластинку из дерева, кости, металла или металлическую дугу. Его аналоги, которые могут различаться по внешним признакам, но с единым способом звукоизвлечения, издревле бытовали и продолжают бытовать у многих этносов мира. Чаще всего кубыз используется для исполнения танцевальных мотивов и звукоподражания.

Духовой музыкальный инструмент курай (kuray) бытовал с истоков формирования татарского этноса, что нашло отражение в преданиях, сказках и легендах. Он изготавливался из полых стеблей зонтичных растений. Звучание курая характеризуется как поэтичное и эпически возвышенное. На нём исполняются и виртуозные, и распевные, мелодически развернутые мелодии. В продолжение многовековой эволюции, этот инструмент обрёл целый ряд модификаций, различающихся, при общности основных параметров, конструктивно и по материалам, из которых они изготавливаются: агач курай (agach kuray) – деревянный курай, көпшә курай (kepshe kuray) – курай из стебля, жиз курай (zhiz kuray) – медный курай, нугай курай (nugay kuray) – ногойский курай, и, наконец, его основная разновидность – казан курай (kazan kuray – казанский курай) из дерева или металла.

Наименование комбинированного из двух природных материалов духового музыкального инструмента сорнай (sornay) сложилось от слов рог (sor) и тростник (най). В татарском фольклоре наличествует цикл мелодий для этого инструмента под общим названием «Наигрыши на сорнае».

Музыкальные инструменты ударной группы – дэф (daf), ведущей свое происхождение с арабского Востока, а также сходные с ними тюркский да-вылбаз (davuilbaz) и более поздний домбри (dombri), использовались больше в ансамблевом музицировании для ритмической поддержки подвижных песенных и плясовых наигрышей, а также для сопровождения под специальные ритмические формулы распевного исполнения странствующими дервишами-суфиями духовных напевов, известных под названием зикры.

В целом, в эпоху Казанского ханства музыкальное творчество сосредоточило в себе достижения, накопленные почти за тысячелетие формирования татарского этноса.

На основании всего изложенного можно сформулировать вывод о том, что генезис и последующая эволюция музыкальной культуры предков татар эпохи Средневековья органично вплетена в общий процесс исторического становления данного этноса согласно следующей периодизации:

- от истоков до VIII века – сложение общетюркских особенностей музыкального творчества, являвшегося преимущественно компонентом эпических и обрядовых жанров синкретического характера;
- IX–X века – формирование, наряду с сильной связью с общетюркскими традициями, самобытных черт музыки предков татар, прежде всего, болгар;
- X–XIV века – значительное обогащение всех видов музыкального искусства благодаря освоению традиций, связанных с культурой исламского Востока;

• XIV – середина XVI веков – оформление татарской музыкальной культуры в систему, представленную разнообразными жанрами и богатым инструментарием.

При этом в качестве основополагающих факторов их становления и развития выявляются следующие:

- тюркский – древнейший, включающий как самобытные традиции, так и возникшие благодаря многообразным взаимосвязям с культурами родственных этносов и этнических групп тюркского мира;
- исламский – формировавшийся на основе сильнейшего воздействия духовной культуры и искусства мусульманского Востока.

Во все исторические периоды становления татарского этноса различные виды музыкального творчества, задействованные во всех сферах жизнедеятельности и, прежде всего, системе духовных ценностей и образовательной среде, способствовали формированию нравственно-эстетических ценностей социума.

Таким образом, на всём протяжении исторического развития предков татар в эпоху Средневековья последовательно формировались музыкальные традиции, базировавшиеся на комплексе самобытных жанров народного и устного профессионального музыкального творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология китайской поэзии. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 2. 376 с.
2. Ахунов А.М. История татарской музыки. Режим доступа: <https://www.tatshop.ru/blog/169-istoriya-tatarskoj-muzyki> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Баласагуни Ю. Благодатное знание. М.: Наука, 1983. 558 с.
4. Бояркин Н.И. Древние звуковые комплексы восточных финнов (по археологическим материалам) // Финно-угорские музыкальные традиции в контексте межкультурных отношений: сб. науч. тр. / Редкол.: Н.И. Бояркин (отв. ред.), Л.Б. Бояркина (сост.) и др. Саранск: Изд-во Мордовского гос. ун-та, 2008. С. 23–69.
5. Гафиуллина К.Н. Культ горы в древнетюркской мифологии и его отражение в устном творчестве татарского народа // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции. Казань, 24–25 января 2001 г. Казань, 2002. С. 68–74.
6. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Изд-во «Тов-во Клышников и Комаров», 1993. 526 с.]
7. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Изд. вост. лит., 1960. 335 с.
8. Идгей: татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 256 с.
9. Из «Диван лугат ат-турк» Махмуда Ал-Кашгари: [Фрагменты] // Поэзия древних тюрков VI–XII веков / Сост. И.В. Стеблева; поэт. пер. А. Преловского. М.: Изд-во «Раритет», 1993. С. 111–147.
10. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда бен Омар Ибн-Даства / Пер. Д.А. Хвольсона. СПб: Акад. наук. 1869. XIV. 199 с.
11. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст., прим. Г.И. Моисеевой; под ред. В.П. Андрианова-Перетц. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
12. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1956. 347 с.

13. *Кул Гали*. Сказание о Йусуфе / Пер. С. Иванова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 254 с.
14. *Макаров Г.М.* Музыка старотатарской письменной поэзии как составная часть средневековой элитарной культуры Волго-Камского региона // Музыка. Искусство, наука, практика. № 1 (13). 2016. С. 29–40.
15. *Менандр* // Византийские историки / Пер. и прим. Г.С.Дестуниса. СПб., 1860. Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_00.htm (дата обращения: 27.04.2018).
16. *Мухаммедьяр*. Тухфаи мардан. Нуры содур=Дар мужей. Свет сердец. Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. 150 с. Режим доступа: <https://yadi.sk/i/RyjDYhajqdJy7> 2016 (дата обращения: 10.06.2018) (на тат. яз.).
17. *Напольских В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен: в VII т., Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь / гл. ред. М.А. Усманов, Р.С. Хакимов. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 100–115.
18. *Нигмедзянов М., Вайнер И.* Музыкальный инструмент из Нового Сарая // Советская археология. 1965. № 2. С. 282–283.
19. *Нигмедзянов М.Н.* Татарские народные песни. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 240 с.
20. Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Географгиз, 1957. 270 с.
21. *Сайфуллина Г.Р.* Художественная культура татар-мусульман: взгляд со стороны // *Tatarica*. 2014. № 1. С. 222–226.
22. *Салитова Ф.Ш.* Традиционная музыкальная культура Поволжья и Приуралья: полиэтничный аспект // *Сервис+*. 2016. № 3. Т. 10. С. 68–76.
23. *Симокатта Феофилакт*. История. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 224 с.
24. *Урманче Ф.И.* Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2015. 448 с.
25. *Хлебникова Т.А.* Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 152.
26. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. 310 с.
27. *Шаяхметова А.К.* К вопросу о музыкальной эстетике Корана // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 233–236. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-muzykalnoy-estetike-korana> (дата обращения: 06.08.2018).

Сведения об авторе: Фэридэ Шарифовна Салитова – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, профессор кафедры психологии и педагогики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Гжельский государственный университет» (140155, пос. Электроизлятор, д. 67, Раменский р-н, Московская обл., Российская Федерация). E-mail: faridamail@bk.ru

Поступила 17.05.2021 Принята к публикации 10.08.2021
Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. *Anthology of Chinese Poetry*. Moscow: Goslitizdat, 1957, vol. 2. 376 p. (In Russian)
2. Akhunov A.M. *History of Tatar Music*. Available at: <https://www.tatshop.ru/blog/169-istoriya-tatarskoj-muzyki> (accessed: 2.02.2021). (In Russian)
3. Balasaguni Yu. *Graceful Knowledge*. Moscow: Nauka, 1983. 558 p. (In Russian)
4. Boyarkin N.I. The ancient sound complexes of eastern Finns (based on archaeological materials). *The Finno-Ugric Musical Tradition in the Context of Inter-ethnic Relations: Collected Papers*. Boyarkin N.I., Boyarkina L.B. et al. (eds). Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, pp. 23–69. (In Russian)
5. Gafiullina K.N. The cult of the mountain in ancient Turkic mythology and its reflection in the oral creativity of the Tatar people. *Ancient Turkic World: History and Traditions. Proceedings of the Conference of the Same Name*. Kazan, 2002, pp. 68–74. (In Russian)
6. Gumilev L.N. *Ancient Turks*. Moscow, 1993. 526 p. (In Russian)
7. Zhirmunskiy V.M. *The Legend of Alpamysh and Heroic Fairy Tale*. Moscow, 1960. 335 p. (In Russian)
8. *Idegey: The Tatar Folk Epic*. Kazan, 1990. 256 p. (In Russian)
9. From the “Divan lugat at-Turk” of Mahmoud al-Kashgari. *The Poetry of Ancient Turks from the sixth to twelfth centuries*. Moscow: Izdatel'stvo “Tovarishchestvo Klyshnikov i Komarov”, 1993, pp. 111–147. (In Russian)
10. *Abu Ali Ahmad bin Omar Ibn Dusta's Information about the Khazars, Burtas, Bulgarians, Magyars, Slavs, and Rus*. St. Petersburg: Akademiya nauk, 1869, XIV. 199 p. (In Russian)
11. *The Kazan History*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. 195 p. (In Russian)
12. Kovalevskiy A.P. *Ahmad ibn Fadlan's Book about His Journey to the Volga in 921–922*. Kharkov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo universiteta, 1956. 347 p. (In Russian)
13. Kul Gali. *The Legend of Yusuf*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 254 p. (In Russian)
14. Makarov G.M. Music of the old Tatar written poetry as an integral part of the medieval elite culture in the Volga-Kama region. *Music. Art, Science, Practice*. 2016, no. 1(13), pp. 29–40. (In Russian)
15. Menander. Destunis G.S. (tr.). *Byzantine Historians*. St. Petersburg, 1860. Available at: http://www.krotov.info/acts/05/marsel/ist_viz_00.htm (accessed: 18.5.2018). (In Russian)
16. Muhammedyar. *The Gift of Husbands. Light of Hearts*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 150 p. Available at: <https://yadi.sk/i/RyJdYhajqJy7> 2016 (accessed: 25.5.2018). (In Tatar)
17. Napol'skikh V.V. Bulgar epoch in the history of the Finno-Ugric peoples in the Volga and Cis-Ural regions. *History of Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes, Vol. 2: Volga Bulgharia and the Great Steppe*. Kazan: Izdatel'stvo “RukhIL”, 2006, pp. 100–115. (In Russian)
18. Nigmedzyanov M., Vayner I. Musical instrument from New Saray. *Soviet Archaeology*. 1965, no. 2, pp. 282–283. (In Russian)
19. Nigmedzyanov M.N. *Tatar Folk Songs*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 240 p. (In Russian)
20. *Journeys to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruck*. Moscow: Geografiz, 1957. 270 p. (In Russian)
21. Sayfullina G.R. Artistic culture of the Muslim Tatars: A view from the side. *Tatarica*. 2014, no. 1, pp. 222–226. (In Russian)
22. Salitova F.Sh. Traditional musical culture of the Volga and Cis-Ural regions: A polyethnic aspect. *Servis+*. 2016, vol. 10, no. 3, pp. 68–76. (In Russian)

23. Theophylact Simocatta. *History*. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1957. 224 p. (In Russian)
24. Urmanche F.I. *Turkic Heroic Epic*. Kazan: IYaLI im. G. Ibragimova AN RT, 2015. 448 p. (In Russian)
25. Khlebnikova T.A. Pottery production of the Volga Bulgarians from the tenth to beginning of thirteenth century. *Proceedings of the Kuibyshev Archaeological Expedition*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1962. p. 152. (In Russian)
26. Khudyakov M.G. *Essays on the History of Kazan Khanate*. Kazan: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 310 p. (In Russian)
27. Shayakhmetova A.K. To the question of musical aesthetics of the Koran. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2009, no. 3, pp. 233–236. (In Russian)

About the author: Feride Sh. Salitova – Dr. Sci. (Pedagogics), Cand. Sci. (History of Arts), Professor of the Department of Psychology and Pedagogics of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Gzhel State University” (140155, settlement Elektroizolyator, 67, Ramensky district, Moscow region, Russian Federation). E-mail: faridamail@bk.ru

*Received May 17, 2021 Accepted for publication August 10, 2021
Published September 29, 2021*

НАСЕЛЕНИЕ ПОРОСЬЯ В ПРЕДМОНГОЛЬСКИЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОДЫ

О.Б. Бубенок¹, А.Б. Головка²

¹ *Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины
Киев, Украина
helgebub@gmail.com*

² *Институт украинской археологии и источниковедения
им. М.С. Грушевского НАН Украины
Киев, Украина
alexholovko@ukr.net*

Цель исследования: определить этнический состав населения бассейна р. Рось накануне прихода монголов в первой половине XIII в. и изменения в среде местного населения, связанные с вхождением Поросья в состав Золотой Орды.

Материалы исследования: письменные источники древнерусского, византийского, западноевропейского, персидского и монгольского происхождения; результаты археологических раскопок в бассейне р. Рось; данные топонимии.

Результаты и научная новизна: впервые был проведен сравнительный анализ свидетельств письменных источников и археологии об этническом составе населения Поросья как в предмонгольское время, так и в золотоордынский период. Это позволило проследить этапы смены прежнего населения Поросья на новых мигрантов. Так, удалось установить, что в начале XIII в. на левом берегу р. Рось преобладало тюркоязычное население, известное в письменных источниках как «торки» или «черные клобуки». Приход монголов сюда привел к оттоку значительных групп этого населения в степи Восточной Европы. Но некоторые торки продолжали жить на прежних местах, о чем могут свидетельствовать топонимы и гидронимы. В то же время, берега р. Рось золотоордынцы начали заселять военизированными подразделениями выходцев из черкесских земель и других регионов Золотой Орды. На эту мысль наводят результаты раскопок курганов возле сел Яблоновка и Таганча. В этом следует видеть продуманную политику золотоордынских правителей по укреплению этой части границы между Улусом Джучи и Русью, которая проходила вдоль течения р. Рось.

Ключевые слова: монголы, Улус Джучи, Золотая Орда, Западный поход, Поросье, Канев, торки, черные клобуки, черкесы, золотоордынцы

Для цитирования: Бубенок О.Б., Головка А.Б. Население Поросья в предмонгольский и золотоордынский периоды // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 478–505. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.478-505

THE POPULATION OF THE ROS' RIVER BASIN DURING THE PRE-MONGOL AND GOLDEN HORDE PERIODS

*O.B. Bubenok*¹, *A.B. Golovko*²

¹ *A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine
Kyiv, Ukraine
helgebub@gmail.com*

² *M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Sources Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine
Kyiv, Ukraine
alexholovko@ukr.net*

Abstract: *Research objectives:* To determine both the ethnic structure of the population of the Ros' river basin before the arrival of the Mongol armies in the first half of the thirteenth century and the changes to the local population after the inclusion of this region into the Golden Horde.

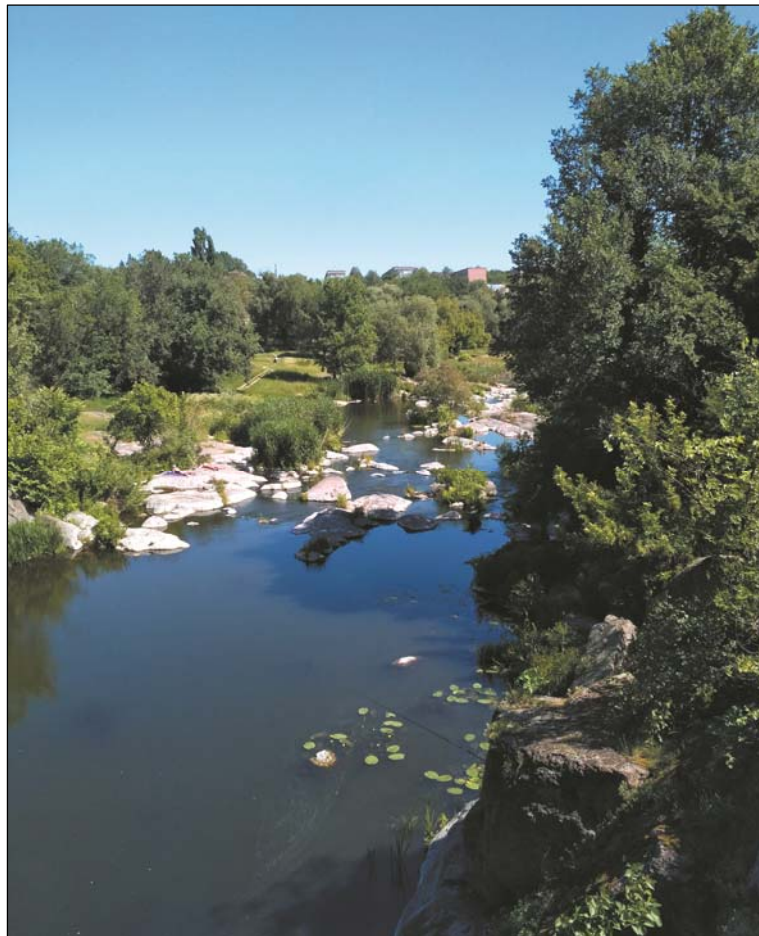
Materials: Written sources of Old Russian, Byzantine, Western European, Persian, and Mongolian origin; results of archaeological excavations in the Ros' river basin; toponymy data.

Results and novelty of the research: For the first time ever, a comparative analysis of the evidence of written sources and archaeology about the ethnic structure of the population of Ros' river basin was carried out not only for the pre-Mongol time, but for the Golden Horde period as well. As a result, it has been made possible to trace the stages of change among the former population of region. It has been established that for the beginning of the thirteenth century, the left bank of the Ros' river was dominated by a Turkophone population known in written sources as the *Torks* or *Black Hoods*. The arrival of the Mongols here led to the migration of significant groups of this population to the steppes of Eastern Europe. However, some *Torks* continued to live in their former locations according to the data of toponyms and hydronyms. At the same time, the Golden Horde rulers began to populate the banks of the Ros' river by the militarized immigrants from the Circassian lands and other regions of the Golden Horde. This has been proven by the results of excavations of barrows near the Yablonovka and Tagancha villages. This resettlement was the result of a pragmatic policy of the Golden Horde rulers aimed at strengthening this part of the border between the Ulus of Jochi and Rus', running along the Ros' river.

Keywords: Mongols, Ulus of Jochi, Golden Horde, Western campaign, Ros' river basin, Kanev, Torks, Black Hoods, Circassians, Golden Horde's people

For citation: Bubenok O.B., Golovko A.B. The Population of the Ros' River Basin during the Pre-Mongol and Golden Horde Periods. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 478–505. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.478-505

На протяжении многих столетий Среднее Поднепровье являлось контактной зоной между земледельческим и кочевым мирами. Особенно показательно в этом отношении Правобережье, где протекает р. Рось, которая является естественной границей между степью и лесостепью (ил. 1). Это и предопределило судьбу Поросья как пограничной территории в эпоху средневековья. На сегодня мы обладаем определенными сведениями о населении Поросья предмонгольского времени, и в то же время мы не имеем представления об этнодемографических процессах в данном субрегионе в золотоордынский период.

Ил. 1. Долина р. Рось (фото А.Б. Головки)

Fig. 1. The valley of the Ros' river (photo by A.B. Golovko)

В историографии давно сложилась традиция связывать ту или иную фазу средневековой истории населения причерноморских и северокавказских лесостепей и степей с именами кочевниками, которые в конкретную эпоху доминировали в этом ареале: гуннский, аварский, болгарский (протоболгарский), древневенгерский (угорский), печенежский, половецкий, монгольский (татарский, ордынский) периоды. Такой подход в определенной мере себя оправдал, хотя иногда его использование приводило и приводит к упрощенному представлению о прошлом из-за недостаточного внимания со стороны исследователей к другим, далеко не второстепенным обитателям степей. Среди подобных объединений, на наш взгляд, особый интерес представляет история тюркского объединения, известное в исторической литературе как «Черные клобуки», которое на протяжении длительного времени играло немаловажную роль в жизни средневековой Восточной Европы [8]. В предлагаемом очерке его авторы предлагают обратиться к истории малоизученного периода жизни указанного формирования в период, когда в регионе происхо-

дит утверждение нового политического формирования монголов Улуса Джучи, который позже будет именоваться как Золотая Орда¹.

Объединение тюркских структур «Черные клобуки» состояло из многих различных по величине и силе групп кочевников (печенеги, берендеи, коуи, каепичи и др.), но главными среди них, безусловно, были торки. Часто, когда в источниках XII в. упоминаются торки, речь может идти не только о них, но и об их союзниках. Возникло это объединение в бассейне правого притока Днестра реки Рось в конце XI – начале XII вв. Первыми среди будущих создателей черноклобуцкого объединения в Восточной Европе стали печенеги, которые доминировали в Северном Причерноморье почти полтора столетия. С появлением этих кочевников связаны гибель Великоморавской державы и переселение в Паннонскую долину из Дунайско-Днестровского междуречья племен угров [27, с. 88–126; 74, с. 159–186; 38, с. 21–78; 73 с. 69–74]. Французский хронист Регинон Прюмский под 889 г. сообщает: «...gens memorata a finitimis sibi populis, qui Pecinani vocantur, a propriis sedibus expulsa est, eo quod numero et virtute prestarent et genitale, ut premisimus, rus exuberante multitudine non sufficeret ad habitandum (упомянутый народ [угры. – авт.] был изгнан из своих мест соседними с ними народами, которые именуются Печенегами, поскольку те превосходили [угров. – авт.] числом и силой, а родина тех [печенегов. – авт.], как мы писали ранее, была недостаточной для для проживания их чрезвычайного множества» [75, р. 132].

Византийский василевс Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» (написан в 948–952 гг.) отмечает большое влияние печенегов на жизнь соседних стран и народов; отмечается, что территория, которую контролировали кочевники, делится на восемь «фем» (реально районов контроля кочевников) [39, с. 156–157]. Что для нас важно, одна из «фем» – Харавои – находилась рядом с «Росией» (Русью). Очевидно, она располагалась в бассейне р. Рось, на север от которого располагалась южная граница киевского государства. О. Прицак высказал интересную мысль, что именно в Поросье находился центр печенежских земель [54]. Исходя из описания Константина, в середине X в. печенеги контролировали всю лесостепь и степь Северного Причерноморья. Отметим, что известный специалист по истории

¹ В исторической литературе войска огромного Монгольского государственного формирования, которые пришли в Восточную Европу в 20-х – 30-х годах XIII в., часто называют «монголо-татарами» или «татаро-монголами» [63]. Однако в последнее время многие историки, возможно из-за связи с мифотворческим понятием «монголо-татарское иго», высказываются против использования этих терминов. Однозначно, что завоеватели, которые пришли в Восточную Европу в 30-х годах XIII в., возглавлялись представителями монгольского клана Чингизидов, который создал Монгольскую империю. Татарами на востоке называли другое племенное объединение, которое на определенном этапе межплеменного противостояния в Центральной Азии было противником монгольских племен [34, с. 139–147]. Однако в Европе именно монгольских пришельцев называли татарами, а в ходе кровавых войн в середине XIII в., кроме верхушки монгольского государства, этнических монголов в созданных Чингизидами формированиях уже практически не было. Преимущественно тюркоязычный состав правящего сословия этих формирований и их военные силы стали носить и общее имя татар. Исходя из этого, мы считаем возможным использование дефиниций «монголо-татары» или «татаро-монголы» (первая представляется лучшей) для определения специфики той военно-политической силы, которая совершила вторжение в земли народов Восточной и Центральной Европы в середине XIII ст.

номадов Г.А. Федоров-Давыдов считал, что у печенегов в первой половине XI в. появились определенные признаки ранней государственности [68, с. 219].

Во второй половине X в. в Восточную Европу начинают проникать из Средней Азии огузские (торчские) племена. Во время конфликта киевского князя Святослава с Хазарским каганатом союзниками Руси были огузские орды [45, с. 224–226]. На рубеже IX–X вв. огузы жили на юго-восток от Нижней Волги в Прикаспии и находились под патронатом Хазарского каганата [15, с. 147]. Арабский путешественник начала X в. Ахмед ибн-Фадлан, секретарь посольства аббасидского халифа ал-Мухтадира к волжским булгарам, отмечает, что он и его спутники попали в страну огузов сразу после перехода через плато Устюрт (район между Прикаспием и Приаральем) [35, с. 24, 97–98, 125–129].

В середине X в., судя из свидетельств Константина Багрянородного, огузы выходят из-под контроля хазар и начинают вместе с волжскими булгарами долгую войну против Каганата за полную независимость [39, с. 29, 51; 45, с. 226]. В это время племена огузов, вероятно, начинают перемещаться на запад, где районы их пребывания приблизились к восточным «фемам» печенегов, описанным выше греческим автором [39, с. 51]. Отмечая враждебность в отношениях печенегов и огузов в X в., которая особенно усиливалась по мере передвижения последних через Волгу и Дон в конце столетия, следует отметить, что значительная этническая и культурно-хозяйственная близость этих народов приводила к постепенному сближению и даже слиянию некоторых печенежских и огузских объединений [51, с. 17–18]. Позднее эти процессы (утрата печенежскими племенами контроля над территорией кочевий в Северном Причерноморье под давлением кипчаков-половцев) станут определяющими в отношениях кочевников – соперников половцев, что приведет в XII в. к постепенному возникновению «Черноклобуцкого объединения» [58, с. 91–109; 7, с. 13–25; 8, с. 45–64].

Отмечая факт масштабного продвижения торков на запад в Северное Причерноморье, необходимо отметить, что это была лишь часть большого огузского объединения. В X в. произошел распад единого огузского этнического массива [1, с. 178–187]. Большое объединение кочевников, которое приняло мусульманство, обошло Каспий с юга, прошло через Иранское нагорье в Малую Азию, где во второй половине XI в. создало государство турков-сельджуков [16, с. 22–34]. Передвижение торков в причерноморские степи было в начале XI в. направлено против печенегов, а не против Руси и ее владений в степи. Поэтому в древнерусских летописях известия о торках появляются только в середине XI в.

Ослабление печенегов создало условия для киевского князя Ярослава Владимировича (1019–1054 гг.), который начал процесс колонизации района южнее Киева на правом берегу Днепра между Стугной и Росью [42, стб. 150]. Потеря Поросья, наступление торков привели к кардинальным изменениям в жизни печенежских племен, вынудив главную их массу к переселению на Балканы. Аналогичная судьба ожидала и торков после вторжения в Северное Причерноморье половцев.

Во второй половине XI в., по разрешению южнорусских князей, начинается процесс оседания торков и печенегов в южнорусских княжествах,

прежде всего в Поросье и восточных районах Переяславльского княжества. Более удобным был первый ареал, поскольку его холмистый ландшафт создавал лучшие условия для обороны края. В Поросье во второй половине XI в. возник важный политический и военно-стратегический пункт – Торческ, который принадлежал торкам. Синхронное сопоставление сведений «Поучения» князя Владимира Всеволодовича «Мономаха» и летописных известий позволяет отнести первое известие о Торческе к 1083/84 г. [13, с. 117–118].

Активное противостояние Руси нападением половцев в 90-х годах XI в. стало причиной активизации неполовецкого кочевого населения, которое выступало союзником славян. В это время, кроме торков и печенегов, впервые упоминаются берендеи. Так, в 1098 г. теребовльский князь Василько Ростиславич призывает торков, печенегов и берендеев совершить совместный поход против Польши [42, стб. 266].

В XII в. в жизни неполовецких группировок на юге Руси произошли определенные социально-политические изменения, которые свидетельствовали о создании тут территориально-административной структуры, которую летописцы называют «Черные клобуки». Кроме торков, печенегов, берендеев, в это объединение входили коуи, турпеи, бастии и каепичи. В Поросье эти группы имели свои станы и пастбища, однако из-за ограниченности территории здесь происходит процесс перехода к полуседлому способу хозяйствования [50, с. 63–65]. На протяжении многих десятилетий «черные клобуки» играли важнейшую роль в обороне южной границы Руси [58, с. 97–104; 4, с. 3–106]. Неоднократно они принимали участие и во внутривосточных конфликтах древнерусских князей. Так, известно, что «черные клобуки» оказали большую помощь галицкому князю Роману Мстиславичу в его войне против киевского князя Рюрика Ростиславича в 1201 г. [42, стб. 476]. В 1235 г. киевский князь Владимир Рюрикович прислал владимирскому (на Волыни) князю Даниилу Романовичу в помощь отряд торков, что помогло союзникам одержать победу над галицкими боярами и болоховскими князьями [26, стб. 775]. О пребывании тюркского населения в Поросье свидетельствует большой археологический материал, который начал накапливаться с XIX в., начиная с раскопок Н.Е. Бранденбурга [8, с. 47].

Информация о защитниках южной границы Руси «черных клобуках» (по тюркски «каракалпаках») была известна далеко за пределами Восточной Европы. Очевидно, о них хорошо знали руководители монголов, которые готовились к завоеванию Восточной и Центральной Европы. Вероятно, впервые монгольские воины встретились с «черными клобуками» еще в 1223 г. Мы не будем гадать на тему возможности их участия в походе войск коалиции Руси и половцев на Калку весной этого года, однако во время последующего после битвы вторжения монголов в пределы Киевской земли в июне нападавшие не могли миновать Поросье. Как известно, тогда войска монгольских полководцев Субедея и Джебе дошли до города Новгорода-Святополчского, который находился в нескольких десятках километров от Киева (ныне городище в полутора км на юг от села Витичев Обуховского района Киевской области) [26, стб. 745; 14, с. 55].

Появление монгольских войск на правом берегу Днепра в непосредственной близости от Киева свидетельствовало, что их руководители планировали захватить столицу Руси. Но вступив в пределы Южной Руси, Субедей

и Джебе поняли, что у них нет сил для продолжения похода, и монголы были вынуждены повернуть на восток. Однозначно, что кампания монгольских полководцев завершилась фиаско, поскольку они не выполнили приказ Чингиз-хана захватить одиннадцать стран и народов, подчинить город Кивамен-Кермен (Киев) [36, с. 188–189; 14, с. 55–56].

Вторая попытка подчинить Киев была предпринята царевичем Менгу во время похода монголо-татарских войск в Восточную Европу в конце 1239 г. Монгольская армия подошла к столице с левого берега Днепра, где находился городок-крепость Песочный (сейчас это местность возле села Троещина, которое входит в административную структуру современного Киева, и микрорайона Выгуриковщина-Троещина столицы Украины). Этот древнерусский форпост прикрывал паромную переправу, которой начиналась дорога с киевского Подола к Чернигову, откуда и прибыли завоеватели. Летописец пишет, что пораженный красотой города, Менгу не захотел его штурмовать [26, стб. 782]. На самом деле, у него не было сил для боевых действий против хорошо укрепленного города. Отказ от дальнейших военных действий на юге Руси в определенной мере связан и с желанием монгольского полководца отправиться с войском на Северный Кавказ, где он вскоре и появился в районе города Магас.

На протяжении первой половины 1240 г. хан Бату подготовил большое войско для завоевания двух наиболее крупных южнорусских городов – Киева и Владимира (на Волыни), что открывало ему дорогу в Центральную Европу. Понимая возможность осложнений в ходе будущего штурма столицы Руси, монголы летом 1240 г. переправились на правый берег Днепра и начали операцию против хорошо укрепленного пограничного района в Поросье. Говоря о значительном месте в кампании борьбы монгольских войск с «черными клобуками» важно вспомнить информацию персидского автора Рашида ад-Дина, который писал о том, что в 1239–1241 гг. «царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в 9 дней взяли большой город русских, которому имя Манкерман» [62, с. 37]. Можно предполагать, что сочетание «страна русских и народа черных клобуков» обозначало «Черноклобуцкую волость» на юге Киевской земли, где вместе жили и тюркское, и славянское население [70, с. 380].

На протяжении второй половины лета – первой половины осени 1240 г. монгольские войска уничтожили города-крепости Поросья, что создало им благоприятные условия для продвижения на север к Киеву. В ходе археологических исследований было найдено более двух десятков городищ, которые были остатками уничтоженных монголами фортификационных объектов [31, с. 117–120; 71, с. 70–72]. Об уровне ожесточенности боев в Поросье свидетельствует то обстоятельство, что о них имеется информация в средневековой хронике далекого Китая [70, с. 381–385]. Для исследователей большой интерес представляет дальнейшая судьба черных клобуков.

Так, первая гипотеза была предложена еще в XVIII в. Н.М. Карамзиным в его «Истории государства Российского» и связывала появление названия *Черкасы* в Поднепровье с «Торками и Берендеями», что имело отношение к событиям предмонгольского периода [30, с. 243]. Таким образом, российский историк считал, что черные клобуки никуда не исчезали из Поросья при монголах. В данном случае можно увидеть совпадение его идеи с фрагментом

Воскресенской летописи, датированным 1152 (6660) г. [11, с. 56]. Кроме того, Н.М. Карамзин первым высказал оригинальную идею относительно связи черных клобуков с каракалпаками Приаралья [29, с. 121, прим. 218].

Идея Н.М. Карамзина о связи потомков черных клобуков с черкасами Поднепровья и каракалпаками Средней Азии нашла поддержку в работах некоторых исследователей XIX – начала XX вв. К ним следует отнести И. Березина, Ф. Бруна и др. [5, с. 106; 6, с. 115].

В то же время В.И. Масальский склонен был связать происхождение каракалпаков с печенегами [43, с. 390–391]. В связи с этим следует напомнить, что в составе племенной конфедерации «Черных Клобуков» в Поросье, кроме торков и других тюркоязычных групп, были также печенеги. По этому поводу Д.А. Расовский подчеркнул: «Известно, как при монголах далеко могли оказаться от мест своего первоначального поселения отдельные, покоренные ими народности» [59, с. 109, прим. 427].

Однако П. Голубовский, а также современный исследователь О. Гундогдыев не сомневались в том, что торки, как правобережные, так и левобережные уже в предмонгольский период подверглись ассимиляции со стороны славянского окружения [15; 13; 20].

Такой подход отличается от взглядов М.С. Грушевского и Д.А. Расовского. Так, М.С. Грушевский считал, что основная масса чёрных клобуков вынуждена была вернуться в степи и «слиться с татарской ордой» [19, с. 550–551]. Такого же мнения придерживался и Д.А. Расовский [59, с. 109]. В советское время подобные взгляды имел Г.А. Федоров-Давыдов, который опирался на данные археологических раскопок как в Поросье, так и вне пределов бассейна р. Роси [65, с. 153].

* * *

В итоге, отметим, что гипотеза Н.М. Карамзина о связи черных клобуков с основанием города Черкассы в Среднем Поднепровье не имеет под собой существенных оснований. Уж слишком значителен хронологический разрыв между последним упоминанием о черных клобуках при описании событий первой половины XIII в. и первыми сведениями документов о нахождении черкас в Поднепровье, относящимися к концу XIV в. Еще больше времени прошло между последними упоминаниями о черных клобуках, датированными событиями первой половины XIII в., и первым упоминанием о народе каракалпаки в Приаралье. Так, первые исторические сведения о каракалпаках относятся лишь к 1598 г. [24]. Следует отметить, что в этнонимии тюркских народов довольно часто встречаются названия, указывающие на цвет головных уборов их носителей: племя в Турции *карапахахи* – «черные папахи» [23, с. 139]; центральноазиатские племенные группы *ак боркли* – «носящие белые шапки»; и *кара боркли* – «носящие черные шапки» [3, с. 204–205].

Для гипотезы о переселении монголами в степь черных клобуков появились археологические основания несколько десятилетий назад. Г.А. Федоров-Давыдов отметил в золотоордынское время, которое он назвал IV периодом в истории кочевников южнорусских степей, передвижение полукошевого населения из Поросья в другие районы юга Восточной Европы. Об этом он писал: «Следует отметить продвижение кочевых масс в IV (золотоордынский пери-

од) в район Тираспольского течения Днестра и в район Самары на Днепре. В этих местах в предыдущие периоды половецкое население было весьма скудным... основываясь на составе погребальных типов в этих местах, можно в какой-то степени реконструировать направление основных движений половцев в золотоордынский период. ...Так, следует обратить внимание на тот факт, что увеличению населения в Поднестровье соответствует резкое уменьшение кочевого населения в Поросье. Учитывая это, мы можем предположить, что часть поросских племен передвинулась в Молдавию, подобно тому как часть поросских кочевников переселилась в Поволжье...». По словам исследователя, это движение поросских племен в районы Поднестровья и Поволжья находит подтверждение в вещевом материале. В качестве доказательств он приводит «серьги или височные кольца типа IV и (их вариант) типа V». Г.А. Федоров-Давыдов считал, что такие серьги в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине [65, с. 153].

Однако маловероятно, чтобы все черные клобуки Поросья могли уйти при монголах в степи. Топонимия может свидетельствовать о сохранении части это населения (ил. 2). Так, в Ставишенском р-не Киевской обл. до сих пор существует село *Торчица*, возле которого обнаружены остатки городища древнерусского времени. Возле села Юрковка того же района находится с. *Торчицкий Степок*. Весьма любопытно, что с. Стрижавна Ставишенского р-на расположено на левом берегу реки *Торча*, притока Тикича (районный центр Ставише расположен от Киева в 136 км) [33, с. 597, 618]. Кроме того, О. Гундогдыев отметил на землях бывшего Киевского княжества еще другие названия населенных пунктов: *Торчин*, *Торков*. Приводит он также и другие гидронимы: *Торчи* (приток Роси), *Торчанка*. Имеются и названия местностей: *Торчицкие взгорья*, *урочище Торч* [20, с. 134]. Все это находилось на левобережье р. Рось (ил. 2).

Таким образом, данные топонимии могут свидетельствовать в пользу того, что в золотоордынское время не все торческое население в районе Поросья было переселено монголами вглубь степи. Поэтому можно считать, что в бассейне реки Торчи это население оставалось и при монголах.

Иоанн де Плано Карпини в 1246 г., проезжая из Киева в Канев, ничего не сообщал о черных клобуках [32, с. 67–68]. Получается, что монголы стали отселять значительные группы черных клобуков из Поросья сразу же после их покорения в 1239 г. Хотя это молчание путешественника можно объяснить и тем, что в Поросье он дальше Канева никуда больше не заходил. Однако тогда не ясно, кто проживал в монгольское время южнее течения Роси, на правом ее берегу.

По воле случая, Н.М. Карамзин стал основателем другого направления в изучении этнического состава населения Поросья в золотоордынское время, ибо утверждал, как уже отмечалось, что при монголах в Поросье обитали черкасы, правда торческо-берендейского происхождения, которые основали южнее Канева, находившегося близ устья Роси, поселение Черкасы [30, с. 243]. Но последнее событие стало объектом особого интереса в дореволюционной российской историографии. Зачастую это диктовалось идеологическими соображениями, ибо этноним «черкасы» одно время служил для обозначения части «малороссийского» (украинского) населения. В то время получили распространение несколько гипотез.

Однако возобладало мнение, что в Среднее Поднепровье могли переселить адыгов-черкасов с Северного Кавказа ещё правители Золотой Орды в конце XIII – начале XIV вв. Оно было очень популярно среди историков Российской империи в XVIII–XIX вв. Согласно этой гипотезе, переселенцы-черкасы и дали название поселению Черкассы. Этого мнения придерживались многие российские историки. Несколько десятилетий назад это даже стало основанием для В.Ф. Горленко написать большую статью историографического характера «Об этнониме Черкассы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX в.» Данную гипотезу поддерживали В.Н. Татищев, И. Болтин, И.Г. Георги, А. Шафонский, А. Ригельман и другие историки [18, с. 96–107].

Таким образом, гипотеза об основании города Черкассы золотоордынскими правителями оформилась среди российских историков уже в XVIII – начале XIX вв. При этом основание крепости Черкассы на Днепре российские историки относили к разному периоду: одни связывали это с событиями конца XIII в. (1282 г.) – И. Болтин, М.И. Антоновский, авторы «Словаря географического Российского государства», Д. Бантыш-Каменский; другие же относили основание г. Черкассы к XIV в. – В.Н. Татищев, А. Шафонский, А. Ригельман и др. Из современных исследователей, кроме В.Ф. Горленко, в возможность такой миграции верили также северокавказские исследователи Дж.Н. Коков и Н.Л. Шафиев [37, с. 156–157; 72, с. 32–33]. По данной проблеме существуют и другие гипотезы, что, впрочем, не имеет прямого отношения к теме статьи. Отметим, что при этом обычно не акцентировалось внимание на том, доходили ли владения переселенцев-черкасов на севере до Канева, который находился севернее устья р. Рось на расстоянии нескольких километров.

Об этом говорить стало возможно лишь после того, как в конце XIX в. была опубликована ранняя фиксация легенды об основании крепости Черкассы, которая содержалась в одной из литовских люстраций (переписей, ревизий) Каневского и Черкасского замков, датированной 1552 г. Там речь шла о том, что великий Литовский князь Гедимин, который правил в начале XIV в., не только переселил с Северного Кавказа черкасов, но и заселил ими новое поселение, носящее название Черкассы, а также Канев [2, с. 103]. В данном случае, следует признать, что еще в XVI в. считали, что потомки северокавказских черкасов проживали не только в Черкассах, но и в Каневе, расположенном недалеко от впадения р. Рось в Днепр. На это обратил внимание В.Ф. Горленко, который высказал идею, что до середины XVI в. адыгичеркасы заселяли не только крепость Черкассы с окрестностями, но и крепость Канев с округой. К этой мысли его привел также анализ имен и названий, содержащихся в литовских люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. [18, с. 105].

Идея о нахождении адыгов-черкасов в Поросье обрела материальное подтверждение совсем недавно после того, как М.В. Горелик нетрадиционно подошёл к интерпретации уже известного материального комплекса из захоронения кургана № 69, обнаруженного на Яблоновском могильнике вблизи г. Белая Церковь (летописный Юрьев), но на правом берегу р. Рось (ил. 2). Анализ вооружения, сопровождавшего похороненного здесь мужчину-воина,

позволил М.В. Горелику считать, что «здесь был похоронен золотоордынский воин-черкас» [17, с. 73–88].

Как видим, до сих пор неясно, какие этнодемографические процессы происходили в Поросье при монголах. Мы не знаем, была ли резкая смена населения в субрегионе. К тому же непонятно, какие функции выполняло Поросье в административно-территориальной системе Улуса Джучи.

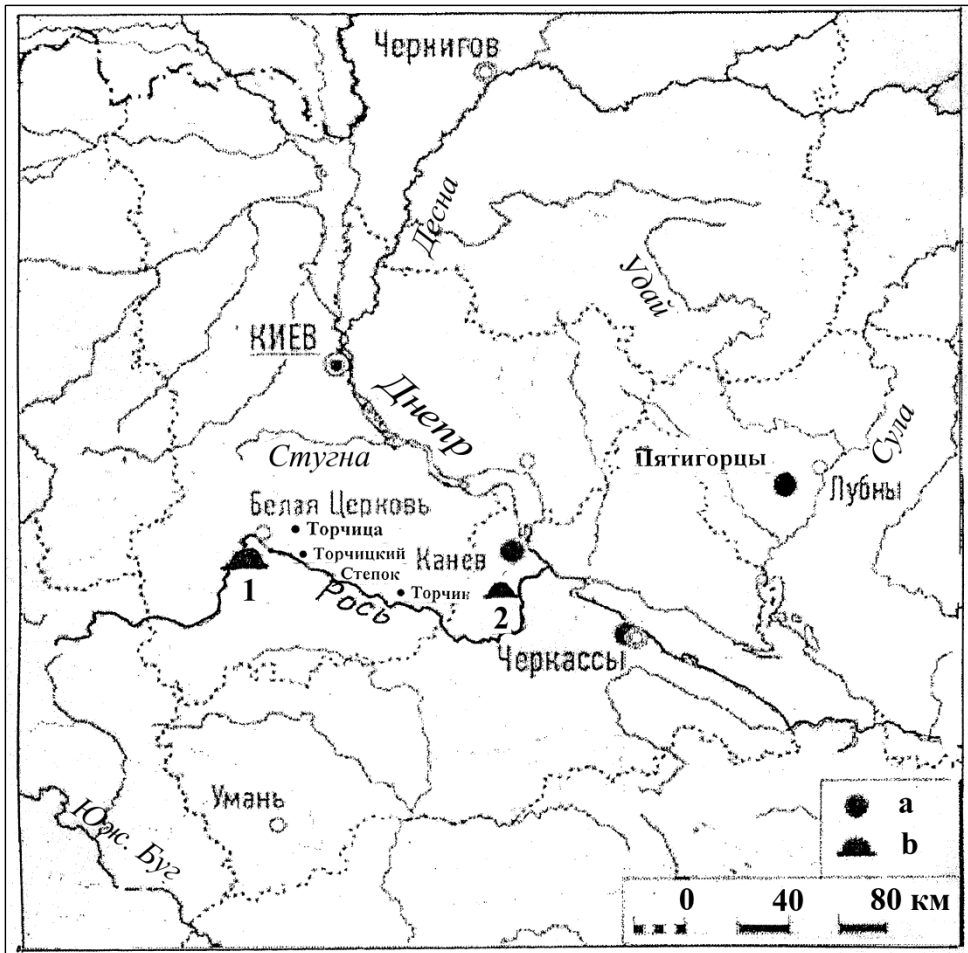
Нам кажется, чтобы ответить на поставленные вопросы необходимо привлечь для сопоставления не только сведения письменных источников, но и данные археологических раскопок, названия топонимического характера и т.п. И анализировать процессы представляется лучше в хронологической последовательности. Естественно, в первую очередь следует обратиться к данным письменных источников.

Известно, что в последний раз черные клобуки упомянуты под их общим именем в 1202 г. Последнее же упоминание о правобережных торках относится к 1235 г. [25, с. 174]. Далее древнерусские летописи о них молчат. Однако это не означает, что к моменту нападения войск Батыя на Киев торков там не было. Как уже отмечалось, Рашид ад-Дин свидетельствует о том, что черные клобуки или торки в 1239–1240 гг. еще оставались там [60, с. 44–45]. Персидский автор использовал для обозначения черных клобуков в одном случае термин «коум-и сийах-кулахан» – «народ черношапочников», а в другом случае – «коум-и кулах-и сийахан» – «народ (племня) шапок черных» [61, с. 162]. Как уже отмечалось, Иоанн де Плано Карпини, который в начале 1246 г. проезжал из Киева в Канев, ничего не сообщает ни о «черных шапках» или торках, ни о черкасах, ни о куманах-половцах [32, с. 67–68]. Стало быть, с 1240 г. по 1246 г. черные клобуки переселились на другие территории. Напомним также, что данные топонимии свидетельствуют о том, что часть торков осталась под Киевом на левобережье р. Рось.

Следует обратить внимание на то, что некоторые документы подтверждают нахождение черкасов в Каневе. Пока такое наиболее раннее упоминание содержится в одной из литовских люстраций Каневского замка, датированной 1552 г. В ней говорится: «Отъ початку Черкасовъ и Канева уходы по всимъ тымъ рекамъ вольны были Каневъцомъ, бо яко князь великий Литовскій Гедиминъ, завоевавъши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведъши Черкасовъ часть з княгинею ихъ, посадилъ ихъ на Снепороте, а иныхъ на Днепре, где теперь Черкасы сидять, а Снепородцевъ посадилъ на Днепрежъ у Каневе и сидячи Снепородце на Днепре у Каневе, предся отъчизны свои по речкамъ инымъ Севирскимъ уходити не престали» [2, с. 103]. Весьма характерно, что на противоположном от г. Черкас и г. Канева левом берегу Днепра на берегу р. Снепород, правом притоке Сулы, до сих пор существует с. Пятигорцы (ил. 2).

Однако известно, что Гедимин – великий князь литовский, единолично правил с 1316 по 1341 гг. Поэтому получается, что город Черкасы был основан в первой половине XIV в. Однако нет никаких известий о походе Гедимина на Кавказ, откуда он мог привести адыгов-черкасов. Смущает значительный хронологический разрыв между описанным событием и первым упоминанием о нем в документе – более 200 лет. Сто лет назад Л.В. Падалка высказал предположение, что народ «черкасы» и город Черкасы появились в Среднем Поднепровье после Крымского похода литовского князя Ви-

товта, а не Гедимины [48, с. 42]. Очевидно, исследователь имел в виду поход Витовта в 1426 г. Таким образом, записанная в литовской люстрации 1552 г. легенда о переселении Гедимином черкасов из кавказского Пятигорья в Поднепровье может являться заказной фальсификацией.

Ил. 2. Этническая ситуация в бассейне р. Рось в конце XIII – первой половине XIV вв.:

a – позднесредневековые поселения предположительно с торческим и адыгским населением, b – курганные могильники;
1 – с. Яблоновка, 2 – с. Таганча

Fig. 2. The ethnic situation in the Ros' river basin at the end of thirteenth to first half of fourteenth century:
a – late medieval settlements presumably with the Turk and Adyge population, b – burial mounds;
1 – Yablonoivka village, 2 – Tagancha village

До недавнего времени исследователи не подвергли анализу топонимы, которые содержатся в люстрациях Каневского и Черкасского замков, датированных 1552 г. Однако там имеются названия, которые испытали славянскую обработку, но их невозможно объяснить из индоевропейских или алтайских языков. Но сделать это с помощью кавказских (адыгских) языков, кажется, вполне возможно. Так, в люстрации Каневского замка упомянуто «Селище замьково *Tenceev* на Рси, 5 миль от замьку» [2, с. 101]. Если отбросить славянское окончание, то получаем начальные формы – **Tenceй* ли **Tence*. Последняя форма очень хорошо соотносится с современным топонимом на Западном Кавказе – *Tuance*, который Дж.Н. Коков объясняет из адыгских языков как «две реки, двуречье» [37, с. 264–265]. В нашем случае появление топонима *Tenceev* можно объяснить тем, что поселение находилось между двух рек – Рось и Днепр.

Там же находилось «село *Тулибле* у версти оть замьку» [2, с. 99]. В конце люстрации Каневского замка упомянуты и жители этого села как «*Тулибцы*» [2, с. 105]. Исходя из этого, можно считать первоначальной формой топонима термин **Тулиб*. Дж.Н. Коков отметил на Северном Кавказе существование подобного топонима *ТхьальэIунI(э)* [Тхатлаупа], что означает «место, где происходит молитва» [37, с. 264–260].

Недалеко от Канева было зафиксировано также и «селище Дердева, пусто, землянское» [2, с. 98]. Если отбросить славянское окончание, то получаем приблизительную первоначальную форму – **Дерд-*, что напоминает кабардинское слово *Дурдыл* – «необычайно живописное, красивое». В данном случае имеет резон видеть в первоначальном названии термин с семантикой «Красивое (место)», что полностью согласуется с природой Среднего Поднепровья.

Имеет значение и анализ антропонимов. Так, в люстрации от 1552 г. среди большого количества имен местных жителей различного происхождения в Каневском замке упомянут антропоним «*Степанец Пятигорчин*» [2, с. 104]. Напомним, что на противоположном берегу Днепра находилось село Пятигорцы в бассейне р. Слипород, которая является правым притоком р. Сулы (ил. 2). Добавим к этому, что в легенде об основании города Черкассы из литовской люстрации отмечено, что князь Гедимин завоевал «...Черкассы Пятигорское...» [2, с. 103]. В.Ф. Горленко считал, что в литовской люстрации 1552 г. кроме имени «*Степанец Пятигорчин*» были и другие антропонимы, вероятно, кавказского происхождения [18, с. 105]. Проведенный анализ позволил выделить еще большее количество таких «подозрительных» антропонимов. Так, среди жителей Каневского замка упомянут «*Федко Басанский*» [2, с. 103]. В связи с этим следует привести наблюдения Дж.Н. Кокова о распространении среди адыгов антропонима *Бахьсэн*, сохраненного до сих пор как фамилия *Бахьсэн-хэ* (*Баксановы*). По мнению исследователя, это родовое название является производным от названия реки *Бахьсэн* (*Баксан*) на Северном Кавказе [37, с. 148–149].

Как видим, анализ названий из люстрации Каневского замка от 1552 г. дает определенные основания говорить о том, что среди жителей Нижнего Поросья находились потомки выходцев с Северного Кавказа. Но неизвестно, появились ли их предки в Поросье при монголах или литовцах. Для решения

данного вопроса нам представляется перспективным привлечение результатов археологических раскопок.

В связи с этим особый интерес могут представлять материалы, полученные при исследовании курганного могильника у села Яблоновка Белоцерковского р-на Киевской обл. (ил. 2), расположенного на правом берегу р. Рось. Исследователи этого некрополя – Р.С. Орлов, А.П. Моця и П.М. Покас – выделили здесь 169 курганных насыпей. Для большинства захоронений здесь было характерно наличие под курганной насыпью труположений на уровне древнего горизонта. Такой же обряд не был известен предыдущему местному населению. По наблюдениям исследователей могильника, «в XI–XII вв. ингумации на уровне древней поверхности встречается в северных районах Восточной Европы и на юге древнерусского государства – только в землях древлян» [46, с. 49–55].

Особый интерес представляет инвентарь из этого могильника, который находит определенные аналогии среди древностей предмонгольского времени на Северном Кавказе. Так, в курганах №№ 15, 69, 161, 157 были найдены аналогичные северокавказским зеркала, в курганах №№ 4, 17, 69 – сабли, в курганах № № 93, 162 – детали конского снаряжения, воткнутые в землю под курганной насыпью №№ 3 и 102 наконечники стрел и копий, и т.п. Ближайшие аналогии этого инвентаря исследователи Яблоновского курганного могильника нашли среди находок Змейского катакомбного могильника (X–XII вв.) в Северной Осетии [46, с. 55]. Именно это позволило исследователям говорить «об определенных связях поросских славян с алано-яскими группами, которые входили в состав населения половецкой степи» [46, с. 55].

Однако антропологические исследования, проведенные П.М. Покасом среди краниологичних серий с Яблоновки, не выявили присутствия долихокранов так называемого «средиземноморского» типа, связываемого с аланами, хотя большинство черепов оттуда принадлежали к европеоидному типу и там был представлен «значительный элемент населения со значительной монголоидной примесью». По мнению П.М. Покаса, Яблоновская серия «занимает будто промежуточное положение между сериями древнего Юрьева и другими сериями Поросья». Однако Яблоновские серии черепов, по словам П.Н. Покаса, «более широкоголовы и широконосы и имеют небольшую уплощенность в верхней части лица». Это не помешало исследователям Яблоновского курганного могильника отнести оставившее его население к славянам [53, с. 66–75; 46, с. 57–60]. Однако П.П. Толочко считал, что население, которое оставило этот курганный могильник, проживало здесь в предмонгольское время и входило в состав черноклобуцкого союза [64, с. 100].

И совсем недавно М.В. Горелик нетрадиционно подошёл к интерпретации этих археологических материалов. Речь идет о захоронении кургана № 69, обнаруженного на Яблоновском могильнике вблизи г. Белая Церковь (летописный Юрьев), которое оказалось единственным опубликованным, в отличие от остальных захоронений 168 курганов [46, с. 49–55].

Особый интерес могут представлять следующие наблюдения М.В. Горелика: «В рассматриваемом же памятнике погребение было совершено по обряду ингумации на горизонте, что являлось традиционным способом погребения древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV–XV вв. Вооруже-

ние, сопровождавшее похороненного мужчину-воина, не оставляет никаких сомнений ни в его этнокультурной принадлежности, ни во временном отрезке, на который пришлась его жизнь» [17, с. 73–88]. В качестве доказательства своей гипотезы М.В. Горелик привел «остатки круглого щита $d=70$ см», а также перекрестие сабли [17, с. 74]. Датированными и маркированными оказались также бытовые предметы [17, с. 75].

Все это дало основания М.В. Горелику считать, что «здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес», реконструкцию вооружения которого он и сделал. В результате последовал очень важный вывод: «Можно предположить, что мы рассмотрели погребение одного из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный район для укрепления позиций против начинавшегося усиления и претензий на данный регион Великого княжества Литовского и Русского. Переселение могло иметь место от середины XIII в., когда Среднее Поднепровье вошло в границы кочевий чингизида Хурмиши (Куремсы), до 1362 г., когда в битве при Синих Водах Ольгерд Литовский отвоевал у Улуса Джучи власть над Киевщиной». В результате, по мнению исследователя, и появилось поселение, носящее имя переселенцев – «Черкассы» [17, с. 75]. Действительно, курганный могильник возле с. Яблоновка и г. Черкассы находятся недалеко друг от друга (ил. 2). Но этот вывод был сделан на основании изучения погребения одного лишь кургана из 169 курганов. В действительности ситуация может оказаться намного сложнее.

Так, М.В. Горелик, говоря об исследованном погребении из кургана № 69, отметил, что оно было совершено по обряду ингумации на горизонте, что находит аналогии «в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV–XV вв.» [17, с. 73–88]. Но для сравнения так и не были привлечены материалы с самого Белореченского курганного могильника.

По наблюдениям В.А. Фоменко, погребальный обряд отмеченных курганов на Северном Кавказе существенно отличался от поросских: там были грунтовые ямы в курганах прямоугольной формы, в которых прослежены деревянные гробы, гробовища и колоды. Среди погребальных конструкций были и относительно немногочисленные «деревянные склепы» на горизонте. Одно захоронение было совершено в медном гробу. Трупоположения были вытянуты головой на запад [68, с. 118]. А возле с. Яблоновка в Поросье в подавляющем большинстве исследованных курганов обнаружены остатки трупоположений на уровне древнего горизонта [46, с. 49, 55]. Поэтому приходится признать, что выходцы из района Белоречья в Прикубанье не могли оставить курганный могильник вблизи с. Яблоновка в Поросье. Но ими могли быть переселенцы из других районов Северо-Западного Кавказа.

Подобные курганные ингумационные могильники с захоронениями на уровне древней поверхности имели широкое распространение в районе Пятигорья. Наиболее показательным из них является могильник в урочище Гора, располагавшийся на возвышенности левого берега р. Подкумок. Он насчитывал 62 насыпи, из которых раскопано 14. И.А. Дружинина датирует этот памятник концом XIII – XIV вв. [21, с. 256–366]. В глаза бросается связь с Пятигорьем.

В связи с этим, следует привести фрагмент сочинения Георгия Пахимера (1242 – около 1310 гг.) «История о Михаиле и Андронике Палеологах», где

сообщается, что среди подвластных хану Ногаю народов Северного Причерноморья были зихи [12, с. 317]. Как известно, зихами византийцы называли черкесов. Георгий Пахимер, живший в конце XIII – начале XIV вв., был современником описанных событий, и поэтому его сообщение о нахождении зихов-черкесов уже во второй половине XIII в. в Северном Причерноморье заслуживает доверия.

Известно, что правитель Ногай в 70-е гг. XIII в. отделился от ханов Золотой Орды и правил в Северном Причерноморье вплоть до 1300 г. [40, с. 66]. Естественно, что в своих экспансионистских намерениях Ногай должен был опереться на значительные вооруженные силы. Известно, что в 1262–1263 гг., во времена правления хана Берке, Ногай активно участвовал в боевых действиях на Кавказе [22, с. 33]. Не исключено, что в это время Ногай мог включить в состав своего войска подразделения из числа народов Северного Кавказа, включая черкесов (черкасов), и использовать их боевой потенциал в Северном Причерноморье. Как видим, это сообщение источника конца XIII – начала XIV вв., написанное Георгием Пахимером, подтверждает, что во второй половине XIII в., во времена возвышения Ногай, в Северном Причерноморье уже проживали зихи (адыги). При этом так и неясно, кого упоминал в данном случае Георгий Пахимер – жителей Среднего Поднепровья или Юго-Западного Крыма. Однако имеются основания говорить о столь раннем появлении адыгов именно в Среднем Поднепровье.

Так, исследователи курганного могильника вблизи с. Яблоновка в Поросье отметили также в кургане № 3 «остатки кремации умершего» [46, с. 49, 55]. В связи с этим особый интерес могут представлять наблюдения А.В. Пьянкова, который проанализировал все известные случаи бытования наиболее поздних кремаций на Северо-Западном Кавказе. По его мнению, «погребения с трупосожжениями, которые можно было бы отнести ко времени позднее XIII века нам не известны» [55, с. 25].

Возникает вопрос: что же побуждало правителей Золотой Орды расселять черкесов за пределами Северного Кавказа на приграничных территориях? Н.А. Шафиев считал: «...пребывание адыгов в обозначенных местах могло быть связано с их службой в качестве наемников» [72, с. 35–36]. Похоже на то, что в период мирной стабилизации в Улусе Джучи золотоордынские ханы довольно быстро сделали своими главными вассалами на Северном Кавказе правителей адыгов, как наиболее многочисленного народа в регионе. Подобных взглядов придерживался М.В. Горелик, который также считал, что причиной такого высокого социального статуса черкесов в Золотой Орде было их вооружение: средняя конница в латах с саблями и отдельными предметами защитного вооружения; легкие конные лучники [17, с. 76].

Стало быть, первоначальной функцией черкесов в Поросье, которые могли появиться здесь уже во второй половине XIII в., был контроль над северо-западной границей Улуса Джучи, а не защита от нападений литовских князей. Не стоит забывать, что золотоордынцы нуждались в военной помощи черкесов при сборе дани со славянского населения Южной Руси. Что же касается пребывания черкесов на берегах Днепра в Черкассах и Каневе, то очевидно, что основной их функцией здесь были обслуживание и охрана речных переправ. И уже в начале XIV в., когда появилась угроза со стороны Велико-

го княжества Литовского, в Среднее Поднепровье могли быть переселены новые военные подразделения черкесов.

К этому следует добавить, что в Поросье, кроме черкесов, монголы могли переселять и представителей других этнических групп. На эту мысль наводит анализ погребения возле села Таганча в нижнем течении р. Рось (ил. 2).

Как известно, в 1894 г. в окрестностях деревни Таганча у города Канева в Киевской губернии в кургане был обнаружен истлевший дубовый ящик, сколоченный большими железными костылями. Рядом лежал скелет коня и черепки разбитой посуды. Там также находился костяк воина в шлеме, украшенном серебром, в железной маске и в кольчуге. Совершенно погребение было в подкурганной яме, где покойник имел западную ориентацию. Поверх доспехов погребенного была надета пурпурная мантия. На руке воина остались следы от истлевшего лука. Тут же находились сафьяновый колчан и серебряные бляхи. На груди погребенного лежал золотой шейный обруч, в руках – скипетр с серебряным набалдашником на палке из грушевого дерева. Рядом с покойником была сабля в ножнах, украшенных серебром, серебряные пуговицы, разломанная серебряная застежка, позолоченный византийский медальон с изображением Христа, большая серебряная чаша византийской работы, серебряные бляхи от щита, золотые бляхи от налучья, медный кистень и масса простых железных вещей – стрелы, удила, серп и т.п. Материалы погребения были впервые опубликованы И. Хойновским [69, с. 118–125].

Обилие и особенность инвентаря из погребения заставили исследователей по разному датировать захоронение и, в соответствии этому, связывать с различными этническими группами. Так, первая группа исследователей отнесла захоронение к предмонгольскому времени. К их числу, например, следует отнести самого И. Хойновского, который связывал это захоронение то с «печенегом», то с «неизвестным славянским князем» [69, с. 118–125]. Выдвигались и иные гипотезы. В советское время комплекс не остался без внимания исследователей, многие из которых также относили его к предмонгольскому времени. Особо следует выделить подходы С.А. Плетневой, которая сначала связала комплекс из с. Таганча не с кочевником, а с бродником, который, по ее мнению, являлся выходцем из славянской среды. На это её натолкнули некоторые особенности погребального обряда – детали христианского культа, европеоидные черты погребенного и т.п. [49, с. 185]. Однако эти же особенности позволили С.А. Плетневой через несколько десятилетий считать, что здесь был погребен «внук Беглюка и сын Рюрика, связанный с двумя знатными фамилиями – русской и половецкой» [52, с. 146–147].

П.П. Толочко отнес подкурганное захоронение у с. Таганча и подобные ему у сел Липовцы, Ковали «к торческим древностям», т.е. к предмонгольскому периоду. Для обоснования этого он приводит следующие аргументы: «их местонахождение в земле черных клобуков»; седла «принадлежали к тюркскому типу седел с высокой и округлой лукой»; «западная ориентация погребенных в масках». Как отметил исследователь, отмеченные черты в предмонгольское время не наблюдались в Половецкой степи [64, с. 80, 88].

Однако некоторые археологи придерживаются более поздней датировки захоронения у с. Таганча. К их числу следует отнести Н. Пяташеву, которая подвергла анализу железную маску из погребения воина. Это позволило ей датировать весь комплекс захоронения второй половиной XIII – первой поло-

виной XIV вв. Что касается этнической атрибуции погребенного, то Н. Пятешева отстаивает половецкую принадлежность погребенного [56, с. 14–20; 57, с. 135].

Со своей стороны, А.Е. Негин, на основе сопоставительного анализа шлема из с. Таганча с аналогичными изделиями в Восточной Европе, пришел к выводу о бытовании изделий данного типа на территории Западного Дашти и Кипчак во второй половине XIII – первой половине XIV вв. [44, с. 62–70]. К этому следует добавить наблюдения В.В. Отрощенко и Т.А. Вовк, которые считали, что во второй половине XIII в. «половцы возвращались в Половецкую степь и расселялись в Поросье». Доказательством этого, по мнению исследователей, и может являться комплекс Таганча, который представлял собой погребение «знатного половеца» [47, с. 85].

Как видим, этническая атрибуция воина из захоронения у с. Таганча остается открытой. Однако последние данные позволяют считать, что это захоронение на левом берегу в нижнем течении р. Рось появилось уже при монголах. Очевидно, это был результат переселенческой политики монголов. Нам кажется, что для выяснения происхождения воина из захоронения у с. Таганча следует привлечь данные именно с территории Золотой Орды и прилегающих земель, включая Северный Кавказ. Не исключено, что появление в Поросье подкурганых захоронений у с. Яблоновка и с. Таганча могут представлять звенья одной цепи.

Конечно, кроме черных клобуков, черкесов, половцев, в Поросье в предмонгольский и золотоордынский периоды могли проживать и другие этнические группы. Об этом могут свидетельствовать исследования, проведенные в последние два десятилетия Е.А. Шинаковым, М. Квитницким, Ю.Ю. Моргуновым, Д. Куштаном, А.П. Моцею, С.А. Беляевой и другими историками, анализ которых мог бы стать предметом отдельной историографической статьи. Следует также учитывать, что в среду смешанного населения золотоордынского Поросья могло продвигаться с севера славянское население. Однако объем настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на этом.

Анализ данных письменных источников и археологических раскопок позволяет считать, что уже первые ханы Золотой Орды начали проводить реформы, среди которых важное место занимала политика по переселению народов. Это хорошо видно на примере степной части Северного Кавказа и Причерноморья. Однако такая миграционистская политика монголов имела свои особенности. Прежде всего, отметим связь таких переселений с улусной системой в Монгольской империи, основы которой были заложены Чингизханом. Как установили исследователи, уже в середине XIII в. на завоеванных монголами территориях Азии и Восточной Европы образовались четыре огромных государства-улуса – Улус Джучи, Улус Чагатай, Улус Хулагу и Улус Великого хана монголов (империя Юань), среди которых позиции лидера принадлежали последнему улусу [10, с. 98–99; 66, с. 43–67; 9, с. 128]. В непосредственной связи с улусной системой Монгольской империи находилась военно-административная организация общества, в соответствии с которой принцип формирования территории и комплектование вооруженных сил были между собою связаны. При этом монгольские вооруженные силы делились на три группы – центра, правой и левой руки. Во времена Чингиз-хана при формировании флангов монгольского войска наметилось отступление от тра-

диций кочевников – воинские подразделения уже не формировались по этническому признаку. В результате, такое деление привело к возникновению новой военно-административной системы Монгольской империи, очень отличной от организации предшественников [9, с. 19, 128]. В непосредственной связи с воинской улусной системой находилось также введенное Чингизханом деление монгольской армии на десятки, сотни, тысячи, туманы. При новой системе «ноян-тысячник» оказывался принадлежащим совсем к другому роду, чем «люди» его «тысячи». По мере того, как монголы покоряли новые территории и в монгольскую армию стали включать представителей подчиненных народов, данный способ организации боевых подразделений, в соответствии с территориальным и десятичным принципами, распространялся и на эти новые единицы в составе вооруженных сил монголов. Улусная система в Золотой Орде после правления Бату подверглась дальнейшей трансформации. Собственно Улус Джучи делился на улусы – на восточное и правое западное крыло. При этом такое деление было многоступенчатым. В результате монголы нарушили характерную для кочевников традицию создания административной системы по этническому принципу – здесь взял верх территориальный принцип, при котором этнические группы оказывались специально разделенными по территориям улусов. Благодаря этому монголы с целью ослабления позиций подчиненных народов могли переселять часть их в другие отдаленные от центра государства улусы [10, с. 103–104; 66, 1973, с. 49–51]. В то же время, переселенные со своих территорий части этнических групп становились опорой монголов на завоеванных территориях. Это и позволяло монголам удерживать власть продолжительное время на новых землях. Отметим, что такой принцип организации уже возобладал при первых ханах Золотой Орды.

По мнению Б.В. Черкаса, в конце XIII в. на Днепровском Правобережье существовал улус потомков Курумыши. Он должен был состоять из трех туменов, расположение которых «в соответствии по направлению течения рек, должно было быть вытянутым с Юга на Север, что было связано с направлением сезонного кочевания». Так, по мнению исследователя, вторая тьма тянулась с Юга вдоль рек Ингул, Ингулец и Южный Буг до Синих Вод на севере. К третьей тьме историк отнёс «смежные земли оседлого населения и кочевников севернее Кодымы и Синих Вод, поскольку население оседлых территорий также служило в войске Золотой Орды» [71, с. 255–256]. Что же касается первой тьмы, то Б.В. Черкас считает, что «... по крайней мере одну тьму следует локализовать на территории от современного Днепропетровска или Запорожья вдоль Днепра до Роси» [71, с. 255].

Большой курганный могильник у с. Яблоновка и курганное захоронение у с. Таганча располагались вблизи р. Рось, но на разных ее берегах (ил. 2). Рядом с с. Таганчей находился г. Канев, населенный в золотоордынское время отнюдь не монголами. Это может свидетельствовать о том, что монгольские вассалы несли здесь пограничную службу и они входили в состав отмеченной первой тьмы. Таким образом, можно говорить о том, что вдоль течения р. Рось проходила граница между Золотой Ордой и Русью.

Вторая же причина, которая стимулировала переселения в Золотой Орде, имела экономический характер. Во второй половине XIII в., вопреки распространенным стереотипам, наблюдаем экономическое возрождение Улуса Джучи

чи. Следует отметить прагматизм западных Чингизидов, которые стремились возродить функционирования торговых путей. При первых Джучидах уже были созданы благоприятные условия для внешней торговли [28].

В связи с этим резонно обратить внимание на следующий вывод Б.В. Черкаса: «Особенностью Золотой Орды, в отличие от предыдущих степных государственных образований, была именно градостроительная политика. Фактически впервые в истории Джучидам удалось принести городскую цивилизацию в открытую степь. Секретом успеха ордынской власти было то, что ей удалось взять необходимые ресурсы у оседлых народов и использовать их в кочевом обществе. При этом, саму кочевую аристократию центральная власть смогла “заразить” желанием строить города. Во многом, это стало результатом прекращения степных войн и благоприятной экономической ситуации и обогащения нобилитета» [71, с. 331–332]. К числу этих городских центров и следует отнести основанное монголами поселение Черкассы и возрожденный старый город Канев.

Как видим, переселение частей оседлых народов с Северного Кавказа в Северное Причерноморье соответствовало прагматическим соображениям уже первых правителей Золотой Орды. Анализ сообщения Иоанна де Плано Карпини об аланском наместнике монголов в селении возле Канева [32, с. 67–68] позволяет считать, что территория между Черкассами и Каневом представляла собой владение собственно Улуса Джучи. Не исключено, что в Каневе находился наместник, в задачи которого входил контроль над приграничной территорией.

В свое время В.Л. Егоров высказался в пользу того, что в Поросье после походов Батые «существовала особая полоса, находившаяся “под непосредственной властью татар”, но все же не включавшаяся в границы их государства». Протяженность ее с севера на юг, по его мнению, была довольно значительной – 200 км. Исследователь считал, что она проходила несколько выше по Днепру от Канева [22, с. 37]. В итоге В.Л. Егоров сделал вывод: «Очевидно, это была особая буферная зона, тянувшаяся вдоль пограничной полосы между русскими и золотоордынскими владениями. Характерную черту ее составляло отсутствие русской княжеской администрации, замененной ордынскими баскаками или откупщиками сбора дани» [22, с. 37–38]. В.Л. Егоров считал, что это явление «было характерным для русско-ордынского пограничья второй половины XIII в., в особенности же для его лесостепных пространств» [22, с. 38]. Как отметил исследователь, «буферная зона» могла существовать лишь «на русско-ордынском пограничье». Однако в другие времена мы ничего подобного не наблюдали. Например, никто еще не поднимал вопрос о существовании буферной зоны между границей Хазарского каганата и владениями славянских племен. Поэтому у нас нет пока оснований считать, что именно в золотоордынский период якобы существовала «буферная зона» на границе Руси и Золотой Орды.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что монголы сначала выселили значительную часть чёрных клобуков с берегов р. Рось, а потом заселили эту территорию черкесами и другими этническими группами. В этом можно видеть стремление монголов обезопасить северо-западную границу своего государства от присутствия беспокойных подданных, которые в случае мятежа могли поддержать князей Южной Руси. Судя по всему,

владения монголов проходили вдоль течения р. Рось. В результате, мы можем говорить о существовании в Поросье «контактной зоны», сформировавшейся в XII–XIII вв. на южных рубежах Киевского княжества, а в золотоордынскую эпоху ставшей пограничной периферией владений Джучидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 297 с.
2. Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев: Тип. Т. Г. Корчак-Новицкого, 1886. Ч. 7. Т. 1. 85 + 647 + xii с.
3. *Баскаков Н.А.* Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 199–210.
4. *Беляева С., Бубенок О., Гудогдыев О., Дрига И., Маврина О.* Огузы на рубежах Южной Руси. Киев: Ин-т востоковед. им. А.Е. Крымского НАНУ, 2018. 224 с.
5. *Березин И.* Нашествие Батые на Россию // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: 1855. № 86 (апрель). II отделение. С. 79–114.
6. *Брун Ф.* Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.): [в 2 ч.]. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. Т. 1. iv + 277 с.
7. *Бубенок О.Б.* Следы исчезнувших торков Северного Причерноморья // Східний світ. Київ: Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАНУ, 2014. № 1. С. 13–25.
8. *Бубенок О.Б.* Проблема черных клобуков в восточноевропейской историографии от XVIII до наших дней // Східний світ. Київ: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАНУ, 2014. № 4. С. 45–64.
9. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. 412 с.
10. *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. xii + 224 с.
11. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. Т. 7. 355 с.
12. *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки. Санкт-Петербург: С.-Петербург. духовная акад., 1862. Т. I. С. 1–526.
13. *Головко О.Б.* Торки в історії причорноморських степів // Східний світ, № 1–2: Етнопон. До 80-річчя академіка О. Прицака. Київ: Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАНУ, 1999. С. 112–122.
14. *Головко А.Б.* Рейд туменов Джебе и Субедея в Восточную Европу 1222–1223 гг. в процессе формирования Монгольской империи и *Rex Mongolica* // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. Ижевск: УдГУ, 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 46–58.
15. *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. // Киевские университетские известия. Киев: Ун-т Св. Владимира, 1883. Июль. 262 с.
16. *Гордлевский В.А.* Государство сельджукидов в Малой Азии. М.; Л.: АН СССР, 1941. 204 с.
17. *Горелик М.В.* Погребение черкесского воина 2 пол. XIII – 1 пол. XIV вв. в Поросье // Історія давньої зброї. Дослідження. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2014. С. 73–88.
18. *Горленко В.Ф.* Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв. // Советская этнография. М.: Ин-т этнографии АН СССР. 1982. № 3. С. 96–107.
19. *Грушевський М.* Історія України-Руси, Т. 2: XI–XIII вік. Київ: Наук. думка, 1992. 633 с.

20. *Гундогдыев О.* Прошлое туркмен. М.: Интерстамо, 1998. 625 с.
21. *Дружинина И.А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии РАН, 2018. 622 с.
22. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
23. *Еремеев Д.Е.* К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М.: Мысль, 1970. С. 133–142.
24. *Иванов П.П.* Каракалпаки // Советская этнография. М.; Л.: Ин-т этнографии АН СССР, 1940. Т. 4. С. 23–54.
25. *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. Т. 2. 377 с.
26. *Ипатьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2. 638 с.
27. *История Венгрии в 3-х томах.* Ред. Т.М. Исламов, А.И. Пушкаш, В.П. Шушарин. М.: Наука, 1971. Т. 1. 644 с.
28. *Калан Э.* Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока (вторая половина XIII–XIV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011. 24 с.
29. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. Т. II. 316 + 100 + 85–260 + [4] с.
30. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб.: Изд-во Е. Евдокимова, 1892. Т. 5. 254 + 166 с.
31. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития Руси: Древняя Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1967. 266 с.
32. *Карпини П.Лано.* История монгалов // Путешествия в восточные страны П.Лано Карпини и Рубрика / Шастина Н.П. (ред.). М.: Географиз, 1957. С. 1–65.
33. *Київська область* // Історія міст і сіл УРСР. Київ: Інститут історії АН УРСР, 1971. Т. 26. 791 с.
34. *Кляшторный С.Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, 1993. С. 139–147.
35. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд. ХГУ, 1956. 345 с.
36. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием MONGGOL-UN NIᠮᠤᠴАТОВᠰИᠶᠠᠨ. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
37. *Кокос Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик: Эльбрус, 1974. 316 с.
38. *Комар А.В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы изучения // Археологія і давня історія України. Київ: Ін-т археології НАНУ та інш., 2011. Вип. 7. С. 21–78.
39. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Пер. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1989. 496 с.
40. *Кулаковский Ю.А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1899. 73 с.
41. *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. Т. 1. С. 1–123.
42. *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей. Л.: АН СССР, 1926–1928. Т. 1. 379 с.
43. *Масальский В.И.* Туркестанский край // Россия. СПб., 1913. Т. 19. 861 с.
44. *Негин А.Е.* Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории Западного Дешт-и-Кыпчак // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. Т. 3. № 6. С. 62–70.

45. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 254 с.

46. *Орлов Р.С., Моця А.П., Покас П.М.* Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1985. С. 30–61.

47. *Отрощенко В.В., Вовк Т.А.* Золотоординський період в історії половців // Етноси України. Тюркський світ. Київ, 2000. С. 81–88.

48. *Падалка Л.В.* Историческая обстановка формирования бытового уклада народной жизни на Полтавщине. Полтава: Тип. Маркевича, 1910. 62 с.

49. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы исследования по археологии СССР. М.: АН СССР, 1958. № 62. С. 151–226.

50. *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 190 с.

51. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 204 с.

52. *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 247 с.

53. *Покас П.М.* О физическом типе древнерусского населения Правобережья Украины // Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1984. С. 66–75.

54. *Прицак О.* Печеніги // Український історик. Нью-Йорк; Мюнхен, 1970. № 1–3. С. 25–27.

55. *Пьянков А.В.* О времени прекращения кремирования умерших у средневековых адыгов // Древности Кубани. Краснодар, 1998. Вып. 11. С. 22–27.

56. *Пятьшева Н.В.* Железная маска из Херсонеса. М., 1964. 40 с.

57. *Пятьшева Н.В.* Железная маска из Серенска в экспозиции Государственного исторического музея // Труды ГИМ. М.: ГИМ, 1980. С. 134–139.

58. *Расовский Д.* О роли черных клобуков в истории древней Руси // *Seminarium Kondakovianum*. Praha, 1927. Т. 1. С. 91–109.

59. *Расовский Д.А.* Печенеги, торки и береди на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры, Т. II, Кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 82–142.

60. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. II. 248 с.

61. *Рашид ад-Дин.* Джамийа ат-Таварих. Критический текст. М.: Вост. лит., 1980. Т. II. Ч. I.

62. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. 2: Извлечение из персидских сочинений / Подг. В.Г. Тизенгаузен. М.; Л.: АН СССР, 1941. 208 с.

63. Татаро-монголы в Азии и Европе. Второе изд. / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1977. 503 с.

64. *Толочко П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев: Абрис., 1969. 200 с.

65. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.

66. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.

67. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII века. Пятигорск: Пятигорский гос. технологический ун-т, 2002. 73 с.

68. *Фоменко В.А.* Белореченские курганы XIII–XV вв. и белореченская археологическая культура // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: СКФУ, 2018. Вып. 1. С. 117–126.

69. *Хойновский И.* Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896. Вып. 1. 221 с.

70. *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ ЛЮКС, 2005. 557 с.

71. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста. (XIII–XIV ст.). Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2014. 387 с.

72. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. 164 с.

73. Шорохов В.А. Венгры в Северном Причерноморье по данным «Анонимной записки» // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. Вып. 3. С. 69–74.

74. Шушарин В.П. Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. С. 159–186.

75. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniae Historica recusi. Hannoverae, 1890. 224 p.

Сведения об авторах: Олег Борисович Бубенок – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Евразийской степи Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины (01001, ул. Грушевского, 4, Киев, Украина). E-mail: helgebub@gmail.com

Александр Борисович Головка – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского Национальной академии наук Украины (01001, ул. Трёхсвятительская, 4, Киев, Украина). E-mail: alexholovko@ukr.net

Поступила 15.02.2020 Принята к публикации 29.06.2021

Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. Agadzhanov S.G. *Essays on the History of the Oghuz and Turkmens of Central Asia from the ninth to thirteenth centuries*. Ashkhabad: Ylym, 1969. 297 p. (In Russian)

2. *Archive of South-West Russia Published by the Commission for the Analysis of Ancient Acts Subordinate to the Kyiv Military, Podillian, and Volhynian Governor-general*. Kyiv: Tipografiya T.G. Korchak-Novitskogo, 1886, part 7, vol. 1. 85 + 647+ xii p. (In Russian)

3. Baskakov N.A. Models of Turkic ethnonyms and their typological classification. *Onomastics of the East*. Moscow: Nauka, 1980, pp. 199–210. (In Russian)

4. Belyayeva S., Bubenok O., Gudogdyev O., Driga I., Mavrina O. *The Oguzes on the Borders of Southern Rus'*. Kyiv: Institut vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 2018. 224 p. (In Russian)

5. Berezin I. Batu's invasion of Russia. *Journal of the Ministry of Public Education*. St. Petersburg, 1855, no. 86 (April), second section, pp. 79–114. (In Russian)

6. Brun F. *Collection of Studies on the Historical Geography of Southern Russia (1852–1877): [in 2 parts]*. Odessa: Tipografiya G. Ul'rikha, 1879, vol. 1. IV. 277 p. (In Russian)

7. Bubenok O.B. The traces of disappeared Torks of the North Black Sea region. *Oriental World*. Kyiv: Institut vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 2014, no. 1, pp. 13–25. (In Russian)

8. Bubenok O.B. The problem of the Black Hoods in East European historiography from the eighteenth century to the present day. *The World of Orient*. Kyiv: Institut vostokovedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 2014, no. 4, pp. 45–64. (In Russian)

9. Vernadskiy G.V. *The Mongols and Rus'*. Tver: Lean; Moscow: Agraf, 1997. 412 p. (In Russian)
10. Vladimirtsov B.Ya. *The Social System of the Mongols*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1934. xii + 224 p. (In Russian)
11. Voskresenskaya Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1856, vol. 7. 355 p. (In Russian)
12. Georgius Pachymeres. *The History of Michael and Andronicus Palaeologus. Byzantina xronika*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya, 1862, vol. 1, pp. 1–526. (In Russian)
13. Holovko O.B. The Torks in the history of the Pontic steppes. *Oriental World*, no. 1–2: *Etymon. On the 80th Birthday of Academician O. Pritsak*. Kyiv: Institut vostoavedeniya im. A.E. Krymskogo NANU, 1999, pp. 112–122. (In Ukrainian)
14. Golovko A.B. The raid of Jebe and Subedei's tumens to Eastern Europe in 1222–1223 during the process of forming the Mongol Empire and Pax Mongolica. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology*. Izhevsk: Ud.GU, 2016, vol. 26, is.1, pp. 46–58. (In Russian)
15. Golubovskiy P.V. The Pechenegs, Torks, and Polovcians before the Tatar invasion. History of the South Russian steppes from the ninth to thirteenth centuries. *Kyiv University News*. Kyiv: Universitet Sv. Vladimira, 1883, July. 262 p. (In Russian)
16. Gordlevskiy V.A. *The State of the Seljukids in Asia Minor*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 204 p. (In Russian)
17. Gorelik M.V. A burial of the Circassian warrior of the second half of thirteenth or first half of fourteenth century in the Ros' River basin. *History of Ancient Weapons. Research*. Kyiv: Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2014, pp. 73–88. (In Russian)
18. Gorlenko V.F. About the ethnonym “Cherkasy” in domestic research from the late eighteenth to first half of nineteenth centuries. *Soviet Ethnography*. Moscow: Institut etnografii AN SSSR, 1982, no. 3, pp. 96–107. (In Russian)
19. Hrushevs'kyi M. *History of Ukraine-Rus'*, Vol. 2: *From the eleventh to thirteenth century*. Kyiv: Naukova dumka, 1992. 633 p. (In Ukrainian)
20. Gundogdyev O. *The Past of the Turkmens*. Moscow: Interstamo, 1998. 625 p. (In Russian)
21. Druzhinina I.A. *Funeral Monuments of the Northeast Black Sea Region and the Northern Caucasus from the thirteenth to eighteenth centuries as a Source on the History of the Adyghe Peoples*. PhD Thesis. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2018. 622 p. (In Russian)
22. Egorov V.L. *The Historical Geography of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries*. Moscow: Nauka, 1985. 245 p. (In Russian)
23. Eremeyev D.E. On the semantics of Turkic ethnonymy. *Ethnonyms*. Moscow: Mysl', 1970, pp. 133–142. (In Russian)
24. Ivanov P.P. The Karakalpaks. *Soviet Ethnography*. Moscow; Leningrad: Institut etnografii AN SSSR, 1940, vol. 4, pp. 23–54. (In Russian)
25. Hypatian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1846, vol. 2. 377 p. (In Russian)
26. Hypatian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908, vol. 2. 638 p. (In Russian)
27. *History of Hungary in Three Volumes*. Islamov T.M. et al. (eds). Moscow: Nauka, 1971, vol. 1. 644 p. (In Russian)
28. Kalan E. *Trade and Economic Relations of the Ulus of Jochi (Golden Horde) with the Countries of the East (second half of thirteenth and fourteenth century)*. PhD Thesis. Kazan, 2011. 24 p. (In Russian)
29. Karamzin N.M. *History of the Russian State*. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha, 1818, vol. 2. 316 + 100 + 85–260 + [4] p. (In Russian)

30. Karamzin N.M. *History of the Russian State*. St. Petersburg: Izdatel'stvo E. Evdokimova, 1892, vol. 5. 254 + 166 p. (In Russian)
31. Kargalov V.V. *Foreign Policy Factors of the Development of Rus': Ancient Rus' and Nomads*. Moscow: Vysshaya shkola, 1967. 266 p. (In Russian)
32. John of Plano Carpini. History of the Mongols. N.P. Shastina (ed.). *Travels to the Eastern Countries of John of Plano Carpini and William of Rubruk*. Moscow: Geografiz, 1957, p. 1–65. (In Russian)
33. Kyiv region. *History of Cities and Villages of the Ukrainian Soviet Socialist Republic*. Kyiv: Institut istorii AN URSR, 1971, vol. 26. 791 p. (In Ukrainian)
34. Klyashtornyy S.G. Tatar States in Central Asia (pre-Chinggisid era). *Mongolica. To the 750th Anniversary of the "Secret History of the Mongols"*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 139–147. (In Russian)
35. Kovalevskiy A.P. *The Book of Ahmad ibn Fadlan about His Journey to the Volga in 921–922*. Kharkov: Izd. KhGU, 1956. 345 p. (In Russian)
36. Kozin S.A. *The Secret History of the Mongols*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 620 p. (In Russian)
37. Kokov Dzh.N. *The Adyge (Circassian) Toponymy*. Nal'chik: El'brus 1974. 316 p. (In Russian)
38. Komar A.V. The ancient Magyars of Ethelkez: Perspectives for studying. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*. Kyiv: Institut arkeologii NANU, 2011, iss. 7, pp. 21–78. (In Russian)
39. Constantine Porphyrogenitus. *On the Governance of the Empire*. Litavrin G.G. (tr.). Moscow: Nauka, 1989. 496 p. (In Russian)
40. Kulakovskiy Yu.A. *The Alans according to the Classical and Byzantine Writers*. Kyiv: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira N.T. Korchak-Novitskogo, 1899. 73 p. (In Russian)
41. Laurentian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya E. Pratsa, 1846, vol. 1, pp. 1–123. (In Russian)
42. Laurentian Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Leningrad: AN SSSR, 1926–1928, vol. 1. 379 p. (In Russian)
43. Masal'skiy V.I. The Turkestan region. *Russia*. St. Peterburg, 1913, vol. 19. 861 p. (In Russian)
44. Negin A.E. About one type of helmet from nomadic burials in the territory of Western Desht-i-Kipchak. *Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University*. Nizhny Novgorod, 2012, vol. 3, no. 6, pp. 62–70. (In Russian)
45. Novosel'tsev A.P. *The Khazar State and Its Role in the History of Eastern Europe and the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1990. 254 p. (In Russian)
46. Orlov R.S., Motsya A.P., Pokas P.M. Studies of the chronicles' Juriev city on the Ros' River and its environs. *Lands of South Rus' from the ninth to fourteenth century*. Kyiv: Naukova dumka, 1985, pp. 30–61. (In Russian)
47. Otroshchenko V.V., Vovk T.A. The Golden Horde period in the history of the Polovcians. *Ethnic groups of Ukraine. Turkic World*. Kyiv, 2000, pp. 81–88. (In Ukrainian)
48. Padalka L.V. *The Historical Situation during the Formation of Everyday Life of the People in the Poltava Region*. Poltava: Tipografiya Markevicha, 1910. 62 p. (In Russian)
49. Pletneva S.A. The Pechenegs, Torks, and Polovcians in the South Rus'ian steppes. *Research Materials on the Archaeology of the USSR*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, no. 62, pp. 151–226. (In Russian)
50. Pletneva S.A. *Nomads of the Middle Ages. The Searching for Historical Patterns*. Moscow: Nauka, 1982. 190 p. (In Russian)
51. Pletneva S.A. *The Polovcians*. Moscow: Nauka, 1990. 204 p. (In Russian)

52. Pletneva S.A. *Nomads of the South Rus'ian Steppes in the Middle Ages. From the fourth to thirteenth century*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003. 247 p. (In Russian)
53. Pokas P.M. About the physical type of the Old Rus'ian population in the Right Bank of Ukraine. *Anthropological Data on the Composition of the Ancient Population on the Territory of Ukraine*. Kyiv: Naukova dumka, 1984, pp. 66–75. (In Russian)
54. Pritsak O. The Pechenegs. *Ukrainian Historian*. New York; Munich, 1970, no. 1–3, pp. 25–27. (In Ukrainian)
55. P'yankov A.V. About the time when the medieval Circassians stopped cremating the dead. *Antiquities of the Kuban Region*. Krasnodar, 1998, iss. 11, pp. 22–27. (In Russian)
56. Pyatysheva N.V. *An Iron Mask from Chersonese*. Moscow, 1964. 40 p. (In Russian)
57. Pyatysheva N.V. An iron mask from Serensk in the exposition of the State Historical Museum. *Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow: GIM, 1980, pp. 134–139. (In Russian)
58. Rasovskiy D. Concerning the role of the Black Hoods in the history of Ancient Rus'. *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927, vol. 1, pp. 91–109. (In Russian)
59. Rasovskiy D.A. The Pechenegs, Torks, and Berendeys in Rus' and Hungary. *From the History of Russian Culture*, Vol. 2, Book 1: *Kyivan and Muscovite Rus'*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002, pp. 82–142. (In Russian)
60. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Verkhovskiy Yu.P. (tr.), Petrushevskiy I.P. (ed.). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960, vol. 2. 253 p. (In Russian)
61. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles. Critical Text*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1980, vol. 2, book 1. (In Persian)
62. Tizengauzen V.G. (ed.). *Collection of Materials Related to the History of the Golden Horde*, Vol. 2: *Extracts from the Persian Writings*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. 208 p. (In Persian and Russian)
63. *The Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Second Edition. Tikhvinskiy S.L. (ed.). Moscow: Nauka, 1977. 503 p. (In Russian)
64. Tolochko P. *Nomadic Peoples of the Steppes and Kyivan Rus'*. Kyiv: Abris., 1969. 200 p. (In Russian)
65. Fedorov-Davydov G.A. *Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans*. Moscow: MGU, 1966. 276 p. (In Russian)
66. Fedorov-Davydov G.A. *Social System of the Golden Horde*. Moscow: MGU, 1973. 180 p. (In Russian)
67. Fomenko V.A. *Pyatigorye from the fifteenth to middle of eighteenth century*. Pyatigorsk: Pyatigorskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskiiy universitet, 2002. 73 p. (In Russian)
68. Fomenko V.A. Belorechensk tumuli from the thirteenth to fifteenth century and Belorechensk archaeological culture. *From the History of Culture among the Peoples of the North Caucasus*. Stavropol: SKFU, 2018, iss. 1, pp. 117–126. (In Russian)
69. Khoynovskiy I. *Brief Archaeological Information about the Ancestors of the Slavs and Rus'*. Kyiv, 1896, iss. 1. 221 p. (In Russian)
70. Khrapachevskiy R.P. *Chinggis Khan's Military State*. Moscow: AST LYUKS, 2005. 557 p. (In Russian)
71. Cherkas B. *The Western Possessions of the Ulus of Jochi: Political History, Territorial Administrative System, Economy, and Cities*. Kyiv: Institut istoriyi Ukrayiny NANU, 2014. 387 p. (In Ukrainian)
72. Shafiyev N.A. *History and Culture of the Kabardinians in the Late Middle Ages (from the fourteenth to sixteenth centuries)*. Nal'chik: El'brus, 1968. 164 p. (In Russian)
73. Shorokhov V.A. Hungarians in the North Black Sea Region according to the "Anonymous Note". *Bulletin of Udmurt University*. Izhevsk, 2011, iss. 3, pp. 69–74. (In Russian)

74. Shusharin V.P. The Christianization of Hungarians. *The Adoption of Christianity by the Peoples of Central and Southeastern Europe and the Baptism of Rus'*. Moscow: Nauka, 1988, pp. 159–186. (In Russian)

75. Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon. *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumenta Germaniiae Historicae recusi*. Hannoverae, 1890. 224 p. (In Latin)

About the authors: Oleg B. Bubenok – Dr. Sci. (History), Professor, Chief of the Eurasian Steppe Department at the A.Yu. Krymsky Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Hrushevsky Str., Kyiv 01001, Ukraine). E-mail: helgebub@gmail.com

Alexander B. Golovko – Dr. Sci. (History), Senior Researcher at the M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography and Source Study of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Trekhsvyatitelskaya Str., Kyiv 01001, Ukraine). E-mail: alexholovko@ukr.net

Received February 15, 2021 Accepted for publication June 29, 2021

Published September 29, 2021

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ ПРИХОДА АСОВ НА МОНГОЛЬСКУЮ СЛУЖБУ

Э.В. Казиев

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Владикавказ, Российская Федерация
kedmon@rambler.ru*

Цель исследования: установить время и обстоятельства появления асов на службе у великих монгольских ханов.

Материалы исследования: биографии асских военачальников, представленные в официальной «Истории [династии] Юань» (основной источник), повествования Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрук, хроники Вардана Великого, Киракоса Гандзакети и Григора Акнерци, «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина, Ипатьевская летопись, записки китайских чиновников Пэн Да-я и Сюй Тина о монголах.

Результаты и научная новизна: в работе уточнен один из аспектов предыдущего исследования автора рассматриваемого вопроса; частично опровергается полученный в этом исследовании вывод о том, что аланы переходили на службу к монголам только во время Западного похода; напротив, обосновывается имеющееся в литературе утверждение о том, что аланы могли уходить на службу в период правления каана Мункэ; вместе с тем указывается, что это утверждение находит свое обоснование в сведениях тех жизнеописаний асских военачальников из «Истории [династии] Юань», которые обычно не используются для этого; также выдвигается и аргументируется предположение о том, что интронизация правителей Алании происходила на Кавказе, и им не нужно было отправляться для этого в столицу Монгольской империи. Кроме того, отмечается, что в источниках по рассматриваемому вопросу, проанализированных автором в его обоих исследованиях, отсутствуют какие-либо сведения, позволяющие утверждать или предполагать возможность прихода асов на службу в Монголию и Китай после начала процесса фактического разделения этой единой империи на независимые улусы потомками Чингизхана, последовавшего за смертью каана Мункэ в 1259 г.

Ключевые слова: асы, монголы, Западный поход, Алания, каан Мункэ, источники

Для цитирования: Казиев Э.В. Еще раз о времени прихода асов на монгольскую службу // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 506–519. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.506-519

ONCE AGAIN ON THE CHRONOLOGY OF THE AS PEOPLE'S ENTRY INTO MONGOL SERVICE

E. V. Kaziev

*Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
Vladikavkaz, Russian Federation
kedmon@rambler.ru*

Abstract: *Research objectives:* To ascertain the time and circumstances of the As people's incorporation into the service of the Great Mongol Qa'an.

Research materials: Biographies of the As military commanders presented in the official *History of the Yüan dynasty* (the main source), the narratives of John of Plano Carpini and William of Rubruck, the chronicles of Vardan Areveltsi, Kirakos Gandzaketsi, and Grigor Aknertsi, Rashid al-Din's *Compendium of Chronicles*, the *Hypatian Codex*, notes of Chinese officials Peng Da-ya and Xu Ting on the Mongols.

Results and novelty of the research: The paper clarifies one aspect of the author's previous research of the problem under consideration. It partially refutes a prior conclusion that the As entered into the Mongols' military service only during the Western campaign. On the contrary, this paper substantiates the traditional assertion that the As joined Mongol service during the reign of Möngke Qa'an. Besides, it indicates that this argument finds its substantiation in the information found in the As military commanders' biographies in the *History of Yuan* which are usually overlooked on this issue. The assumption is also put forward and argued that the enthronement of the rulers of Alania took place in the Caucasus, and they did not need to go to the capital of the Mongol Empire for this purpose. In addition, it is noted that in the related sources, analyzed by the author in both papers on this topic, there is no information that would allow for asserting or suggesting the possibility of the arrival of the As to serve in Mongolia and China after the beginning of the process of the actual division of the Empire into independent uluses following the death of Möngke Qa'an in 1259.

Keywords: Ases, Mongols, Western campaign, Möngke Qa'an, sources

For citation: Kaziev E.V. Once Again on the Chronology of the As People's Entry into Mongol Service. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 506–519. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.506-519

Введение

Нами уже отмечалось, что именование в некоторых биографиях аских военачальников официальной «Истории [династии] Юань» каанов Угэдэя и Мункэ посмертными храмовыми именами-титулами *Тай-цзун* и *Сянь-цзун* имело своим следствием появление в научной традиции утверждений, согласно которым, переход асов на службу к монголам не был единовременным и однократным, происходя в правление каана Угэдэя во время Западного похода монголов (1238–1240 гг.), в правление каана Мункэ (1251–1259 гг.) и даже при хане Узбеке, правившем улусом Джучи с 1313 по 1341 гг. Сопоставление сведений юаньской хроники по этому вопросу и их интерпретаций в литературе позволили сделать вывод о том, что эти сведения не являются аргументами, дающими основания для таких утверждений, поскольку ничего не сообщают о том, что асы отправлялись служить на Дальний Восток в периоды правлений различных монгольских властителей, и подобное положение дел можно только предполагать [8, с. 246–249].

Вместе с тем в указанном исследовании были проанализированы не все оригинальные тексты жизнеописаний асских военачальников из официальной «Истории [династии] Юань», содержащие сведения о времени появления асов на монгольской службе, а также не были приведены публикации ряда авторов, затрагивающих данный вопрос. Настоящее исследование имеет своей целью восполнить этот пробел посредством анализа и систематизации сведений из жизнеописаний аланских военачальников официальной «Истории [династии] Юань» по данному вопросу, а также анализа интерпретаций этих сведений в литературе.

Основными источниками по данному вопросу являются указанные биографии асских военачальников, представленные в разделе «Жизнеописания знаменитых» китайской официальной «Истории [династии] Юань». В сведениях этих жизнеописаний время ухода асов на службу к монголам или время нахождения асов на этой службе не имеет конкретного обозначения и определяется посредством его соотнесения с каким-либо событием или периодом правления того или иного каана. На основании этих факторов, рассматриваемые сведения можно разделить на *три группы*: 1) сведения, где время ухода асов на службу к монголам определяется через события, имевшие место в период правления *Тай-цзуна* (каана Угэдэя); 2) сведения, где время ухода асов на службу к монголам определяется через события, в которых принимал участие или которые инициировал *Сянь-цзун* (каан Мункэ); 3) сведения, прямо указывающие на то, что асы переходили на службу к монголам или уже состояли на этой службе в период правления *Сянь-цзуна* (каана Мункэ).

К *первой группе* относятся сведения из жизнеописаний асского правителя *Ханхусы* 杭忽思 и асского тысячника *Юйваши* 玉哇失. В этих жизнеописаниях говорится, что «когда войско Тай-цзуна достигло пределов его страны, Ханхусы пришел [и] покорился во главе [своего] народа» и «отец [Юйваши] Еле-Бадур изъявил покорность вместе со своим правителем, [и] Тай-цзун приказал ему служить в гвардии» [24, цз. 132]. Именно эти отрывки из жизнеописаний асских военачальников, представленные в переводах Э.В. Бретшнейдера, А.И. Иванова и А.К. Моула, и стали одними из оснований для разделения асов, служивших монголам, на тех, кто пошел на эту службу при каане Угэдэе, и тех, кто пошел служить монголам при каане Мункэ [11, с. 362; 2, с. 98–99; 3, с. 50; 18, с. 36], поскольку в указанных переводах используется или личное имя каана Угэдэя вместо его храмового имени [7, с. 282], или сообщается о том, что Угэдэй достигал владений асского правителя Ханхусы [31, с. 22], или же из перевода следует, что этот правитель присягал непосредственно монгольскому «императору» [27, р. 88], хотя в оригинальном тексте этих жизнеописаний ничего подобного не утверждается [24, цз. 132; 10, с. 245].

Напомним, что основные требования монголов к покоренным народам включают в себя следующие обязательные пункты: 1) правитель покоренной территории и/или высшие вельможи/старейшины должны лично явиться ко двору правящего дома; 2) его/их сыновья и младшие братья должны быть выданы в качестве заложников; 3) население территории заносится в реестровые книги; 4) вводится воинская повинность; 5) устанавливается сбор налогов; 6) контроль за исполнением всех этих мер осуществляют даругачи/баскаки (уполномоченные) [29, р. 699–705; 24, цз. 209]. Данные требова-

ния предьявлялись ко всем покоренным народам, однако в том случае, если территория покоренного народа оказывалась под прямым контролем монгольских завоевателей, первые два пункта (явка правителя ко двору и выдача заложников) могли быть не обязательными для исполнения [26, р. 114].

Из сведений Гийома де Рубрук известно, что после Западного похода Чингизиды «поделили между собою Скифию», и степи Восточного Прикаспия от ставки Бату на юг к Железным Воротам стали нутуком для улуса Берке («qui pascit versus Portam Ferream») [32, р. 220, 263]. Рашид ад-Дин, рассказывая о войне между Чингизидами Хулагу и Берке, утверждает, что «жилища всех эмиров, вельмож и воинов Беркея» стояли за Терекком в Кипчакской степи [15, с. 60]. Согласно же «Юань ши», в 1252 г. Мункэ-каан, распределяя уделы среди Чингизидов, дал Берке удел «в Грузии» [24, цз. 3; 20, с. 224], при том, что «сам Мангу-хан», как пишет все тот же Гийом де Рубрук, «владел аланским замком», поскольку он «покорил ту землю» [32, р. 381].

Основываясь на этих сведениях, можно предполагать, что территория Восточного Предкавказья была частью удела Чингизида Берке. Вместе с тем можно согласиться и с мнением Р.Ф. Фидарова (устное сообщение) о том, что территория Алании не входила в состав улуса Джучи и находилась под управлением Чингизида Мункэ, принадлежа ему по праву завоевателя этой страны. Однако если такое положение дел и имело место, то продолжалось оно, согласно сведениям Вардана Великого, только до смерти Бату, который незадолго до нее передал своему сыну Сартаку «власть свою с присовокуплением к тому же владений Мангу-хана» [4, с. 141]. Едва ли Бату мог «присовокупить» к владениям своего сына какие-либо другие владения Мункэ-каана, кроме тех, которые имели общее расположение с землями его собственного улуса. Тот же Рубрук сообщает, что владения Сартака начинались к западу от Волги, к востоку от которой были владения Бату, тогда как южнее владений Сартака находились Черкессия и Алания [32, р. 253, 258, 379, 380], и последняя, таким образом, начиная с 1256 г. становится владением Джучидов.

Эти сведения и основанные на них предположения позволяют думать, что Алания после ее завоевания рассматривалась Чингизидами (вне зависимости от их принадлежности конкретному колену «золотого рода») как территория, находящаяся под их непосредственным контролем, а не являющаяся протекторатом, и правителю Алании для подтверждения своей лояльности новым властям не требовалось отправляться в ставку каана в Каракорум, но достаточно было предоставить для службы свою дружину и сыновей.

Приводимое предположение подтверждается сведениями из жизнеописания асского правителя *Ханхусы*, которому было «высочайше велено набрать из асов тысячное войско и вместе со своим старшим сыном Атачи сопровождать императора в походе» [24, цз. 132]. При этом следует понимать, что в оригинальном предложении китайского источника слово *цинъ-чжэн* 親征, обозначающее военный поход императора с ним же во главе, подразумевает не второго каана Угэдэя, находившегося в то время в Каракоруме, но будущего четвертого каана Мункэ, принимавшего непосредственное участие в Западном походе. В рассказе Рашид ад-Дина об этом походе монголов Мункэ также титулован кааном или ханом [16, с. 37–38], однако такое титулование вовсе не означает, что во времена этого похода Мункэ являлся верховным правителем монголов.

По окончании же военных действий в Предкавказье тумены Мункэ, как и тумены Чингизидов Гуюка, Кадана и Бури, были отправлены к Киеву [13, стб. 784–786]. Можно предполагать, что в составе туменов Мункэ к Киеву вместе со своим правителем *Ханхусы* отправились и аские воины, что подтверждает жизнеописание этого правителя, где говорится, что Ханхусы и его сын сопровождали Мункэ в походе [24, цз. 132]. Затем Гуюку и Мункэ вместе с их туменами было приказано вернуться в свои орды [24, цз. 2; 16, с. 39–40]. По возвращении Мункэ в Монголию в свои владения также отправился и аский правитель, который «на пути встретился с неприятелем и пал в бою» [24, цз. 132].

О том, что аский правитель получил ярлык на управление своими владениями непосредственно на Северном Кавказе, также свидетельствует и жизнеописание аского тысячника *Адачи* 阿荅赤, являющегося, по общему мнению ряда исследователей, тем же человеком, что и аский военачальник *Атачи* 阿塔赤, о котором рассказывается в жизнеописании его отца – все того же аского правителя Ханхусы [27, р. 88; 31, р. 23; 7, с. 291; 25, р. 429; 10, с. 249]. В жизнеописании аса *Адачи* о его отце, чье имя имеет в этом жизнеописании другое написание (*Анхэсы* 昂和思 вместо *Ханхусы* 杭忽思), рассказывается, что он «при Сянь-цзуне носил на поясе тигровую пайцзу, став темником» [24, цз. 135]. Поскольку из его собственного жизнеописания известно, что он ходил в поход с *Сянь-цзуном* (Мункэ), т.е. принял непосредственное участие в его походе к Киеву сразу после завоевания Алании, и по возвращении из этого похода *Ханхусы* погиб в бою [24, цз. 132], то можно предполагать, что свое звание темника и титул багатура, а также тигровую пайцзу *Ханхусы* получил от Мункэ, вассалом которого этот аский правитель оказывался вследствие завоевания последним его владений. Косвенным подтверждением этого предположения также могут служить упоминавшиеся выше сведения Гийома де Рубрук, сообщающие о том, что Мункэ-каан владел замком в земле алан, который принадлежал ему по праву завоевателя этой земли [32, р. 381].

В жизнеописании аского тысячника *Юйваши* время ухода на службу к монголам его отца, *Еле-Бадуэра*, также определяется через указание на события, имевшие место в период правления *Тай-цзуна* (Угэдэя). В этом жизнеописании, как указывалось выше, говорится, что «Еле-Бадуэр изъявил покорность вместе со своим правителем [и] Тай-цзун приказал ему служить в гвардии» [24, цз. 132]. Нет оснований не соглашаться с предположениями А.К. Моула и А. Алеманя, состоящими в том, что под выражением «правитель его страны» в этом жизнеописании подразумевается *Ханхусы* [31, р. 22; 25, р. 412], в одно время с которым, как справедливо полагал Э.В. Бретшнейдер, и покорился монголам *Еле-Бадуэр* [27, р. 88]. Вместе с тем следует заметить, что в переводе этого предложения, представленного А.И. Ивановым, имеются двусмысленности, обусловленные отмеченным выше употреблением личного имени каана Угэдэя вместо его храмового имени: «пришел с правителем его государства и подчинился Угэдэю» [7, с. 288]. Такая интерпретация оригинального предложения источника позволяет предполагать, что *Еле-Бадуэр* вместе со своим правителем ходил присягать в ставку каана в Каракорум. Однако если исходить из того, что *Еле-Бадуэр* присягнул в одно время со своим правителем *Ханхусы*, а также исходить из приводимых выше сведе-

ний источников об участии Чингизида Мункэ в походе в Юго-Западную Русь после покорения Предкавказья, то можно полагать, что *Еле-Бадур* присягнул Мункэ непосредственно в своих владениях, а затем он вместе со своим сюзереном отправился к Киеву в составе его туменов и только после этого вместе с Мункэ ушел в Монголию.

Ко второй группе сведений, определяющей время ухода асов на службу к монголам через события, в которых принимал участие или которые инициировал *Сянь-цзун* (Мункэ), относятся: 1) жизнеописание асского владетеля *Аэрсыланя* 阿兒思蘭, в котором говорится, что «как только войско *Сянь-цзуна* осадило город *Аэрсыланя*, *Аэрсылань* вместе с его сыном *Асаньчжэнем* явились ко входу в войсковой стан с приветствием»; после этого «император собственноручным эдиктом удостоил [*Аэрсыланя*] повелением единолично возглавить народ асов, вместе с тем взяв половину его войска, оставшуюся же [часть] полностью возвратил, чтобы держать в покорности пределы его [страны]» [24, цз. 123]; 2) жизнеописание асского военачальника *Бадурэра* 拔都兒, где сообщается, что «в то время, когда *Сянь-цзун* только намеревался стать правителем, [*Бадурэ*] вместе со своими старшими братьями *Уцзоэрбуханем* и *Матаэршой* привел множество [воинов и] изъявил покорность» [24, цз. 132].

В первом жизнеописании речь, конечно же, идет все о том же Мункэ, и хотя в переводах этого жизнеописания, представленных Э.В. Бретшнейдером и А.И. Ивановым, вместо храмового имени этого каана вновь употреблено его личное имя [27, р. 89; 7, с. 292], описание событий в указанных переводах рассматриваемого предложения соответствует их описанию, содержащемуся в оригинальном предложении источника [24, цз. 132]. Вместе с тем следует указать на то, что перевод иероглифа *ди* 帝 словом ‘император’, содержащемся в переводе этого предложения, представленном в компиляции А. Алеманя, в работе Р.П. Храпачевского [25, р. 408; 10, с. 244], а также в варианте, представленном в настоящей работе (см. выше), дает возможность предполагать, что асский владетель *Аэрсылань* отправлялся присягать в Каракорум, где каан *Угэдэй* наделил его единоличной властью над народом асов. Однако такое предположение не может быть принято, поскольку в предшествующем предложении совершенно однозначно указывается, что речь идет о Мункэ, но не об *Угэдэе*, имевшем другое храмовое имя [24, цз. 123]. С обозначением каана Мункэ соотносит этот иероглиф и Э.В. Бретшнейдер, переводя его как «монгольский князь» [27, р. 89].

Кроме того, часть войска *Аэрсыланя* вместе с его старшим сыном *Асаньчжэнем* 阿散真, как и в случае с аским правителем *Ханхусы* и его старшим сыном *Атачи*, была взята завоевателями и, вероятно, приняла участие в дальнейшем завоевании Алании, а также в походе Мункэ и *Гуюка* в Юго-Западную Русь. Согласно жизнеописанию *Аэрсыланя*, асское войско во главе с его сыном *Асаньчжэнем* было отправлено на подавление мятежа некоего *Дуэргэ* 圖兒哥 (вар. прочтения – *Шэнигэ*), в сражении с которым *Асаньчжэнь* погиб, а его место в аском войске занял второй сын *Аэрсыланя* *Негулай* 捏古來, ставший гвардейцем и отправившийся вместе с Мункэ в Монголию [24, цз. 123].

Об участии перешедших на сторону монголов асов в завоевании Алании прямо говорится в жизнеописании асского военачальника *Бадуэра* 拔都兒, согласно которому один из его старших братьев, *Матаэриша* 馬塔兒沙 (кит. транскр. осет. *Матарсаг* – ‘бесстрашный’), командовал авангардом войска *Сянь-цзуна*, штурмовавшего стены асского города *Майгэсы* 麥各思 [24, цз. 132]. Можно утверждать, что вместе с *Матаэриша* в штурме Магаса принимали участие и двое других его братьев – *Бадуэр* и *Уцзоэрбухань* 兀作兒不罕, которые вместе с ним покорились монголам. Также вероятно предположение о том, что по окончании кавказской кампании все трое братьев, как и ряд других покорившихся аланских военачальников, отправились вместе с туменами Мункэ в Юго-Западную Русь, а оттуда – в Монголию, поскольку следующими событиями, описываемыми в рассматриваемом жизнеописании, в которых принимал участие *Матаэриша*, называются поход в область *Шу* (совр. провинция Сычуань) и осада горы-крепости *Дяоюйшань* [24, цз. 132]. Известно, что после провозглашения в июле 1251 г. Мункэ монгольским кааном эти два события были одними из составляющих его плана по покорению китайской империи Южная Сун [17, с. 285; 28, р. 867, 954].

Сведения *третьей группы* определяют время ухода асов на службу к монголам или время пребывания асов на этой службе через прямое указание на период правления каана Мункэ. К этим жизнеописаниям относятся: 1) жизнеописание командира левого крыла асской императорской гвардии *Коуэризи* 口兒吉, в котором говорится, что он при «Сянь-цзуне вместе со своим отцом Фудэлайсы состоял на службе в ночном гвардейском карауле, возглавляя двадцать асских военных дворов...»; 2) жизнеописание асского тысячника *Шила-Бадуэра* 失刺拔都兒, сообщающее, что его отец Юэлудамоу 月魯達某 «при Сянь-цзуне во главе десятка асов явился к императору и был назначен конюшим»; 3) жизнеописание аса *Негула* 捏古剌, где утверждается, что он «покорился во время правления Сянь-цзуна вместе с Елия [и] тремя десятками асов» [24, цз. 135, 123].

Р.П. Храпачевский полагает, что ас *Негула*, имеющий отдельное жизнеописание в «Истории [династии] Юань», и ас *Негулай*, младший сын асского владетеля *Аэрсыланя* (см. выше), это один и тот же человек, не приводя при этом каких-либо оснований для такого предположения [10, с. 244]. Заметим, что в жизнеописаниях *Негула* и *Аэрсыланя* сражения и кампании, в которых принимали участие *Негула* и *Негулай* не являются одними и теми же и не являются синхронными. О *Негулае* говорится, что он вместе с *Урянхадаем* (сыном известного военачальника Субэдэя) принимал участие в походе против страны Караджан (вар. *Дали* 大理, совр. провинция Юньнань), а затем погиб, «воюя против Сун»; тогда как о *Негула* известно, что он участвовал в подавлении восстания Ли Таня [24, цз. 123]. Можно утверждать, что речь в первом случае идет именно о кампании, начатой кааном Мункэ в Южном Китае в конце 1257 г., в которой приняли участие войска Урянхада, выступившие из Аннама (Северного Вьетнама) и Караджана, и которая закончилась в августе 1259 г. вслед за смертью каана Мункэ [17, с. 286]. Если наше предположение верно, то *Негулай* погиб в 1258 или в первую половину 1259 гг. и никак не мог принимать участие в подавлении восстания Ли Таня, поскольку эта кампания имела место в 1262 г. Кроме того, в жизнеописании

Аэрсыланя, где рассказывается о *Негулае*, после описания его гибели уже упоминается не *Сянь-цзун*, но *Ши-цзу* (Хубилай) [24, цз. 123], который и приказал подавить восстание Ли Тяня в Северном Китае после окончания активной фазы борьбы за монгольский престол со своим младшим братом Ариг-Бугой [28, р. 424–426].

Важным также представляется и то, что в жизнеописании *Негула* говорится, что он изъявил покорность вместе с *Елия* и тремя десятками асов [24, цз. 123]. Можно предполагать, вслед за Э.В. Бретшнейдером [27, р. 89], что *Елия* из этого жизнеописания и *Еле-Бадур* из жизнеописания асского тысячника *Юйваши* это один и тот же человек – вассал асского правителя *Ханхусы*, подчинившийся вместе со своим сюзереном. Если в жизнеописании аса *Негула* говорится, что это он подчинился вместе с *Елия*, то это значит, что он либо равен *Елия* по своему социальному статусу, либо его статус ниже, чем статус *Елия*. *Негулай* же, согласно жизнеописанию его отца *Аэрсыланя*, являлся младшим сыном человека, владевшего городом и немалым войском, которое монголы поделили пополам, забрав одну его половину для участия в дальнейших боях, а другую оставив в распоряжении *Аэрсыланя* для защиты территории его владения [24, цз. 123]. Едва ли три десятка асов, пришедшие изъявлять покорность вместе с *Негулаем*, были войском асского владетеля *Аэрсыланя*, способным одновременно охранять его владения и участвовать в монгольских кампаниях на Кавказе и в Юго-Западной Руси.

Таким образом, можно утверждать, что в жизнеописаниях асского владетеля *Аэрсыланя* и аса *Негула* под именами *Негулай* и *Негула* подразумеваются два разных человека – один из них, *Негулай*, приходился сыном асскому владетелю, тогда как другой, *Негула*, являлся обычным военачальником. Также можно утверждать, что ас *Негула*, несмотря на прямое указание в его жизнеописании на то, что он покорился «в правление Сянь-цзуна», покорился Чингизиду Мункэ в его бытность на Кавказе. В пользу этого предположения свидетельствует то, что о *Негула* говорится, что он именно «покорился» (*лайгуй* 來歸), а не просто был отправлен в Монголию [24, цз. 123]. После 1239–1240 гг. активных завоевательных компаний монголов в Алании уже не было, а известные по сообщениям монахов-францисканцев аланы, продолжавшие сражаться против монголов на Кавказе в правление каанов Гуюка [32, р. 380] и Мункэ [29, р. 729], если и покорялись, то вряд ли отправлялись на службу в Монголию, поскольку те, кто оказал сопротивление монголам, как сообщает монах-доминиканец Юлиан, побывавший в Алании накануне монгольского вторжения, обычно умерщвлялись [1, с. 87].

В отличие от жизнеописания аса *Негула* в жизнеописании командира левого крыла асской императорской гвардии *Коуэрци* отсутствует какое-либо указание на время подчинения этого военачальника монголам и говорится только то, что он при «Сянь-цзуне вместе со своим отцом Фудэлайсы состоял на службе в ночном гвардейском карауле» [24, цз. 135]. Никаких других сведений об асе *Фудэлайсы* в юаньской хронике не содержится, а о самом его сыне, *Коуэрци*, говорится, наряду с прочим, что в «четвертый год... [девиза правления] Чжи-да [он] умер» [24, цз. 135]. Указанный год соответствует 1311 г. Год смерти *Коуэрци* позволяет вычислить приблизительный возраст этого асского военачальника и на этой основе предполагать возможное время прихода на службу его самого и его отца.

Согласно сведениям армянских хронистов, во время монгольской переписи населения в податной реестр имперского баскака Аргуна, уполномоченного кааном Мункэ произвести перепись населения Закавказья и Ирана в 1254 г., заносились юноши, начиная от возраста 15 [5, с. 35, 76] или 10 [9, с. 201] лет. Китайские чиновники Пэн Да-я и Сюй Тин, побывавшие у монголов соответственно в 1233 и 1236–1237 гг. [19, с. 11], также называют 15 лет минимальным возрастом для принятия в войско татар [14, с. 60]. Основываясь на этих сведениях можно сделать два предположения: 1) будущему каану Мункэ подчинился не сам *Коуэрцзы*, но его отец, *Фудэлайсы*, и произойти это могло после завоевания Алании в 1239/1240 гг., после чего отец и сын были записаны в гвардию и отправились в Монголию, и сыну на момент его собственной смерти должно было быть не менее 82 лет; 2) ас *Фудэлайсы* отправился в Монголию вместе со своим сыном *Коуэрцзы* после переписи 1254 г., проведенной по указанию каана Мункэ, и в таком случае его сыну в момент смерти должно было бы быть не менее 67 лет. Учитывая, что средняя продолжительность жизни, к примеру, представителей английской аристократии в период с 1200 по 1300 гг. могла достигать до 43,14 лет [30, р. 8], второе предположение кажется более вероятным.

Аналогичным образом можно интерпретировать сведения о поступлении на службу к монголам из жизнеописания асского тысячника *Шила-Бадуэра*, сообщающие о том, что его «отец, Юэлудамоу, при Сянь-цзуне во главе десятка асов явился представиться [императору] и был назначен конюшим» [24, цз. 135].

Дискуссия

Таким образом, часть *третьей группы* сведений из жизнеописаний асских военачальников «Истории [династии] Юань» о времени их ухода на монгольскую службу может служить основанием для предположения о том, что асы уходили на службу в Монголию во время правления каана Мункэ. Это предположение согласуется с имеющимися в литературе утверждениями о том, что асы уходили на службу к монголам как во время правления каана Угэдэя, так и во время правления каана Мункэ, хотя для аргументации этих утверждений их авторами используются сведения из жизнеописаний асского правителя *Ханхусы* и асского военачальника *Юйваши*, представленные в переводе А.И. Иванова [11, с. 362; 3, с. 98–99; 18, с. 36; 4, с. 50; 7, с. 282, 288], относимые нами к *первой группе* сведений по данному вопросу, которые не могут служить основанием для таких утверждений.

Кроме того, утверждение о том, что асы уходили на службу к монголам в правление хана Узбека, правившего улусом Джучи с 1313 по 1341 гг. [23, с. 782] не нашло подтверждения в настоящей работе. Возможно, дальнейшее исследование официальной «Истории [династии] Юань» или каких-либо других источников по данному вопросу позволит обнаружить сведения, подтверждающие указанное утверждение. Однако на данный момент такого рода сведения нам неизвестны. Напротив, можно полагать, что отправка аланских воинов в Центральную Монголию могла прекратиться с утратой политического единства Великого монгольского улуса, распад которого отмечает и автор указанного утверждения [22, с. 81].

Заключение

Рассмотренные сведения позволяют сделать следующие выводы, уточняющие некоторые результаты нашего предыдущего исследования данного вопроса:

1) асский правитель *Ханхусы*, его вассал *Еле-Бадур*, асский владетель *Аэрсылань*, его сын *Асаньчжэн*, асский военачальник *Бадур*, его братья *Уцзо-эрбухань* и *Матаэриа*, а также ас *Негула* присягали монголам в 1239/1240 гг. при завоевании Алании Чингизидами во время Западного похода;

2) поскольку в жизнеописаниях асских военачальников при рассказе об их покорении монголами или о переходе их на службу к монголам не упоминается третий каан монголов *Дин-цзун* 定宗 (Гуюк), но упоминается их четвертый каан *Сянь-цзун* (Мункэ), можно утверждать, что аланские владетели и военачальники присягали на Кавказе именно Мункэ;

3) после присяги монголам некоторые асские владетели и военачальники вместе с их войнами приняли участие не только в штурме асского города Магаса, но и отправились в составе туменов Чингизида Мункэ в поход в Юго-Западную Русь;

4) после ухода Мункэ из Руси в свои владения часть асских войск была отправлена на родину для контроля подвластной им территории, тогда как другая часть последовала за Мункэ в Центральную Монголию, где оказалась в составе гвардии каана;

5) участие асского правителя *Ханхусы* в походе Мункэ в Юго-Западную Русь, а также утверждение владетеля *Аэрсыланя* правителем народа асов тем же Мункэ, произошедшее после смерти *Ханхусы* при его возвращении из монгольского похода, позволяет утверждать, что оба этих асских правителя не отправлялись в Каракорум для своей интронизации;

6) асский военачальник *Юэлудамоу* вместе со своим сыном *Шила-Бадуром*, а также асский военачальник *Фудэлайсы* вместе со своим сыном *Коуэрцзы* отправились на службу в Каракорум после Западного похода монголов: можно предполагать, что уже во время пребывания Мункэ на престоле каана они были внесены в реестровые книги по результатам переписи в Алании, проведенной по его указу в 1254 г.;

7) в жизнеописаниях асских военачальников, представленных в официальной «Истории [династии] Юань», как и, возможно, вообще в этой хронике, отсутствуют какие-либо сведения о приходе асов на службу в Монголию после начала процесса фактического разделения единой Монгольской империи на улусы потомками Чингизхана, последовавшего за смертью каана Мункэ, случившейся в 1259 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. М.; Л.: АН СССР. С. 71–112.
2. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина, 2004. 324 с.
3. Бубенок О.Б. Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского // Rossica antiqua. 2014. №1(9). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. С. 41–63.

4. *Вардан Великий*. Всеобщая история, часть IV // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи), Т. V: Армянские источники / Сост. введ. ст., комм. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. С. 122–168.

5. *Григор Акнерци*. История народа стрелков // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи), Т. V: Армянские источники / Сост. введ. ст., комм. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. С. 17–98.

6. *Гутнов Ф.Х.* Средневековая Осетия. Владикавказ: Ир, 1993. 229 с.

7. *Иванов А.И.* История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. 1914. Т. II. Вып. 3. СПб.: Имп. Акад. наук, 1914. С. 281–300.

8. Казиев Э.В. О времени появления асов на монгольской службе // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 242–253. DOI:10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253

9. *Киракос Гандзакецы*. Извлечения из «Истории Армении» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи), Т. V: Армянские источники / Сост. введ. ст., комм. Р.П. Храпачевского. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. С. 174–213.

10. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи), Том III: Китайские и монгольские источники / Перев. с кит., сост., введ. стат. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. С. 121–292.

11. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

12. *Нарожный Е.Н.* Русско-ордынский поход против «Сланного яского города Деякова» в контексте политической обстановки на Северном Кавказе // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. Выпуск 2. С. 154–162.

13. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 638 с.

14. *Пэн Да-я, Сюй Тин*. «Хэй-да шилуэ (Краткие сведения о черных татарах)» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи), Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. стат. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. С. 27–89.

15. *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. А.К. Арендса, ред. и прим. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. М.; Л.: АН СССР, 1946. Т. III. 340 с.

16. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, прим. Ю.П. Верховского, Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. II. 253 с.

17. *Свистунова Н.П.* Гибель Южносунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука. Главредвостлит, 1977. С. 282–306.

18. *Сланов А.А.* Военное дело алан I–XIV вв. / Под ред. Р.С. Бзарова. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. 400 с.

19. *Храпачевский Р.П.* О китайских и монгольских источниках по истории Восточной Европы в XIII–XIV вв. / Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой орды и улуса Джучи), Т. III: Китайские и монгольские источники / Перев. с кит., сост., введ. стат. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. С. 6–27.

20. *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.

21. *Храпачевский Р.П.* «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4–7 «Юань ши»). М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. 744 с.

22. Чжао Чжу-Ченг. Распад Монгольской империи. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2008. 108 с.
23. Чжу-Чэн Чжао. Сведения из Юаньши о военном сотрудничестве между Золотой Ордой и Юаньской династией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 779–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783
24. «Юань ши» 元史 («История [династии] Юань») // Сайт «Викитека» 維基文庫. Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/元史> (дата обращения: 25.04. 2019).
25. *Alemamy A.* Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 460 p.
26. *Allsen T.T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. University of California Press, 1987. xvii + 278 p.
27. *Bretschneider E.* Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia. In Two Volumes. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1888. Vol. II. 352 p.
28. The Cambridge History of China. In Fifteen Volumes, Vol. VI: Alien Regimes and Border States, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge University Press, 2009. xxix + 776 p.
29. *Johannis de Plano Carpini* Antivariensis Archiepiscopi Historia Mongalorum quos nos Tartaros Appellamus // Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie. Paris: Société de Géographie, 1839. Tom IV. P. 603–773.
30. *Lancaster H.O.* Expectations of Life: A Study in the Demography, Statistics, and History of World Mortality. New York: Springer Science & Business Media, 2012. 605 p.
31. *Moule A.C.* The Minor friars in China // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Cambridge University Press, 1917. January. P. 1–36.
32. *Itinerarium fratris Willelmi de Rubruk de ordine fratrum minorum anno gratiae MCCLIII ad partes Orientales* // Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie. Paris: Société de Géographie, 1839. Tom IV. P. 215–399.

Сведения об авторе: Эдуард Викторович Казиев – старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания» (362025, ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Российская Федерация). E-mail: kedmon@rambler.ru

Поступила 2.07.2021 Принята к публикации 20.08.2021
Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. Anninskiy S.A. Information of Hungarian missionaries of the thirteenth and fourteenth centuries about Tatars and Eastern Europe. *Historical Archive*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1940, vol. 3, pp. 71–112. (In Russian)
2. Bubenok O.B. *The Alans-Ases in the Golden Horde (thirteenth and fourteenth centuries)*. Kyiv: Istina, 2004. 324 p. (In Russian)
3. Bubenok O.B. The policy of the Mongols on the resettlement of peoples in the South of Eastern Europe at the time of Alexander Nevsky. *Rossica antiqua*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2014, no. 1(9), pp. 41–63. (In Russian)
4. Vardan Areveltsi. Historical compilation, part IV. *The Golden Horde in Sources (Materials for the History of the Golden Horde or the Ulus of Jochi)*, Vol. 5: Armenian

Sources. Khrapachevskiy R.P. (ed.). Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoy i obshchey istorii, 2019, pp. 122–98. (In Russian)

5. Grigor Aknertsy. History of the Nation of Archers. *The Golden Horde in Sources (Materials for the History of the Golden Horde or the Ulus of Jochi)*, Vol. 5: *Armenian Sources*. Khrapachevskiy R.P. (ed.). Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoy i obshchey istorii, 2019, pp. 17–98. (In Russian)

6. Gutnov F.Kh. *Medieval Ossetia*. Vladikavkaz: Ir, 1993. 229 p. (In Russian)

7. Ivanov A.I. History of the Mongols (Yüan'-shi) about the Ases-Alans. *The Christian East*. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1914, iss. 3, pp. 281–300. (In Russian)

8. Kaziev E.V. On the chronology of the As People's entry into Mongol service. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 242–253. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253 (In Russian)

9. Kirakos Gandzaketsi. Extracts from “History of Armenia”. *The Golden Horde in Sources (Materials for the History of the Golden Horde or the Ulus of Jochi)*, Vol. 5: *Armenian Sources*. Khrapachevskiy R.P. (ed.). Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoy i obshchey istorii, 2019, pp. 174–213. (In Russian)

10. Chinese dynasty history “Yüan shih (The official history of the Yüan [dynasty])”. *The Golden Horde in Sources (Materials for the History of the Golden Horde or the Ulus of Jochi)*, Vol. 3: *Chinese and Mongolian Sources*. Khrapachevskiy R.P. (tr.). Moscow: Nauka, 2009, pp. 121–292. (In Russian)

11. Kuznetsov V.A. *Essays on the History of the Alans*. Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 p. (In Russian)

12. Narozhnyi E.N. Russian and Horde's campaign against “the glorious As city of Dediakov” in the context of political situation in the North Caucasus. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilizaiton*, 2009, no. 2, pp. 154–162. (In Russian)

13. *Hypatian Chronicle*. St. Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. 638 p. (In Russian)

14. Peng Da-ya, Xu Ting. Hei-da shilue (Short notes on the Black Tartars). *The Golden Horde in Sources (Materials for the History of the Golden Horde or the Ulus of Jochi)*, Vol. 3: *Chinese and Mongolian Sources*. Khrapachevskiy R.P. (tr.). Moscow: Nauka, 2009, pp. 27–89. (In Russian)

15. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Arends A.K. (tr.), Romaskevich A.A. et al. (eds). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946, vol. 3. 253 p. (In Russian)

16. Rashid al-Din. *Compendium of Chronicles*. Verkhovskiy Yu.P. (tr.), Petrushevskiy I.P. (ed.). Moscow: Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960, vol. 2. 253 p. (In Russian)

17. Svistunova N.P. The destruction of the Southern Song state. *The Tatar-Mongols in Asia and in Europe*. Tikhvinskiy S.L. (ed.). Moscow: Nauka, 1977, pp. 282–306. (In Russian)

18. Slanov A.A. *Warfare of the Alans from the first to fourteenth centuries*. Bzarov R.S. (ed.). Vladikavkaz: SOIGSI im. V.I. Abaeva, 2007. 400 p. (In Russian)

19. Khrapachevskiy R.P. About Chinese and Mongolian sources on the history of Eastern Europe from the twelfth to fourteenth centuries. *The Golden Horde in Sources (Materials for the History of the Golden Horde or the Ulus of Jochi)*, Vol. 3: *Chinese and Mongolian Sources*. Khrapachevskiy R.P. (tr.). Moscow: Nauka, 2009, pp. 6–27. (In Russian)

20. Khrapachevskiy R.P. *Army of the Mongols during the Conquest of Ancient Rus'*. Moscow: Kvadriga, 2011. 264 p. (In Russian)

21. Khrapachevskiy R.P. *Annals of Khubilai: The Main Source on the History of the Reign of the Yuan Dynasty's First Emperor (Juan 4–7 of “Yuan shi”)*. Moscow: Tsentr po izucheniyu voennoi i obshchei istorii, 2019. 744 p. (In Russian)

22. Zhao Zhu-Cheng. *Collapse of the Mongol Empire*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 108 p. (In Russian)

23. Zhao Zhu-Cheng. Information from Yüan shih on the military cooperation between the Golden Horde and the Yüan' dynasty. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 4, pp. 779–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.779-783 (In Russian)
24. 元史 [History of the Yüan (dynasty)]. 維基文庫 [Wikisource]. Available at: <https://zh.wikisource.org/wiki/元史> (accessed: 20.08.2020). (In Chinese)
25. Alemany A. *Sources on the Alans: A Critical Compilation*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 460 p.
26. Allsen T.T. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. University of California Press, 1987. xvii + 278 p.
27. Bretschneider E. *Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia. In Two Volumes*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1888. Vol. II. 352 p.
28. *The Cambridge History of China. In Fifteen Volumes, Vol. VI: Alien Regimes and Border States, 907–1368*. Franke H., Twitchett D. (eds). Cambridge University Press, 2009. xxix + 776 p.
29. Johannis de Plano Carpini Antivariensis Archiepiscopi Historia Mongalorum quos nos Tartaros Appellamus. *Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie*. Paris: Société de Géographie, 1839, vol. 4, pp. 603–773. (In Latin)
30. Lancaster H.O. *Expectations of Life: A Study in the Demography, Statistics, and History of World Mortality*. New York: Springer Science & Business Media, 2012. 605 p.
31. Moule A.C. The Minor friars in China. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. Cambridge University Press, 1917, January, pp. 1–36.
32. Itinerarium fratris Willelmi de Rubruk de ordine fratrum minorum anno gratiae MCCLIII ad partes Orientales. *Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie*. Paris: Société de Géographie, 1839, vol. 4, pp. 215–399. (In Latin)

About the author: Eduard V. Kaziev – Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (46, Vatutin Str., Vladikavkaz 362025, Russian Federation). E-mail: kedmon@rambler.ru

*Received July 2, 2021 Accepted for publication August 20, 2021
Published September 29, 2021*

ЭЛИТНЫЕ КЛАДЫ ИЗ БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

К.А. Руденко

*Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
murziha@mail.ru*

Цель статьи: на основе комплексного анализа проанализировать материалы самых известных кладов эпохи Золотой Орды, найденные на территории Булгарского улуса, выявить совпадение ювелирных изделий, которые в них были, определить сходство и различие с другими находками с этой территории, а также выявить возможное место изготовления их и связь с археологическими памятниками.

Материалы исследования: использованы сохранившиеся ювелирные изделия из двух кладов: Карашамского и Джукетауского. Первый найден в 1950 г. у села Карашам в Зеленодольском районе Республики Татарстан. Второй клад был найден в 1924 г. на окраине города Чистополя в Чистопольском районе Татарстане, рядом со средневековым городищем – остатками булгарского города Джукетау, существовавшим в X – начале XV в. В обоих кладах были кроме ювелирных украшений, серебряные и золотые монеты, что позволило определить время, когда эти клады были зарыты. Клад у села Карашам был зарыт в начале XV века. Джукетауский клад был зарыт в 1350-х – 1370-х гг. XIV в. Клады сохранились не полностью. Автор тщательно изучил ювелирные изделия из кладов, которые сейчас хранятся в Национальном музее Республики Татарстан, а также в Государственном Эрмитаже. Также привлечены к исследованию предметы из других кладов этого времени, найденные на территории Татарстана, а также опубликованные материалы из частных коллекций.

Результаты и научная новизна: автор статьи впервые исследовал сохранившуюся часть Карашамского клада, в том числе и те ювелирные изделия, которые не были отражены в исследованиях других ученых. Был проведен сопоставительный анализ украшений, находившихся в самом этом кладе. Для выяснения ареала распространения подобных ювелирных изделий был сделан поиск аналогий и найдены похожие ювелирные изделия из других кладов, а также в археологических материалах с поселений эпохи Золотой Орды. Было установлено, что в кладе из Карашама самая значительная часть украшений была сделана в ювелирных мастерских города Булгара, а часть – ювелирами из других ремесленных центров на территории Золотой Орды. Отметим, что в Булгаре изготавливались и украшения как из золота, так и из серебра. Самая популярная продукция – это браслеты с изображениями львиных морд на окончаниях предметов, а также браслеты со стилизованными изображениями с использованием черни. Такие браслеты были найдены как в кладе из Карашама, так и из Джукетау. Существование ювелирных мастерских в Булгаре подтверждается и археологическими раскопками. Здесь, в центральной части города, археологами во второй половине XX – начале XXI века были открыты несколько мастерских, датированных XIV столетием, где работали ювелиры. Здесь были обнаружены тигли, ювелирные инструменты, а также более 100 литейных форм. Автор предполагает, что в начале XIV в. здесь работал знаменитый ювелир из Булгара по имени Шагидулла. Также было установлено, что клад из Карашама собирали скорее всего несколько поколений одной семьи, а клад из Джукетау являлся личным сокровищем.

Ключевые слова: Булгарский Улус, Золотая Орда, ювелирные изделия, клады, элита, Иран, Булгар, Карашам, Джукетау

Для цитирования: Руденко К.А. Элитные клады из Булгарского улуса Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 520–546. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.520-546

TREASURES OF THE ELITE OF THE BULGHARIAN ULUS OF THE GOLDEN HORDE

K.A Rudenko

*Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
murziha@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To analyze the materials of the most famous hoards of the Golden Horde era found on the territory of the Bulgharian ulus on the basis of a comprehensive analysis. To identify the coincidence of jewelry that they contained. To determine the similarities and differences with other finds from this territory, as well as to identify the possible place of their manufacture and their connection with archaeological sites.

Research materials: Preserved jewelry from the Karasham and Juketau hoards. The former was found in 1950 near the village of Karasham in the Zelenodolsk district of the Republic of Tatarstan. The latter was found in 1924 on the outskirts of the city of Chistopol in the Chistopol district of Tatarstan, next to the medieval settlement – the remnants of the Bulgharian city of Juketau which existed from the tenth to early fifteenth centuries. In addition to jewelry, both hoards contained silver and gold coins which made it possible to determine the time when these hoards were buried. The hoard near the village of Karasham was deposited at the beginning of the fifteenth century. The Juketau hoard was deposited in the 1350–70s. Both hoards are not fully preserved. The author carefully studied jewelry from the hoards that are now stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan, as well as in the State Hermitage. Items from other hoards of this time found in the territory of Tatarstan, as well as published materials from private collections, are also involved in the study.

Results and novelty of the research: The author investigated, for the first time ever, the surviving part of the Karasham hoard, including jewelry that was not considered in the studies of other scholars. A comparative analysis of the jewelry was carried out. To find out the distribution of such jewelry, a search was made for analogies and similar jewelry that was found in other hoards as well as among the archaeological materials from settlements of the Golden Horde era. It was found that the most significant part of the Karasham hoard's jewelry was made in the jewelry workshops of the city of Bolghar, and partly by the jewelers from other craft centers in the Golden Horde. It should be noted that jewelry was made in both gold and silver in Bolghar. The most popular products were bracelets with images of the lion's muzzle on the ends of objects, as well as bracelets with stylized images made using niello. Such bracelets were found both in the hoard from Karasham and from Juketau. The existence of jewelry workshops in Bolghar is also confirmed by archaeological excavations. In the second half of twentieth and at the beginning of the twenty-first centuries, archaeologists found several jewelry workshops in the central part of the city dated to the fourteenth century. Crucibles, jewelry tools, and more than hundred foundry molds were discovered here. The author assumes that a famous jeweler from Bolghar named Shagidulla worked here at the beginning of fourteenth century. It was also found

that the hoard from Karasham was most likely collected by several generations of the same family. In contrast, the hoard from Juketau was a personal treasure.

Keywords: Bulgharian Ulus, Golden Horde, jewelry, hoards, elite, Iran, Bolghar, Karasham, Juketau

Forcitation: Rudenko K.A. Treasures of the Elite of the Bulgharian Ulus of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 520–546. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.520-546

Введение

Ювелирные изделия Булгарского Улуса Золотой Орды давно привлекали внимание исследователей. Особый интерес вызывали денежно-вещевые клады, содержавшие помимо монет, большое количество таких изделий. Их по праву рассматривают как яркий показатель не только высокого уровня развития ремесла и торговли, но и своего рода маркер состояния общества того времени. Из наиболее известных выделяются Джукетауский 1924 г. и Карашамский 1950 г. клады. Они в разной степени детализации опубликованы, хотя, к сожалению, значительная часть предметов оказалась утраченной и изучить все артефакты из них в настоящее время невозможно [24, с. 112, прим. 1]. Вместе с тем, с этими кладами связано много нерешенных вопросов. Прежде всего это привязка к конкретным археологическим памятникам: если Джукетауский клад скорее всего связан со средневековым городищем Джукетау, хотя точное место находки сейчас установить затруднительно, то Карашамский клад был обнаружен в существенном отдалении от места расположения древних поселений. До конца не выяснено место и время производства большинства изделий из этих кладов, при существующем в настоящее время в литературе разбросе мнений в интерпретации некоторых категорий артефактов, в них находившихся [10, с. 46–51]. Ряд изделий из кладов были признаны привозными, как например, золотой шарнирный браслет из Джукетауского клада [11, с. 260, кат. 111], а часть, в первую очередь пластинчатые браслеты, считаются местного производства [28, с. 22; 9, с. 119]. Кроме того, за прошедший с момента публикации данных кладов период появились новые находки и исследования, которые позволяют существенно скорректировать взгляды на обозначенные проблемы [11; 26, с. 258–274]. В этой связи заслуживает внимания вопрос о месте производства вещей, представленных в кладах.

Методы и материалы

Основным источником для изучения данных вопросов являются опубликованные данные о денежно-вещевых кладах золотоордынского времени – Джукетауского и Карашамского, с учетом выявленных архивных материалов [9, с. 117–120; 18, с. 129, рис. 1–4, цв. вклейка; 28, с. 16–28], а также коллекции Национального музея Татарстана и Государственного Эрмитажа, в которых находятся сохранившиеся из них артефакты. Помимо этого, были исследованы находки из других кладов, хранящихся в Государственном Эрмитаже (Крещено-Елтанский 1900 г., Булгарский 1877 г.) [7, с. 230–231, 316], Государственном историческом музее (Симферопольский клад 1967 г.) [29, с. 78,

80, 82, 83, 88, кат. 306–322, 333–348, 366–370, 510, 511–516, 572–564, 604], Болгарском музее-заповеднике (клады, обнаруженные на городище во время раскопок в 2010, 2013 гг.) [15, с. 82–86, кат. 6.1.3 – 6.1.15; 16, с. 196–197, кат. 22.3.31 – 22.3.37].

Карашамский клад был найден в 1950 г. в 2 км к востоку от с. Карашам Зеленодольского района Татарстана, на левом берегу безымянного ручья [35, №1487]. По нумизматическому материалу он был датирован второй половиной XIV в., а время его сокрытия отнесено к началу XV в. или в более широких рамках – к периоду между 1380 и 1400 гг. [9, с. 119; 36, с. 147, №275]. В составе Карашамского клада было 158 предметов, из которых 102 – серебряные монеты, и 56 – изделия из золота и серебра [9 с. 117–119; 24, с. 111, табл. Д]. Из последних в фондах НМ РТ сохранилось 23 артефакта¹ из них 5 из золота и электра, остальные из серебра. Все они в настоящее время подробно описаны и исследованы [24, кат. 55, 59, 60, 180, 182–184, 191, 259, 262, 279, 310, 311, 347–350, 359, 356, 382–385; 25, с. 239–262]. Учитывая, что практически половина предметов из клада сохранилась, а часть предметов имеется на фотографиях в публикации, то это позволяет провести анализ этого уникального сокровища как единого комплекса, что еще не делалось.

Джукетауский клад, случайно обнаруженный в 1924 г. поблизости от Чистополя, в районе средневекового городища Джукетау, датирован по монетам третью четвертью XIV в. [28, с. 28]. Он включал в себя 4 золотых браслета, составлявшие пары; два из них – пластинчатые с личинами-масками на окончаниях, и два – шарнирные со сложным накладным узором с надписями выложенными золотой проволокой; филигранное навершие головного убора; золотая брошь, украшенная поделочными камнями с накладными деталями в виде миниатюрных распустившихся цветов; мелкие украшения головного убора (21 шт.); 170 жемчужин разного размера; 4 поделочных камня-вставки и 2 золотые индийские монеты, чеканенные в 1325–1351 гг. [28, с. 20–28]. М.Г. Крамаровский предположил, что все предметы относятся к числу женских украшений одного гарнитура [11, с. 109]. Практически все изделия Джукетаусского клада, за исключением одного золотого браслета (рис. 1), утрачены.

Ранее исследователи отмечали, что состав вышеуказанных кладов имеет ряд аналогий с другими элитными кладами золотоордынского периода, например, Симферопольским, предметы в котором были изготовлены во второй–третьей четверти XIV в., а зарыт он был в начале XV в. [14, с. 2, 5]. Таким образом, необходимо аналитическое исследование материалов Карашамского и Джукетауского кладов для выяснения их характера и особенностей, а также места в культурном пространстве Булгарского улуса Золотой Орды.

Результаты

Сравним состав кладов, привлекая материалы из других кладов и отдельных находок, прежде всего из Булгарского Улуса в целом и Булгара, в частности. Начнем с тех предметов, которые встречаются в обоих кладах. Это золотые пластинчатые браслеты с масками-личинами на окончаниях (рис. 2:

¹ Не исключено, что, помимо этого, дошли до наших дней пронизки и бусы из горного хрусталя и из стекла, однако нам их обнаружить не удалось; возможно, они депаспортизованы.

4,5). Они относятся к типу АІ-1.1, по К.А. Руденко, и имеют многочисленные реплики в серебре [25, с. 246]. Однако, если сравнить их с другими золотыми браслетами, прежде всего из Булгара (рис. 2: 1–3), то можно заметить, что джукетауские изделия отличаются от болгарских находок только в деталях и стилем оформления, а карашамский браслет (рис. 2: 4), который попал в клад уже фрагментированным², явно с ними диссонирует, демонстрируя упрощенную схему оформления окончаний, что встречается на некоторых серебряных браслетах из Булгара. При этом только в одном случае (тип Б-9.1.6 по К.А. Руденко) в рисунке маски-личины на окончании пластины треугольное межбровье рассечено пополам вертикальной линией, как на джукетауском [24, с. 469, кат. 334; 25, с. 253, рис. 4: 22].

Джукетауские пластинчатые браслеты (рис. 2: 5) несмотря на их схожесть с золотыми браслетами из Булгара с личинами-масками, тем не менее, обладают рядом интересных особенностей. Первое – наличие на обруче срединного медальона прямоугольной формы, в который вписан стилизованный мотив «узла счастья». Второе – подчеркивание подушечек усов двойной линией на изображении личины на окончаниях браслетов. Срединные медальоны на обруче встречены только на золотых браслетах из Булгара со стилизованным растительным орнаментом (рис. 3: 1) и серебряных браслетах с чернью из Карашамского клада (рис. 3: 2,3). При этом они имеют совершенно иной дизайн. На других серебряных браслетах из Булгарской области Золотой Орды декор посередине обруча – редкость и зафиксирован только на браслетах типа Б-4 и Б-5, где изображен распустившийся цветок [25, с. 250, рис. 4: 4–8]. Такого типа серебряные браслеты встречены в захоронениях конца XIII – XIV в. кочевой ордынской знати, например, в могильнике «Олень-Колодезь» или «Вербовый лог-VIII» [8, с. 105, рис. 8: 7; 4, с. 31, 74, рис. 9: 5,6]. По материалам кладов в Центральной Азии подобные мотивы декора серебряных браслетов встречаются с первой половины XIV в. [37, с. 108, табл. XXXIX].

Впрочем, с территории Золотой Орды браслетов со стилизованным мотивом «узла счастья» тоже немного и не только серебряных или золотых, но и более распространенных – бронзовых. Так в захоронениях кочевников Волго-Донских степей встречен только один такой бронзовый браслет. Он происходит из женского захоронения, датированного монетой 1322 г. [17, с. 163–164, табл. XXVIII, тип II-Б]. Вместе с тем, аналоги рассматриваемому мотиву «узла счастья» встречены на золотых и серебряных иранских браслетах XIII–XIV вв. из коллекции Н. Халили (Nasser D. Khalili) [44, р. 440, 451, 455, cat. no. 341, 354, 359]. Кстати, некоторые из них имеют на окончаниях изображение маски-личины. Также на иранских браслетах прослеживаются и исходные формы гравировок вне медальонов, имеющиеся на спинке обруча карашамских браслетов [44, р. 449, 676–677, cat. no. 336, 352]. Этот мотив имеет и более ранние иранские (хорасанские) прототипы, например, на золотых и серебряных составных с бирюзовыми вставками и шарнирных пластинчатых браслетах с черневым декором [43, р. 267, 292, 299, cat. no. 226, 236, 263]. Исследователи отмечают, что мотив стилизованного «узла счастья» встречается на предметах

² В составе клада был еще один фрагмент золотого браслета, но, скорее всего, без орнамента. Найти его в фондах не удалось. Каких-либо дополнительных данных о нем в описи предметов клада нет.

торевтики в XI–XII вв. от Самарканда до Нишапура [43, р. 180–181]. Сочетание плетенки в виде «узла счастья», вписанного в 8–лепестковую розетку, зафиксировано на литой бронзовой фигуре льва из Хульбука (Таджикистан) [37, с. 154, табл. XI]. Она датируется по аналогиям XI в. «Узел счастья» изображен на щитке серебряного перстня из Билярского городища и Мурзихинского селища, датированных XIII в. [24, с. 53, тип 2.2, кат. 95], но несколько в ином стиле. Вариации этого мотива имеются на серебряных перстнях из вымских могильников перми-вычегодской XIII–XIV вв. [24, с. 124, рис. 11: 17–19], а также Плотниковского могильника в Пермском Приуралье. Можно однозначно утверждать, что на джукетауских браслетах «узел счастья» изображен в стиле иранских образцов XII–XIV вв. Вариации его на золотоордынских браслетах, как, например, на изделии с Селитренного городища (рис. 3: 5), обнаруженного в слое второй половины XIV – начала XV в. [6, с. 201, кат. 107], демонстрируют иную трактовку этого мотива.

Вторая особенность изображения на джукетауских браслетах заключается в иконографии маски-личины. Она близка изображению на серебряном браслете из Булгара (НМ РТ, инв. № 10214–63), где ювелир изобразил верхнюю часть личины с рассеченным надвое межбровьем, каждая из частей которого была расштрихована [24, с. 469, кат. 334; 25, с. 250, рис. 4: 22, тип Б-9.1]. Вместе с тем, стилистика оформления масок-личин на окончаниях этого артефакта близка золотому браслету из Булгара (рис. 2:3), как и многим серебряным браслетам этого типа, найденным здесь же, а также близким по времени сокрытия серебряным браслетам из Крещено-Елтанского клада (рис. 4: 3,4).

Таким образом, учитывая локализацию наибольшего распространения браслетов со схожей иконографией изображений масок-личин и приемов дизайна, можно считать, что джукетауские золотые браслеты, скорее всего, были изготовлены в Булгаре в первой–второй четверти XIV в. ювелиром, хорошо знавшим не только местные приемы декорирования такого рода изделий, но и центральноазиатские – иранские изделия того времени. Образцы ювелирной продукции нижневолжских центров (Царевское или Селитретное городище), найденные в Булгаре, демонстрируют нам другие приемы декорирования. В качестве примера можно привести золотой наконечник пояса (раскоп LV, 1976 г.), попавший в культурный слой Болгарского городища в начале XV в. [12, с. 96–97], как и вышеупомянутая заготовка золотого браслета с Селитренного городища того же периода. Кроме золотых браслетов, других изделий, которые были бы в обоих кладах, нет.

Рассмотрим теперь оригинальные предметы из рассматриваемых кладов, подобные которым не зафиксированы в археологических материалах из Булгарской области Золотой Орды. Первые из них – это два одинаковых шарнирных двухстворчатых золотых браслета с декоративными накладками, медальоном с колечками, и с персидской надписью, выложенной золотой проволокой на створках в обрамлении орнаментированных миниатюрных колонок, на окончаниях которых были изображены стилизованные львиные головы. Сохранившийся один браслет (рис.1) многократно изучался [11, с. 109–110, рис. 55], и нет необходимости на нем останавливаться подробно. М.Г. Крамаровский отнес его к группе «крымско-малоазийской» золотоордынской торевтики и датировал XIV в.

Вторыми оригинальными изделиями можно считать комплект серебряных изделий, в первую очередь пластинчатых браслетов, с гравированным черненым декором из полупальметт из Карашамского клада (рис. 3: 2,3). Н.Ф. Калинин считал их изготовленными непосредственно перед сокрытием клада – на рубеже XIV–XV в., сочтя «небрежность» в отделке – изъязны в наложении черни, слабую проработанность фона рисунков – признаком того, что изделия были не завершены мастером [24, с. 111–112, табл. Д, №№11437, 11438, 11440, 1144]. Отметим, что карашамские серебряные браслеты (тип Б-11, по К.А. Руденко) являются пока единственными из известных в Булгарской области Золотой Орды. Вместе с тем, в Булгаре была найдена пара золотых браслетов (коллекция А.Ф. Лихачева) и золотой перстень такого же типа и с аналогичным декором с использованием черни, что и карашамские [13, табл. V: 1,2; 24, с. 452, кат. 261]. Золотые и серебряные артефакты должны рассматриваться вместе, поскольку совпадение у них даже в деталях.

Необходимо упомянуть и относящийся к данному комплекту серебряный дровотый браслет (тип БП-1, по К.А. Руденко), стоящий по своим характеристикам особняком от всех остальных в этом наборе, но с декором, аналогичным вышеописанным изделиям [24, с. 417, кат. 184]. Этот артефакт – пока практически единственный среди известных серебряных и золотых браслетов из Булгарского улуса. Из случайных находок на Булгарском городище происходит фрагмент серебряного дровотого браслета, возможно, такого же типа, что и карашамский, но без черни [24, с. 387, кат. 97]. Впрочем, и в Золотой Орде в целом, дровотые браслеты встречаются не часто. Из близких изделий можно отметить золотые дровотые браслеты из кургана у с. Киевское Ставропольской губ. с рисунком стилизованной маски-личины на окончаниях [7, с. 230, кат. 132], при этом декор их в целом совершенно иной, и при этом не используется чернение. Близи к последним золотые браслеты с объемными головками драконов на окончаниях из Симферопольского клада [29, с. 80, кат. 510, 511]. Дровотые серебряные браслеты аналогичного дизайна, но с другими рисунками, имеются в иранских древностях XIV–XV вв. [44, р. 450, cat. no. 353].

К вышеописанным артефактам относится и пара серебряных перстней из клада (рис. 5: 3,4) с аналогичным декором (рисунок из стилизованных пальметт, украшенный чернью). Несмотря на типовую форму, перстни оформлены в едином стиле с рассмотренными выше браслетами. Именно эта партия серебряных изделий оказалась в клада с определенными дефектами, причем одного порядка, что может свидетельствовать о их производстве в одно время и, вероятно, в одной ювелирной мастерской, располагавшейся, скорее всего, в Булгаре.

Последнее предположение подтверждается и некоторыми другими находками художественных серебряных изделий с чернью из Булгарского городища, выполненными в том же стиле. Например, серебряная капторга (рис. 3: 4) с гравированным рисунком из полупальметт и растительного побега, украшенными позолотой. Найдена она в Пермской губернии, но стилистически относится к средневожскому региону, что отметил М.Г. Крамаровский [11, с. 139]. Наличие на цепочке крупных металлических бусин с характерным пояском на месте скрепления верхней и нижней половины, использование позолоты, свидетельствует о влиянии традиций ювелирного дела Прикамья.

Аналогичного типа цепочка с круглыми серебряными бусами с зернью имела на капторге из Щербеньского клада 1928 г. [5, с. 62, кат. 130], хотя сама она по оформлению совершенно иная: рисунки на ней из зерни. Капторги такого типа, достаточно крупного размера встречаются в булгаро-ордынских древностях не часто. Причем дизайн у них у всех различный, как, например, у изделия из Крещено-Елтанского клада (рис. 4: 1).

Востребованность такого рода художественных решений отчасти была обусловлена притоком в регион особых парадных изделий, в первую очередь поясов, которые производились в южных районах Золотой Орды и оформление которых было близко стилю вышерассмотренных изделий. Так, с Булгарского городища происходят серебряная деталь и серебряный наконечник от двух парадных поясов [24, с. 384–385, кат. 84, 89]. Последние имеют большое число аналогий в золотоордынских древностях XIV в., например, серебряном поясе из Мангупа (Крым) [7, с. 388–391, кат. 298].

Таким образом, группа серебряных и золотых с чернью браслетов и перстней с орнаментом из стилизованных растительных побегов и полупальметт из Карашамского клада была изготовлена в Булгаре в третьей четверти XIV в. В этой связи стоит сказать, что отмеченные Н.Ф. Калининым особенности декорирования серебряных черненых карашамских браслетов и перстней не обязательно являются свидетельством их поздней датировки и непосредственной связи с сокрытием клада. Можно предположить, что это могло быть следствием неопытности мастера при работе с чернью. Даже если процесс декорирования был прерван (например, в случае гибели или болезни ювелира), то это могло случиться гораздо раньше, чем сокрытие клада.

Интересно использование черни для оформления золотых изделий. Такой прием не встречался в практике булгарских ювелиров ни в домонгольское время, ни в раннее ордынское. Вместе с тем, чернение не редкость в оформлении иранских ювелирных украшений XII в., в том числе из золота [41, р. 145, 215, fig. 333–334, 532–534; 40, р. 102–103, cat. no. 30, 32; 39, р. 60–61, cat. no. 1]. В ордынское время география распространения золотых ювелирных украшений с чернью расширяется в северо-западном направлении от Ирана, достигая Северного Кавказа [7, с. 290, кат. 211]. Скорее всего, именно это воздействие и повлияло на появлении этой технологии в Булгаре.

Перейдем теперь к распространенным типам ювелирных изделий из кладов. Это перстни, серьги, булавки, подвески-амулетницы в виде миниатюрных коробочек и застежка-сюльгама. В Карашамском клада, помимо рассмотренных выше с гравированным черненым рисунком из полупальметт, были золотые и серебряные цельнолитые перстни (рис. 5). Первые из них (рис. 5: 1,2) относятся к серии распространенных в Золотой Орде перстней, с выступами-шишечками по углам прямоугольного щитка, украшенного гравированными изображениями, иногда с чернением, и с гравированными рисунками на шинке у мест крепления со щитком. Они датируются XIV – началом XV в. Вместе с тем, среди карашамских изделий нет распространенных в южной части Золотой Орды перстней с ромбовидным или миндалевидным щитком, которые известны и в золоте, и в серебре, например, из Солхата [11, с. 134–135, рис. 74; 7, с. 406–408, кат. 312, 314–316]. Учитывая особенности декора этих артефактов, однозначно признать их продукцией местного про-

изводства будет не корректно. Вопрос о происхождении данных золотых перстней остается пока открытым.

Серебряные карашамские перстни (рис. 5: 3–6) имеют стандартную форму, которая воспроизводилась в Булгарском улусе не только в золоте, как, например, в Булгарском кладе 2010 г. (рис. 6: 7), или в серебре, но и в стекле, и даже кости [24, с. 1–5, илл. 198]. Встречаются такие перстни и за пределами Булгарской области [37, с. 91, 119, илл. XXXVII]. Очевидно, что последние изготавливались в Булгаре, поскольку известны литейные формы для отливки таких изделий и готовые предметы из серебра и бронзы, изготовленные в таких формах [24, с. 113, 306, 375–376, кат. 61–65, илл. 210]. Такого рода перстни, судя по Булгарскому кладу 2010 г. (рис. 6), зарытому в первой половине XIV в., производились не позднее начала этого столетия. Два карашамских перстня (рис. 5: 5,6), явно использовались длительное время, о чем говорят стертые на щитке изображения и потертости на шинке. Два других – следов использования не имеют и составляли один комплект с серебряными браслетами с чернью.

В Карашамском кладе было еще несколько перстней, ныне утраченных, один из которых – серебряный со вставкой из стекла, известен по публикации [9, с. 118, рис. 38]. Перстни со вставками встречаются в Булгарском улусе редко. Такие изделия, только другого стиля, встречены, например, в Болгарском кладе 2010 г. (рис. 6: 6). Чаще всего это привозные поделки.

Интерес представляют изделия из кладов, которые хорошо известны по сериям аналогичных находок. Из Карашамского клада к таким относятся серебряные литые серьги в виде знака вопроса с многогранником внизу и проволочной накруткой на стержне (рис. 7: 3,4), а также золотые серьги, также в виде знака вопроса [9, с. 116, рис. 37]. Серебряные литые серьги с грузиком распространены как в Булгарском улусе, так и за его пределами, хотя такого вида поделки имеют некоторые региональные вариации. Помимо Булгара, где такие изделия встречаются часто, близкие карашамским серьги встречены в Барбашинском и Муранском могильниках XIV в. на Самарской Луке [19, с. 26, рис. 18; 2, с. 135; 1, с. 275, рис. 17: 1].

Также весьма популярными в золотоордынское время были золотые серьги в виде знака вопроса. Две таких серьги³ из Карашамского клада по ряду деталей, например, филигранному шарикю, схожи с золотой серьгой из Болгарского клада 2010 г. (рис. 6: 2), а также рядом подобных серег с Болгарского городища, особенно с теми, что имеют две подвески в виде стерженька с жемчугом и бусами в нижней части [24, с. 459, 499, кат. 289, 396].

Серебряные булавки-заколки с изображением птицы в верхней части из Карашамского клада (рис. 7: 5–7) имеют очень близкие аналогии с бронзовыми булавками из Нишапура и с городищ Чуйской долины [39, р. 32, 70, 71, cat. no. 68, 69; 37, с. 114, илл. XVII]. Дж. Аллан (James W. Allan) утверждает, что это традиционный для Ирана вид украшений, который был широко распространен в средневековых иранских городах [39, р. 32]. Более сложные композиции с птицами, венчающие такие булавки, имеются на серебряных сирийских или египетских ювелирных украшениях XIV–XV вв. [44,

³ Одна из них была повреждена, но, скорее всего, они были изначально одинаковы и составляли одну пару. Поврежденное изделие сохранилось [24, с. 456, кат. 279].

Рис. 1. Джукетауский клад. Браслет. Золото. XIV в. ГЭ, инв. № 30-717.

По: [7, с. 229, кат. 131; 29, с. 88, кат. 111]

Fig. 1. Juketau hoard. A bracelet. Gold. Fourteenth century. State Hermitage Museum, inventory number 30-717. According to: [7, p. 229, cat. 131; 29, p. 88, cat. 111]

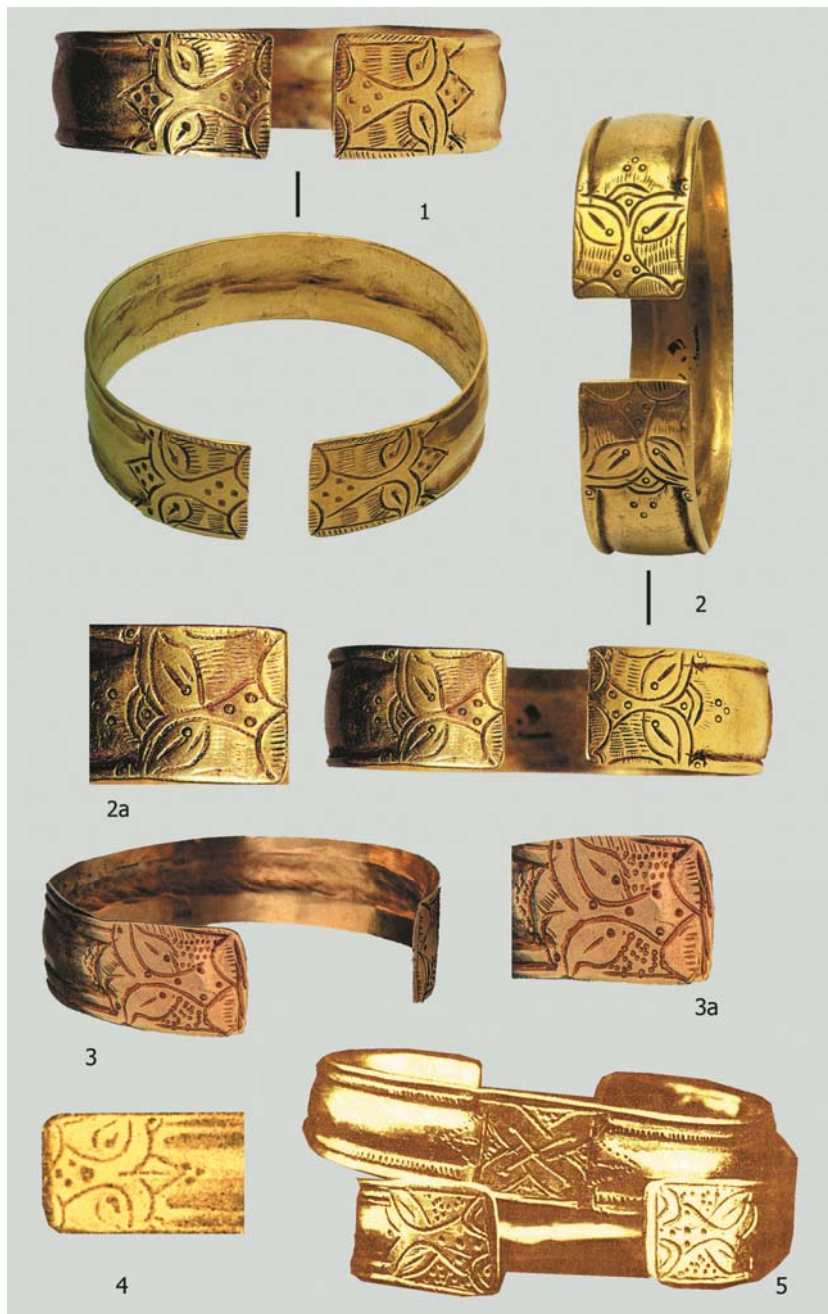

Рис. 2. Золотые браслеты из кладов (1,2,4,5) и Болгарского городища (3,3а).
 1,2 – Болгарский клад 1877 г. По: [7, с. 231, кат. 134; 29, с. 79, кат. 71, 72];
 3 – Болгарское городище, из коллекции А.Ф. Лихачева. ГЭ, инв. № 30-718.
 По: [7, с. 232, кат. 135]; 4 – Карашамский клад. По: [9, с. 118, рис. 38];
 5 – Джукетаусский клад. По: [28, рис. 3]

Fig. 2. Gold bracelets from hoards (1,2,4,5) and Bolghar settlement (3,3a).
 1,2 – Bolghar hoard of 1877. According to: [7, p. 231, cat. 134; 29, p. 79, cat. 71, 72];
 3 – Bolghar settlement, from the collection of A.F. Likhachev. State Hermitage Museum, inventory number 30-718. According to: [7, p. 232, cat. 135]; 4 – Karasham hoard.
 According to: [9, p. 118, fig. 38]; 5 – Juketau hoard. According to: [28, fig. 3]

Рис. 3. Золотые, серебряные браслеты (1-3,5) и капторга (4). 1 – золотой браслет из Булгара, коллекция А.Ф. Лихачева (НМ РТ, инв. № 5838). По: [25, с. 247, рис. 3: 3]; 2 – серебряный браслет, Карашамский клад (НМ РТ, инв. № 11437). По: [25, с. 252, рис. 5: 10,11]; 3 – серебряный браслет, Карашамский клад (НМ РТ, инв. № 11440). По: [7, с. 252, рис. 5: 13]; 4 – серебряная капторга с позолотой, Пермская губ. (ГЭ, инв. №V3-941); 4a – деталь. По: [7, с. 234–235, кат. 137]; 5 – заготовка золотого браслета из Селитренного городища (раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1980 г.), Астраханский музей-заповедник, инв. № 31062. По: [6, с. 161, кат. 107]

Fig. 3. Gold, silver bracelets (1-3,5) and a kaptorga (4). 1 – gold bracelet from Bolghar, collection of A.F. Likhachev (National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 5838). According to: [25, p. 247, fig. 3: 3]; 2 – Silver bracelet, Karasham hoard (National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11437). According to: [25, p. 252, fig. 5: 10,11]; 3 – silver bracelet, Karasham hoard (National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11440). According to: [7, p. 252, fig. 5: 13]; 4 – silver kaptorga with gilding, Perm province (State Hermitage Museum, inventory number V3-941); 4a – detail. According to: [7, p. 234–235, cat. 137]; 5 – semi-finished gold bracelet from the Selitrennoe settlement (excavations by G.A. Fedorov-Davydov, 1980), Astrakhan Museum-Reserve, inventory number 31062. According to: [6, p. 161, cat. 107]

Рис. 4. Крещено-Елтанский клад 1900 г. Изделия из серебра. 1; 1а (оборотная сторона) – капторга; 2-4 – браслеты. 1 – ГЭ, инв. № V3-108; 2 – ГЭ, инв. № 30-338; 3 – ГЭ, инв. № 30-337; 4 – ГЭ, инв. № 30-336. По: [7, с. 230, 316, кат. 113, 237]

Fig. 4. Krescheno-Eltansky hoard of 1900. Silverware. 1; 1a (reverse) – kaptorga; 2-4 – bracelets. 1 – State Hermitage Museum, inventory number V3-108; 2 – State Hermitage Museum, inventory number 30-338; 3 – State Hermitage Museum, inventory number 30-337; 4 – State Hermitage Museum, inventory number 30-336.

According to: [7, p. 230, 316, cat. 113, 237]

Рис. 5. Карашамский клад. Перстни. Золото (1,2) и серебро (3-6).
 1 – НМ РТ, инв. № 11422; 2 – НМ РТ, инв. № 11424; 3 – НМ РТ, инв. № 11425;
 4 – НМ РТ, инв. № 11426; 5 – НМ РТ, инв. № 11458; 6 – НМ РТ, инв. № 11456.
 По: [24, с. 374–375, 388, 451, 452, кат. 55, 59, 60, 100, 259, 262]

Fig. 5. Karasham hoard. Signet rings. Gold (1,2) and silver (3-6).
 1 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11422; 2 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11424; 3 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11425; 4 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11426; 5 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11458; 6 – National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11456.
 According to: [24, p. 374–375, 388, 451, 452, cat. 55, 59, 60, 100, 259, 262]

Рис. 6. Булгарский клад из золотых предметов 2010 года (раскоп СХLIX, соор. 14а; исследование В.С. Баранова). Первая половина XIV в. 1,2 – серьги в виде знака вопроса (БГИАМЗ, инв. №1338, 13340/412 арх.); 3 – проволочное кольцо (БГИАМЗ, инв. №1339/412 арх.); 4 – филигранная подвеска в виде птицы (БГИАМЗ, инв. №1341/412 арх.); 4а – обратная сторона (увеличено); 5 – филигранная пронизка (БГИАМЗ, инв. №1342/412 арх.); 5а – увеличено; 6 – перстень со вставками (БГИАМЗ, инв. №1337/412 арх.); 7 – литой перстень (БГИАМЗ, инв. №1343/412 арх.).

По: [16, с. 196–197, кат. 22.3.31–22.3.37]

Fig. 6. Bolghar hoard with gold objects of 2010 (excavation site СХLIX, 14а; research by V.S. Baranov). First half of the fourteenth century. 1,2 – question mark earrings (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 13340/412 арх.); 3 – wire ring (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1339/412 арх.); 4 – filigree bird pendant (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1341/412 арх.); 4а – reverse side (enlarged); 5 – filigree thread (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1342/412 арх.); 5а – enlarged; 6 – ring with inserts (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1337/412 арх.); 7 – cast ring (Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1343/412 арх.).

According to: [16, p. 196–197, cat. 22.3.31–22.3.37]

Рис. 7. Изделия из серебра и бронзы (2). Карашамский клад (1,3-7) и Булгарское городище (2,8). 1 – навершие головного убора. Серебро. XIV в. По: [9, с. 116, рис. 37]; 2 – матрица для изготовления наверший. Бронза. XIV в. БГИАМЗ, инв. № 1443-176/412 арх. По: [16, с. 172, кат. 20.2.11]; 3 – серебряная серьга в виде знака вопроса. НМ РТ, инв. № 11451, 4 – серебряная серьга в виде знака вопроса. НМ РТ, инв. № 11466. По: [24, с. 463, кат. 310, 311]; 5 – серебряная заколка. НМ РТ, инв. № 11435; 6 – серебряная заколка. НМ РТ, инв. № 11464; 7 – серебряная заколка. НМ РТ, инв. № 11434. По: [24, с. 496, кат. 383-385]; 8 – золотая филигранная заколка. Булгар. По: [7, с. 152, кат. 67]

Fig. 7. Silver and bronze items (2). Karasham hoard (1,3-7) and Bolghar settlement (2,8). 1 – headaddress pommel. Silver. Fourteenth century. According to: [9, с. 116, рис. 37]; 2 – matrix for making pommels. Bronze. Fourteenth century. Bolghar Museum-Reserve, inventory number 1443-176/412 арх. According to: [16, p. 172, cat. 20.2.11]; 3 – silver question mark earring. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11451, 4 – silver question mark earring. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11466. According to: [24, p. 463, cat. 310, 311]; 5 – silver hairpin. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11435; 6 – silver hairpin. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11464; 7 – silver hairpin. National Museum of the Republic of Tatarstan, inventory number 11434. According to: [24, p. 496, cat. 383-385]; 8 – gold filigree hairpin. Bolghar. According to: [7, p. 152, cat. 67]

Рис. 8. Джукетаусский клад. Навершие головного убора.
Золото, филигрань. XIV в. По: [18, с. 129, рис. 2]

Fig. 8. Juketau hoard. Top of the headdress.
Gold, filigree. Fourteenth century. According to: [18, p. 129, fig. 2]

р. 416–417, cat. no. 310–313]. Им близка золотая филигранная заколка из Болгара (рис. 7: 8). Она относится к кругу филигранных украшений, встреченных в Булгаре, в числе которых отметим подвеску в виде птицы – «орлика» и миниатюрную пронизку из Булгарского клада 2010 г. (рис. 6: 4, 5). Правда, последние не встречаются в булгарских материалах и, скорее всего, являются привозными. Несколько филигранных золотых пронизок обнаружены при раскопках в Новгороде в слое XIV в. И.А. Стерлигова, обратившая внимание на сходство новгородских изделий с находками из клада в Булгаре, интерпретировала последние как детали иконного приклада [32, с. 219, 221–222, рис. 1; 4]. Филигранная фигура птицы («орлик») имеет ранние прототипы (XII–XIII вв.) в сирийско-византийском исполнении [33, с. 138, кат. 126].

В целом, серебряные заколки, появившиеся в XII в. в Волжской Булгарии и бытовавшие практически в том же виде в Булгарском улусе Золотой Орды до конца XIV в., изготавливались из серебра, но имели вместо изображения птицы полусферическую шляпку с окантовкой по краю сканью и шариком зерни сверху. Такие поделки вместе с коробочкой-подвеской встречены в Булгарском клада 2012 г., зарытым в последней трети XIV в. [26, с. 262–263, рис. 4: 1–3].

Карашамская серебряная с позолотой подвеска-коробочка [9, с. 118, рис. 38] относится к типу украшений, бытовавших в средневожском регионе в первую очередь у волжских булгар с XI–XII в. У последних декор был выполнен гравировкой, причем рисунки оттенялись чернью. Сюжет изображений на таких артефактах был, в основном, идентичен рисункам на булгарских серебряных перстнях, выполненных в той же технике. На этом сходство заканчивается. Подвески-коробочки ордынского времени украшены сканью и зернью с использованием вставок из бирюзы и жемчуга, реже – мелких фрагментов глазурованной керамики. Скорее всего, различались они и по расположению в ансамбле украшений костюма.

Почти абсолютная аналогия карашамской подвеске-коробочке встречена в материалах Муранского могильника XIV в. на Самарской Луке из раскопок В.Н. Поливанова [19, с. 25–26, рис. 16]. Такого же типа подвески-коробочки имеются в Булгарском клада 2012 г., собранном в третьей четверти XIV в. Совпадают размеры и общая композиция декора, за исключением мелких деталей: вставка на карашамской коробочке бирюзовая, а на булгарских – это мелкие фрагменты глазурованной керамики бирюзового цвета [26, с. 263–264, 269, рис. 3: 1,2]. Кстати, такая же вставка была и на муранской подвеске-коробочке. Золотая коробочка-подвеска из Симферопольского клада, внешне похожая на карашамскую, отличается от нее и от изделий из булгарского клада не только более крупными размерами, но и декором: наличием объемных элементов на лицевой стороне и петелек для каких-то декоративных элементов в нижней части [29, с. 123, кат. 487]. В Центральной Азии в XII–XIV вв. бытовали филигранные золотые подвески-коробочки (амулетницы), о чем свидетельствуют археологические находки, например, из городища Бурана в Кыргызстане [37, с. 86, 108, илл. XLII а.б]. По размеру и элементам композиции, таким как центральная вставка из бирюзы, а также окантовке края коробочки сканой проволокой, они близки карашамской.

Серебряная сьюльгама с подвесками [9, с. 116, рис. 37; 24, с. 495, кат. 382] выбивается из общего состава обоих кладов. Это характерное для мордвы ук-

рашение имеет, помимо зернового орнамента на подтреугольных лопастях, бипирамидальные подвески на цепочках, не характерные для болгарских ювелиров. Сами по себе бронзовые сюльгамы нескольких типов, в том числе лопастные, встречаются достаточно часто в Булгаре [23, с. 198–200, рис. 65: 17–23]. Близкие аналоги встречены при раскопках мордовского Барбашинского могильника XIV в. и Муранского селища того же времени [2, с. 128, 132; 30, с. 162, рис. 21; 31, с. 18: 17, 18]. Серебряная сюльгама с зерновым декором найдена на раскопе III 1950 г., мордовского Муранского могильника XIV в. [1, с. 272, 274, рис. 16: 6]. С этого же могильника из раскопок В.Н. Поливанова происходит целая серия подобного рода серебряных сюльгам с зерновым узором с подвесками к ним в виде бипирамидальных элементов или бубенчиков, укрепленных на цепочках, нередко дополнявшимися серебряными фигурками птиц, украшенных сканью, а также цилиндрическими амулетницами с зерновым декором [20, табл. I; 21, с. 26]. Карашамская сюльгама относится к этой серии изделий и изготовлена, скорее всего, на Муранском селище, как, вероятно, и большая часть изделий из Муранского могильника.

Рассмотрим теперь не столь распространенные в Булгарском улусе изделия из этих кладов. Это навершия и детали головных уборов. Навершия головных уборов в кладах Булгарского улуса встречаются редко. Из Карашамского клада происходит серебряная шестилепестковая штампованная пластина диаметром 6,5 см. с рельефным орнаментом из трилистников, вписанных в крупные фигурные лепестки розетки (рис. 7: 1). Идентичные бляхи из золота и серебра с сохранившимся декоративным шариком в центре, закрепленном на небольшом основании, который на карашамской бляхе отсутствует, имелись в коллекции А.Ф. Лихачева из Булгара [13, табл. V: 4; VIII: 4]. В 2010 г. на раскопе СХLIX на Булгарском городище была обнаружена бронзовая матрица для изготовления таких блях (рис. 7: 2) (БГИАМЗ, инв. № 1443–176/412 арх) [16, с. 176, кат. 20.2.11]. Г.Ф. Полякова опубликовала выразительную серию небольших литых бронзовых наверший головных уборов, также происходящих из Булгара, и литейные формы для их отливки [22, с. 138–141, рис. 1]. Композиционно и по оформлению они близки карашамской и болгарской бляхам. Атрибуция этих артефактов как наверший женских головных уборов была выдвинута еще А.Ф. Лихачевым в третьей четверти XIX в., а затем аргументирована Г.Ф. Поляковой с датировкой золотоордынским временем и принадлежностью их к так называемым «боккам». Она же провела параллели этим артефактам с навершием женского головного убора из Симферопольского клада [22, с. 140–141; 23, с. 169, рис. 60; 1–4, прим. 32]. Позже эту идею развил М.Г. Крамаровский, определив данные артефакты как детали мужских шапок-орбелге [11, с. 31–32]. Вполне очевидно, что рассмотренные детали изготавливались в Булгаре из золота, серебра, а их более простые варианты – из бронзы во второй половине XIV в., придавая головному убору особую роль в демонстрации статуса владельца.

О джукетауском головном уборе с драгоценным убором судить сложно, поскольку детали его не сохранились, хотя филигранное навершие определяется достаточно легко (рис. 8). Нижняя часть этого артефакта сделана по матрице, подобной той, что применялась для штамповки карашамского навершия, а сама форма навершия близка сохранившимся бронзовым навершиям [22, с. 139, рис. 2].

Из других деталей и украшений головного убора из Джукетауского клада отметим призматическую филигранную привеску-амулетницу (тумар) с гнездом для вставки [28, рис. 1]. Она имеет многочисленные аналогии как в золотоордынских древностях, так и в изделиях Хулагуидского Ирана. Они датируются 1350–1390-ми гг. [7, с. 157, кат. 75]. Ранние прототипы их известны в Мавераннахре в XI–XII вв. [34, с. 56–57].

Отдельные круглые медальоны и «гнезда» со вставками из Джукетауского клада, кратко описанные В.Ф. Смолиным, вероятно, также относятся к украшениям головного убора, если исходить из материалов Симферопольского клада. Кроме того, близкие изделия встречались в находках с Болгарского городища [13, табл. VIII: 10].

Таким образом, проведенный анализ показал, что Джукетаусский и Карашамский клад формировались в разных условиях и из разных по происхождению предметов. Первый из них включал в себя один комплект украшений, по большей части привезенных из южных областей Золотой Орды – золотые ажурные браслеты, украшения головного убора с накладками и другими аксессуарами: медальонами, брошью, амулетницей и т.п.; дополненный золотыми пластинчатыми браслетами производства ювелиров Булгара. К этому добавим золотые индийские монеты и жемчужные ожерелья. Судя по составу, Джукетаусский клад был сформирован как сокровище в короткий промежуток времени во второй четверти XIV в.

Карашамский клад содержал несколько комплектов украшений, имеющих аналоги в ювелирных изделиях из Булгара. В нем также немало предметов, бытовавших длительное время, что позволяет предположить, что он является кладом длительного накопления. Это подтверждается и солидным набором (102 ед.) серебряных монет, большая часть которых была накоплена владельцем во время правления Джанибека (1342–1357). При этом среди всех монет есть экземпляры с припаянным ушком, то есть использовавшиеся как украшение. Отметим, что часть предметов клада явно составляла логические наборы, связанные с их функциональным использованием в качестве украшения прически, головы и т.д., например, золотые серьги в виде знака вопроса, серебряные и золотые кольца, последние, свернутые в спираль (по 2 экз.), или серебряные заколки (3 шт.). При этом большая часть даже функционально одинаковых изделий, таких как браслеты и перстни, были стилистически неоднородными и вряд ли, за редким исключением (НМ РТ, инв. № 11446 и 11444; утрачен, но имеется изображение: [9, с. 118, рис. 38]), являлись в каких-либо сочетаниях одним комплектом. Это особенно хорошо заметно, если сравнить их с серебряными браслетами из Крещено-Елтанского 1900 г. и Булгарского 2012 г. кладов, в составе которых были парные изделия. Исключение составляют необычные для ювелиров Булгарского улуса черные серебряные браслеты и перстни, выдержанные в едином стиле, вышедшие, скорее всего, из одной мастерской и приобретенные, скорее всего, одновременно. Этого нельзя сказать о серебряных пластинчатых браслетах с масками-личинами на окончаниях. Некоторые из них имеют следы длительного ношения, остальные индивидуальны в деталях изображений и, как говорилось выше, вряд ли носилось в парах. Такие браслеты собирали постепенно, но не для ношения, а как сокровище. Также спонтанно, скорее всего, была приобретена и фигурная накладка головного убора.

Показательно то, что в Карашамском кладе находилось определенное число несложных по технологии изготовления изделий из серебра, таких как серьги в виде знака вопроса, которые приобретали прежде всего представители среднего городского класса – богатые ремесленники, торговцы. Кроме того, судя по серебряной сьюльгаме, владелец клада имел какое-то отношение либо к ювелирному центру на Муранском поселении, либо к мордовской диаспоре в средневековом Болгаре [27, с. 65–66].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют обратиться к вопросу о месте производства изделий этих кладов. Джукетауский клад практически весь состоял из привозных предметов, исключая золотые пластинчатые браслеты с масками-личинами, которые, судя по характеру рисунков на них, могли быть изготовлены в Булгаре или в Булгарской области, в целом. Предположение о производстве ювелирных изделий высокого профессионального уровня в золотоордынском Булгаре основывается как на уже известных фактах, так и на археологических открытиях второй половины XX – начала XXI в. Так, изучение каменных надгробий с эпитафиями с престижных кладбищ, находившихся в центре Булгара, в XIX в., позволило установить, что здесь в начале лета 1317 г. был похоронен золотых дел мастер Шагидулла сын Мусы [38, табл. 15]. Он, судя по эпитафии, был известным мастером-ювелиром и уважаемым человеком, занимавшимся благотворительностью и меценатством. Возможно, Шагидулла был одним из тех, кто возглавлял одну из ювелирных мастерских Булгара в начале XIV в.

Одним из вероятных мест, где могли работать ювелиры в конце XIII – первой половине XIV в., был центр города. Это имеет подтверждение и в археологическом материале: в 1960–1970-х гг. в центральной части Булгарского городища были исследованы мастерские и жилища ювелиров, функционировавшие в основном в первой половине XIV в. [23, с. 158]. Подтвердили этот факт и раскопки 2014–2017 гг. у Соборной мечети, где в районе центрального рынка был изучено несколько усадеб ювелиров и ремесленных мастерских, датированных концом XIII – первой третью XIV в. Здесь были зафиксированы следы ювелирного производства, найдены инструменты, тигли для литья, а также несколько десятков створок литейных форм для изготовления металлических украшений, в том числе браслетов и перстней [3, с. 280, 285, рис. 5: 1,3; 6]. Мы не исключаем, что именно здесь и работала первая из определенных нами ювелирных мастерских. Она прекратила свое существование в конце 1340-х гг. в результате пожара⁴. После этого данный участок городской застройки был перепланирован, и на его месте в середине XIV в. было возведено здание городского рынка [3, с. 283].

Долгое время место находки Джукетауского клада автоматически ассоциировалось и с местом, где предметы из него, за некоторыми исключениями, были изготовлены – это городище Джукетау. Однако многолетние археологические раскопки на территории самого городища и Донауровских селищ

⁴ Можно предположить, что другой причиной прекращения работы мастерской была эпидемия чумы, первая волна которой пришла в Поволжье в 1346 г. и штамм которой был зафиксирован в результате недавних исследований антропологического материала с нескольких некрополей в Булгарской области Золотой Орды [42, р. 874–881].

(посада города), где были выявлены следы ремесленного производства, не дали оснований для обоснования такого мнения [18]. Джукетауский клад был личным сокровищем, и его владелец мог приобрести или заказать изготовление предметов в другом месте. По результатам нашего исследования, это мог быть Булгар, где функционировала в первой половине XIV в. ювелирная мастерская и продавались предметы из разных частей монгольской империи, в том числе и южных районов Золотой Орды. Об этом можно судить по отдельным находкам ювелирных изделий на Булгарском городище, сопоставимым с украшениями из Джукетау и Симферопольского клада.

Карашамский клад в целом не имеет смысла связывать с каким-либо конкретным населенным пунктом Предволжья эпохи Золотой Орды. Он входит в группу крупных денежных кладов конца XIV – начала XV в., типа Каратунского, Мало-Атрясинского или тетюшских. Атрибуция изделий Карашамского клада позволяет выявить определенную связь его владельца с Булгаром и тем самым наметить одно из направлений движения этих сокровищ в данный период. Что касается самих предметов из Карашамского клада, то мы считаем, что золотые, серебряные браслеты и перстни с чернью и оригинальным дизайном были изготовлены в ювелирной мастерской Булгара, функционировавшей примерно в 1350-х – начале 1370-х гг., мастер которой в своих изделиях не только следовал местным традициям металлообработки, но и хорошо знал и применял на практике опыт крупнейших центров по производству художественных изделий, прежде всего иранских.

Основные выводы

Таким образом, основной состав Карашамского клада был представлен предметами местного производства, а именно продукцией ювелирной мастерской, которая функционировала в Булгаре в 1350-х – 1370-х гг., что подтверждает анализ материалов отдельных находок и синхронных кладов, найденных в самом Булгаре и в Крещеном Елтане. В джукетауском кладае, несмотря на преобладание привозных изделий, пара золотых браслетов также была изготовлена в Булгаре, но в другой ювелирной мастерской, предшественницей вышеупомянутой, которая возникла в конце XIII и работала до конца 40-х гг. XIV в.

Большая часть изделий Карашамского клада была изготовлена в Булгаре во второй–третьей четверти XIV в. Сам по себе он был кладом длительного накопления и включал в себя изделия, изготовленные и бытовавшие в разное время – с первых десятилетий XIV в. и до 1370-х гг. В его составе имелось несколько комплектов украшений. Один из них включал браслеты, перстни с черневым декором, выполненные, вероятно, в одной мастерской и связанные с изготовлением золотых черненых изделий в 1350-х – начале 1370-х гг. Второй комплект – это серебряные пластинчатые браслеты с львиноподобными масками-личинами, несколько перстней и набор булавок. К нему следует отнести и серебряное штампованное навершие головного убора. В третий комплект можно включить серебряную подвеску-коробочку, серьги с грузиками, сюльгаму с подвесками. Редкие золотые изделия, не имевшие особого художественного статуса – кольца, серьги и обломки браслета, выступали только как материальная ценность, хотя изначально, вероятно, использовались по назначению. Учитывая многочисленные параллели в составе клада с

отдельными находками и предметами из кладов в Булгаре, можно предположить, что владелец его и был жителем этого города, по каким-то причинам покинувшим его с сокровищем в начале XIV в.

Изучение изделий Карашамского клада позволяет высказать предположение о том, что в Булгарской области Золотой Орды существовало как минимум два центра как элитного, производившего золотые украшения и, реже серебряные, так и более «демократического» производства ювелирных изделий из серебра и, реже, золота. Первый – это мастерские в Булгаре, а второй – Муранское поселение на Самарской Луке. Имелись в Булгарском улусе и небольшие локальные центры ювелирного дела, но о их существовании имеются только косвенные данные.

Джукетауский клад был спрятан владельцем не ранее третьей четверти XIV в. и являлся личным сокровищем. Судя по его составу, собирался он недолго, и все предметы попали в него практически одновременно. Какой-либо связи с ремесленной деятельностью самого Джукетау предметы из клада не обнаруживают. Джукетауские золотые пластинчатые браслеты были, скорее всего, произведены ювелирами Булгара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. I. С. 259–301.
2. Археологические памятники Самары / сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Изд-во СОИКМ, 2012. 160 с.
3. *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289. <https://doi.org/10.24852/ra2018.2.24.270.289>.
4. *Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А.* Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.
5. Выставка болгарских древностей (По исследовательским материалам революционного периода) / ред. П.М. Дульский. Казань: Издание ДТК, 1929. 76 с.
6. Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
7. Золотая Орда и Причерноморье: уроки чингисидской империи. Каталог выставки. М.: Изд-во Фонда Марджани, 2019. 504 с.
8. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4 (4–5). С. 93–108.
9. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.
10. *Крамаровский М.Г.* «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград: Аврора, 1978. Вып. XLIII. С. 46–51.
11. *Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
12. *Крамаровский И.Г., Полубояринова М.Д.* К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды // Советская археология. 1982. № 3. С. 96–102.
13. *Лихачев А.Ф.* Археологические таблицы. Казань, 1924. 33 с.
14. *Мальм В.А.* Симферопольский клад. М.: Внешторгиздат, 1987. 32 с.

15. Музей Болгарской цивилизации, Т. I: Древний Болгар: жизнь города. Каталог /сост. В.С. Баранов, Д.Г. Бугров, А.Г. Ситдииков. Казань: Главдизайн, 2016. 267 с.
16. Музей Болгарской цивилизации, Т. II: История тюрко-болгарской цивилизации. Каталог /сост. В.С. Баранов, Д.Г. Бугров, А.Г. Ситдииков. Казань: Главдизайн, 2016. 254 с.
17. *Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во ВФ ФГБОУ РАНХиГС, 2015. 484 с.
18. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
19. Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 г. СПб.: Главная типография уделов, 1895. 122 с.
20. *Поливанов В.Н.* Муранский могильник. М.: Тов-во Скорп. А.А. Левинсон, 1896. 16 с.
21. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. 71 с.
22. *Полякова Г. Ф.* Бляхи-навершия головных уборов из Болгар // Проблемы археологии Евразии / отв. ред. С.В. Студзицкая. М.: Изд-во ГИМ, 1990. С. 138–141.
23. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
24. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань: Заман, 2015. Том II. 528 с.
25. *Руденко К.А.* Золотые и серебряные браслеты XIII–XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинёв: Stratum+, 2019. С. 239–262.
26. *Руденко К.А., Елкина И.И.* Ювелирные украшения из захоронений в южной части Булгарского городища (раскопы CLXXIV и CCXIV. Раскопки 2012 и 2015 гг.) // Поволжская археология. 2017. №4 (22). С. 258–274 DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2017.4.22.258.274>
27. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 276 с.
28. *Смолин В.Ф.* Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // Вестник научного общества Татароведения: посвящается 5-летию Татарской Республики. 1925. Май–июнь. С. 16–28.
29. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
30. *Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Б.А. Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2008. 200 с.
31. *Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф.* Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / отв. ред. А.В. Богачев. Самара: СООО «САО», 2013. С. 248–276.
32. *Стерлигова И.А.* Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс // «Нескончаемое лето». Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.–сост. В.К. Сингх. М.; Великий Новгород: МГУ, 2018. С. 219–223.
33. Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США. Каталог выставки. Париж: Издательство: CARACTERE, 1999. 150 с.
34. *Фахрутдинов Д.А.* Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX – начале XIII века / ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Изд. Литры и искусства, 1983. С. 49–68.
35. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Камско-Волжской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. 219 с.

36. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
37. Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв., Том III: Торевтика / науч. ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012. 297 с.
38. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 323 с.
39. Allan W.J. Nishapur: Metalwork of the Early Islamic Period. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 1982. 120 p.
40. Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi, Peacock A.C.S. Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog Exhibition. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
41. Tait H. (Ed.) Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum. N.-Y.: Abradale Press, 1991. 255 p.
42. Spyrou M.A., Tukhbatova R. I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltrán de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A.G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I.R., Nurgaliev D.K., Herbig A., Bos K.I., Krause J. Historical Y. pestis genomes reveal the European Black Death as the source of ancient and modern plague pandemics // Cell Host & Microbe. 2016. Vol. 19. No. 6. P. 874–881.
43. Spink M. (ed.). The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013. Part 1. 372 p.
44. Spink M. (ed.). The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013. Part 2. 704 p.

СОКРАЩЕНИЯ

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан

Сведения об авторе: Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4067-9287. E-mail: murziha@mail.ru

Поступила 2.06.2021 Принята к публикации 26.08.2021
 Опубликовано 29.09.2021

REFERENCES

1. Alikhova A.E. Muran burial ground and settlement. *Proceedings of the Kuibyshev Archaeological Expedition*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954, vol. 1, pp. 259–301. (In Russian)
2. Stashenkov D.A., Kochkina A.F. (ed.). *Archaeological Sites of Samara*. Samara: SOIKM, 2012. 160 p. (In Russian)
3. Badeev D.Yu., Koval V.Yu. Studies of the handicraft and commercial district in medieval Bolghar. *The Volga River Region Archaeology*. 2018, no. 2 (24), pp. 270–289. <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.270.289>. (In Russian)
4. Vlaskin M.V., Garmashov A.I., Dode Z.V., Naumenko S.A. *Nobility's Burials of the Golden Horde Time in the Interfluvium of the Don and Sal*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2006. 232 p. (In Russian)

5. Dulsky P.M. (ed.) *Exhibition of Bulgharian Antiquities (Based on Research Materials from the Revolutionary Period)*. Kazan: DTK, 1929. 76 p. (In Russian)
6. *The Golden Horde: History and Culture. Exhibition Catalog*. St. Petersburg: Slaviya, 2005. 264 p. (In Russian)
7. *The Golden Horde and Black Sea Region: Lessons from the Chinggisid Empire. Exhibition Catalog*. Moscow: Izdatel'stvo Fonda Mardzhani, 2019. 504 p. (In Russian)
8. Efimov K.Yu. Golden Horde burials from the "Deer-Well" repository. *The Don Archaeology*. 1999, no. 3–4 (4–5), pp. 93–108. (In Russian)
9. Kalinin N.F., Khalikov A.Kh. *Results of Archaeological Work for 1945–1952*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1954. 128 p. (In Russian)
10. Kramarovskiy M.G. "Bulgharian" bracelets: The genesis of decor and localization. *Communications of the State Hermitage Museum*. Leningrad: Avrora, 1978, vol. 43, pp. 46–51. (In Russian)
11. Kramarovskiy M.G. *Gold of the Chinggisids: Cultural Heritage of the Golden Horde*. St. Petersburg: Slaviya, 2001. 364 p. (In Russian)
12. Kramarovskiy I.G., Poluboyarinova M.D. On the characteristics of the urban jewelry business of the Golden Horde. *Soviet Archaeology*. 1982, no. 3, pp. 96–102. (In Russian)
13. Likhachev A.F. *Archaeological Tables*. Kazan, 1924. 33 p. (In Russian)
14. Malm V.A. *Simferopol Hoard*. Moscow: Vneshtorgizdat, 1987. 32 p. (In Russian)
15. Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G. (eds). *Museum of the Bolghar Civilization, Vol. 1: Ancient Bolghar: Life of the Town. Catalog*. Kazan: Glavdizain, 2016. 267 p. (In Russian)
16. Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G. (eds). *Museum of the Bolghar Civilization, Vol. 2: History of the Turkic-Bulgharian Civilization. Catalog*. Kazan: Glavdizain, 2016. 254 p. (In Russian)
17. Myskov E.P. *Nomads of the Volga-Don Steppes during the Era of the Golden Horde*. Volgograd: VF FGBOU RANKhiGS, 2015. 448 p. (In Russian)
18. Nabiullin N.G. *Juketau: A City of the Bulgarians on the Kama*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 143 p. (In Russian)
19. *Report of the Imperial Archaeological Commission for 1893*. St. Petersburg: Glavnaya tipografiya udelov, 1895. 122 p. (In Russian)
20. Polivanov V.N. *Muransky Burial Ground*. Moscow, 1896. 16 p. (In Russian)
21. Polivanov V.N. *Archaeological Map of the Simbirsk Province*. Simbirsk: Tipolitografiya A.T. Tokareva, 1900. 71 p. (In Russian)
22. Polyakova G.F. Flags-tops of headgear from Bolghar. *Problems of Eurasian Archaeology*. Moscow: Izdatelstvo GIM, 1990, pp. 138–141. (In Russian)
23. Polyakova G.F. Products from non-ferrous and precious metals. *The City of Bolghar: Craft of Metallurgists, Blacksmiths, and Casters*. Kazan: IYaLI AN RT, 1996, pp. 154–268. (In Russian)
24. Rudenko K.A. *Bulgharian Silver. Antiquities of Bilyar*. Kazan: Zaman, 2015, vol. 2. 528 p. (In Russian)
25. Rudenko K.A. Gold and silver bracelets of the thirteenth and fourteenth centuries from the Bulgharian region of the Golden Horde: Systematization, attribution, and dating. "In Search of Essence". *Collection of Articles in Honor of the 60th Anniversary of N.D. Russev*. Tkachuk M.E., Atanasov G.G. (eds). Chisinau: Stratum+, 2019, pp. 239–262. (In Russian)
26. Rudenko K.A., Elkina I.I. Jewelry from burials in the southern part of Bolghar settlement (excavations CLXXIV and CCXIV. Excavations of 2012 and 2015). *The Volga River Region Archaeology*. 2017, no. 4 (22), pp. 258–274 DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.4.22.258.274> (In Russian)
27. Smirnov A.P. *The Volga Bulgars*. Moscow: GIM, 1951. 276 p. (In Russian)

28. Smolin V.F. Hoard of Oriental gold objects from the Bulgarian town of Juketau. *Bulletin of the Academic Society of Tatar Studies: Dedicated to the Fifth Anniversary of the Tatar Republic*. 1925, May–June, pp. 16–28. (In Russian)

29. *Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalog*. St. Petersburg: Slaviya, 2000, 346 p. (In Russian)

30. Stashenkov D.A., Kochkina A.F. *B.A. Latinin. The Samara Period of Life*. Saratov: Izdatel'stvo "Novyy veter", 2008. 200 p. (In Russian)

31. Stashenkov D.A., Kochkina A.F. Muranskoe Selishche: A settlement of the Golden Horde time on the Usa river (to the history of the study and new materials). *The Middle Ages. The Great Migration of Peoples (based on materials of archaeological monuments in the Samara region)*. Samara: SOOO "SAO", 2013, pp. 248–276. (In Russian)

32. Sterligova I.A. Novgorod trace in the history of ancient Russian golden robes. *The "Endless Summer". Collection of Articles in Honor of Elena A. Rybina*. Moscow; Veliky Novgorod: MGU, 2018, pp. 219–223. (In Russian)

33. *Ornaments of the East. From the Collection of Patti Cadby Burch, USA. Exhibition Catalog*. Paris: Izdatel'stvo: CARACTERE, 1999. 150 p. (In Russian)

34. Fakhretdinov D.A. Jewelry art of Mawerannah. *Artistic Culture of Central Asia from the ninth to beginning of thirteenth century*. Rempel L.I. (ed.). Tashkent: Izdatel'stvo Literatry i iskusstva, 1983, pp. 49–68. (In Russian)

35. Fakhrutdinov R.G. *Archaeological Sites of the Kama-Volga Bulgaria and Its Territory*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 219 p. (In Russian)

36. Fedorov-Davydov G.A. *Coinage of the Golden Horde*. Moscow: Paleograf, 2003. 352 p. (In Russian)

37. Baipakov K., Pidaev S., Khakimov A. (eds). *The Art Culture of Central Asia and Azerbaijan from the ninth to fifteenth centuries*, Vol. 3: *Toreutics*. Samarkand; Tashkent: MITsAI, 2012. 297 p. (In Russian)

38. Yusupov G.V. *Introduction to the Bulgarian-Tatar Epigraphy*. Moscow; Lenin-grad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 332 p. (In Russian)

39. Allan W.J. *Nishapur: Metalwork of the Early Islamic Period*. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 1982. 120 p.

40. Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi, Peacock A.C.S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog Exhibition*. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.

41. Tait H. (ed.). *Jewelry, 7 000 years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum*. N.-Y.: Abradale Press, 1991. 255 p.

42. Spyrou M.A., Tukhatova R.I., Feldman M., Drath J., Kacki S., Beltrán de Heredia J., Arnold S., Sitdikov A.G., Castex D., Wahl J., Gazimzyanov I.R., Nurgaliev D.K., Herbig A., Bos K.I., Krause J. Historical Y. pestis genomes reveal the European Black Death as the source of ancient and modern plague pandemics. *Cell Host & Microbe*. 2016, vol. 19, no. 6, pp. 874–881.

43. Spink M. (ed.). *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013, part 1. 372 p.

44. Spink M. (ed.). *The Art of Adornment. Jewellery of the Islamic Lands*. London: The Nour Foundation; Azimuth Editions, 2013, part 2. 704 p.

About the author: Konstantin A. Rudenko – Dr. Sci. (History), Professor, Kazan State Institute of Culture (3, Orenburg tract, Kazan 420059, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4067-9287. E-mail: murziha@mail.ru

*Received June 2, 2021 Accepted for publication August 26, 2021
Published September 29, 2021*

УДК 94(47).031/929.737

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.547-554

НАХОДКИ МОНЕТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ИНДИИ И КИТАЕ

А.В. Пачкалов

*Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация
zolornum@mail.ru*

Цель статьи: изучение находок монет Золотой Орды в Индии и Китае.

Материалы исследования: известные на сегодняшний день находки монет Золотой Орды, сделанные на территории современных Индии и Китая.

Новизна исследования заключается в том, что впервые все известные находки рассмотрены в контексте находок, сделанных в этом регионе ранее (исследования Ч. Роджерса, М.А. Стейна). Российскими нумизматами опубликованы находки десятков монет Индии и Китая на территории, входившей в состав Улуса Джучи. Территория современного Китая и современной Индии гораздо слабее изучена в отношении топографии монетных находок, до настоящего времени в Индии и Китае отсутствуют фундаментальные своды находок средневековых иноземных монет. Для изучения монетного обращения могут быть привлечены сведения нумизматических каталогов местных музеев, т.к. монетные собрания формировались практически исключительно из местного материала. Все известные джучидские монеты, найденные в Китае, а также часть монет, хранящаяся в Индийском музее, чеканены в Хорезме. По всей видимости, поступление джучидских монет в Китай и Индию происходило через Хорезм. Приведенные в статье сведения о джучидских монетах из Индии и Китая являются материальным подтверждением тесных торговых контактов между Хорезмом, с одной стороны, и Индией и Восточным Туркестаном, с другой. Расцвет этих связей по данным монетных находок пришелся на первую половину XIV в. (в основном монеты периода правления ханов Узбека и Джанибека).

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Хорезм, нумизматика, монеты

Для цитирования: Пачкалов А.В. Находки монет Золотой Орды в Индии и Китае // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 547–554. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.547-554

THE FINDS OF GOLDEN HORDE COINS IN INDIA AND CHINA

A.V. Pachkalov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
zolornum@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* The study of all known Golden Horde coin finds in India and China.

Research materials: All the known coin finds of the Golden Horde in India and China in the context of published coin finds (the research of Ch.J. Rodgers, M.A. Stein, and others).

Results and novelty of the research: The author, for the first time ever, summarized the information about Golden Horde coin finds from these two countries. All Golden Horde coins from China and a portion of Golden Horde coins from India (Indian museum) were minted in Khwarazm. There is numismatic catalogue of Islamic coins from the Calcutta Museum where it is possible to find information about Golden Horde coins from the collection of the museum. Any information about finds of these coins is absent in this publication. However, it is most probable that these coins were found in India because the numismatic collections of such local museums were created practically only from local finds. The Golden Horde coins from the Calcutta Museum collection are mainly silver dirhams of the fourteenth century from Khwarazm, but there are also several coins from Lower Volga region. Probably, the Golden Horde coins went to India and China via Khwarazm. The materials published in the article gives archaeological evidence about close trade routes between Khwarazm on one end and India and Eastern Turkestan on the other end. The peak activity on these trade routes is dated to the second half of fourteenth century (mainly the coins of Uzbek and Janibek Khan of the Golden Horde). At the end of fourteenth century, the most important cities of the Golden Horde were in decline or ceased to exist as a result of Timur's campaigns against it. The main trade routes between East and West shifted towards the south and stopped passing through the territory of the Ulus of Jochi. Not a single specimen of the finds is dated to the fifteenth century.

Keywords: Golden Horde, Jochid ulus, Khwarazm, numismatics, coins

For citation: Pachkalov A.V. The Finds of Golden Horde Coins in India and China. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 547–554. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.547-554

Темой исследования являются находки монет Золотой Орды на территории современных Китая и Индии¹. Целью работы является изучение связей между Золотой Ордой, с одной стороны, и Индии и Китая, с другой стороны, на основе монетных находок. Основные задачи: изучение источниковой базы (опубликованные и неопубликованные монетные находки), рассмотрение динамики связей, сопоставление с данными письменных источников.

Золотая Орда располагалась на пересечении важнейших торговых путей, проходивших от Западной Европы до Индии и Китая. На территории, входившей в состав Золотой Орды, был выявлен ряд находок монет Индии и Китая. Находки в Восточной Европе средневековых индийских и китайских монет уже неоднократно становились предметом отдельных публикаций. Вместе с тем информация о находках джучидских монет на территории современных Индии и Китая еще не была предметом специального рассмотрения, что заставляет вновь обратиться к истории торговых связей Золотой Орды.

Российские нумизматы создали фундаментальные своды находок древних и средневековых монет на территории Восточной Европы и Центральной Азии. В силу этого обстоятельства сегодня достаточно хорошо изучены находки иноземных монет на территории Золотой Орды. Опубликованы находки

¹ Границы исторических Индии и Китая менялись с течением времени. В статье рассматриваются находки, сделанные на территории Индия и Китая в пределах современных границ. В XIII–XIV века западная часть Китая входила в состав Улуса Чагатая. На территории Индии в XIII–XIV века располагалось несколько государств. Наиболее тесными в это время были связи Золотой Орды с Делийским султанатом (1206–1526), первым мусульманским государством на территории современной Индии.

нескольких десятков монет Китая на территории, входившей в состав Улуса Джучи, однако полный свод находок еще не подготовлен. Монеты Делийского султаната представляют собой более частые находки на территории Улуса Джучи. К настоящему времени известно более двухсот находок золотых монет и несколько медных.

Территория современного Китая и современной Индии гораздо слабее изучена в отношении топографии монетных находок, до настоящего времени в Индии и Китае отсутствуют фундаментальные своды находок средневековых иноземных монет, подобные тем, которые были подготовлены и опубликованы в России. Это затрудняет изучение монетного обращения в этих странах и историю связей с другими цивилизациями.

Вместе с тем для изучения монетного обращения в Индии могут быть привлечены сведения нумизматических каталогов индийских музеев, т.к. монетные собрания формировались практически исключительно из местного материала, найденного в Индии. Этим они отличаются от нумизматических каталогов европейских собраний, которые составлялись на основе частных коллекций самого разного происхождения, в том числе из монет, привезенных за тысячи километров.

Например, в одном из монетных каталогов Ч. Роджерса, почетного члена Нумизматического общества, опубликовавшего в 1896 г. собрание Индийского музея в Калькутте, явно преобладают монеты, выпущенные на территории самой Индии, т.к. нумизматическое собрание формировалось из местных находок, сведения о которых, к сожалению, не сохранились. Неизвестно, в какой части Индии были найдены эти монеты; содержались ли они в кладах или это были отдельные находки и др. Вместе с тем в каталоге присутствуют иноземные монеты, в том числе монгольского времени. Всего в каталоге присутствует описание 12 серебряных джучидских монет [12, р. 118–120]. Информация о том, что в коллекции Индийского музея содержатся монеты Золотой Орды, еще не привлекала внимание российских исследователей.

Состав: анонимный чекан времени Туда-Менгу: Хорезм 686 г.х. – 1 (рис. 1), 687 г.х. – 1 (рис. 2); Узбек: Сарай ал-Махруса 722 г.х. – 1 (рис. 3); Сарай 732 г.х. – 1, 737 г.х. – 1 (в каталоге монета ошибочно отнесена к чекану Шама – Сирии; определяется по прорисовке); Джанибек: Сарай ал-Джедид 743 г.х. – 2; Хорезм 744 г.х. – 1 (рис. 4); Бердибек: Гюлистан 760 г.х. – 1 (рис. 5); Кульпа: Гюлистан 760 г.х. – 1 (рис. 6); Кильдибек: Сарай ал-Джедид 762 г.х. – 1 (рис. 7) (монетный двор Сарай ал-Джедид и имя хана Кильдибека остались в каталоге неопределенными; определяется по прорисовке); Мюрид: Гюлистан 763 г.х. – 1 (рис. 8) [12, №№ 8000–8011, 8194].

Все монеты являются серебряными, т.к. именно серебряные джучидские монеты имели большее распространение по сравнению с медными. Монеты относятся к 1280–1360 годам, т.е. ко времени наибольшего расцвета международных торговых связей Золотой Орды. Наибольшее число монет относится к чекану нижеволжских городов (Сарай и Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид, Гюлистан), где в первой половине XIV в. выпускалось наибольшее количество золотоордынских дангов. Вместе с тем присутствуют три монеты Хорезма. На территории соседнего Таджикистана зафиксированы монеты Золотой Орды, также относящиеся преимущественно к чекану нижеволж-

ских городов и Хорезма (известны десятки находок отдельных монет, а также несколько кладов).

Наибольшее число находок золотых индийских монет XIV века (Делийский султанат) было сделано в Поволжье и на Северном Кавказе, несколько меньшее количество находок происходит из Крыма, а также других регионов. Материальным подтверждением связей золотоордынского Хорезма с Индией является находка в Куля-Ургенче в 1980 г. клада из золотых и серебряных монет, с большим количеством индийских золотых монет XIV в. [6, с. 102, № 1796]. Находки делийских монет указывают на то, что пик торговых связей Улуса Джучи и Северной Индии пришелся на первую половину XIV века.

В каталоге Ч. Роджерса также есть еще одна неопределенная монета, которая была отнесена к золотоордынским, но исходя из приведенного описания она, вероятно, является не джучидской, а монетой хулагуидского Ирана [12, № 9726]. По крайней мере нет серьезных оснований считать ее джучидской.

Помимо джучидских монет в каталоге имеется описание иранских монет монгольского времени. Их число превышает число джучидских. Так, монет Ильханов (от Хулагу до Сулеймана) насчитывается 56 экз. Примечательно, что среди них также большую роль занимают монеты, выпущенные в Средней Азии. Монетный двор Мерва представлен 10 монетами Абаги и Аргуна, а также есть монеты центральноазиатского Герата и близкого к Мерву Джурджана [12, р. 110–118]. Вместе с тем большая часть монет Хулагуидов не имеет монетного двора, или он не сохранился. Помимо монет Хулагуидов в каталоге описаны три джелаиридские монеты [12, р. 121].

В Киргизии известны находки джучидских монет, чеканенных в основном в Хорезме. Через эту территорию монеты Хорезма проникали далее на восток. В западной части современного Китая, входившей в состав Улуса Чагатай, также известны находки монет Золотой Орды. Однако монетное обращение Синьцзяна, входившего в XIII–XIV века в состав Улуса Чагатаидов, остается изученным слабо по сравнению с монетным обращением Восточного Казахстана и Киргизии.

Впервые информация о находке джучидской монеты на территории современного Китая была приведена в трудах экспедиции сэра Марка Аурэля Стейна, венгерского путешественника, этнографа и археолога, внесшего значительный вклад в изучение Восточного Туркестана. По данным его экспедиции, охватившей район Туркестана, по которому проходил Великий Шелковый путь, в пустынном районе к северу от г. Тумшука в Синьцзяне, где отмечено большое количество средневековых археологических памятников, была найдена серебряная монета хана Джанибека, выпущенная в Хорезме в 743 г.х. [13, р. 1309]. Информация об этой находке также долгое время не привлекала внимание российских исследователей. Помимо этой находки М.А. Стейн опубликовал ряд других древних и средневековых монет, встреченных в ходе работ экспедиции, но джучидская монета долгое время оставалась единственной.

В конце XX в. целая серия джучидских монет была найдена в Синьцзяне на городище Алмалык, представляющем развалины столицы Чагатайского улуса. Городище находится в 15 километрах от села Хоргос, между Хоргосом и уйгурским селом Мазар.

В коллекции Ван Хайлиня (г. Урумчи) хранится 20 серебряных джучидских монет Хорезма (анонимные 686 г.х.; Токта 706 г.х.; Узбек 717 г.х., 719 г.х., 720 г.х., 721 г.х., 723 г.х., 730-е гг.х.; Джанибек 743 г.х.), а также золотая анонимная монета Хорезма 774 г.х. [5]. Монеты были в разные годы собраны на городище Алмалык. В настоящее время городище почти полностью разрушено и недоступно для археологических раскопок, что делает очень ценной любую информацию о находках на этом памятнике.

Неслучайно, что все известные джучидские монеты, найденные в Китае, а также часть монет, хранящаяся в Индийском музее, чеканены в Хорезме. С образованием Золотой Орды в XIII в. Хорезм вошел в состав этого государства. Значительной была роль Хорезма в золотоордынский период. Само его географическое положение оказывало воздействие на выдающуюся роль этого региона в международной торговле XIII–XIV вв., на северном участке Великого Шелкового пути. Хорезм в золотоордынский период был известен на огромной территории от Восточной Азии до Пиренейского полуострова. Хорезм обозначен на китайской карте Монгольской империи 1329–1331 г. Здесь же обозначена граница между владениями Джучидов и Чагатаидов, проведенная между городами Кэти (Кят) и Хуалацзыму (Хорезм, Ургенч) [1, с. 20].

Взаимоотношения Юаньской и Джучидской династий в целом остаются малоизученными [обзор сведений см.: 7]. Находки монет Китая на территории европейской части России подтверждают сведения письменных источников о существовании тесных связей между Улусом Джучи и Китаем. По данным «Юань ши» в 1337 г. в Пекине была создана администрация по управлению делами Улуса Джучи на территории Китая, а начиная с 1339 г. в казну султана Узбека уже поступал доход с некоторых китайских округов, но и в Китае претендовали на средства из Золотой Орды [4]. Из письменных источников известно, что дипломатические отношения между империей Юань и Золотой Ордой сохранялись и развивались до середины XIV в. [7]. Интересно, что среди находок китайских монет в Восточной Европе отсутствуют монеты, выпущенные после середины XIV в. Вместе с тем и в Синьцзяне джучидские монеты Хорезма, за исключением одной (774 г.х.), относятся к концу XIII – первой половине XIV в. Пик монетных находок приходится на чекан хана Узбека.

Исследователи согласны в том, что в последние годы XIII в. и в первые декады XIV в. коммерческая экспансия Европы, проходившая через территории Улуса Джучи и Улуса Чагатая, достигла своего пика.

Известная «Практика торговли» (*La Pratica della Mercatura*) флорентийца Франческо Бальдуччи Пеголотти, бывшего доверенным лицом торговой компании Барди, является одним из важнейших письменных источников о торговле и маршрутах в Золотой Орде, и, в частности, о торговых связях Хорезма. Удивителен тот объем информации о путешествии в Китай, который известен Пеголотти. Сочинение Пеголотти было составлено между 1310 и 1340 гг. (итенерарий от Таны и Сарая к Ургенчу Р. Лопец относит к 1315–1320 гг.) [10, р. 465]. Вряд ли Пеголотти лично посетил все те регионы, о которых он пишет. Хотя, по мнению некоторых исследователей, маршрут в Китай, описанный Пеголотти, отражает его собственный опыт [3, с. 139]. Предполагается, что Пеголотти при написании книги мог использовать обширный генуэзский материал 1310–1330-х годов. В «Торговой практике» весьма под-

робно описывается путь в Китай, занимавший более девяти месяцев пути. Ургенч занимал ключевую позицию на торговом пути из Причерноморья в Китай [11]. Путешественники попадали в Ургенч из Сарайчука, города, расположенного на берегу Урала. Из Ургенча дорога вела в Отрар и далее в Алмалык и Ханбалык. Пеголотти сообщает о безопасности дороги от Таны до Китая как днем, так и ночью. Другой, очень сходный с Пеголотти источник – Флорентийский (или Тосканский) Аноним начала XIV в. [2].

Сохранились письменные свидетельства о важности города Алмалыка, располагавшегося на Великом Шелковом пути. В 1339–1340 годы миссионер Джованни Мариньоли из Флоренции посетил двор Узбека, а дальше двигался в Алмалык. В письме брата Пасхалия, написанном в родной монастырь из Армалека (т.е. Алмалыка) 10 августа 1338 г., сообщалось, что он из Авиньона через Венецию и Тану отправился в Сарай, тогда как его провожатый с другими монахами отправился сразу из Таны в Ургант (т.е. Ургенч), «потом ... спутник вернулся из Урганта и направился назад к нам» [3, с. 134]. Другим свидетельством о важности торгового пути, проходившего в первой половине XIV в. через золотоордынский Хорезм, который подтверждает сведения Пеголотти и других авторов, является контракт, заключенный в 1343 г. между *Леонардо Ультрамарино и Оберто де Персио (Leonardo Ultramarino u Oberto de Persio)*, его компаньоном, освобожденным рабом, с целью ведения торговли в Ургенче, а также в Индии и в Китае [9, р. 140; 8, с. 226].

Сохранился источник, в котором описывается путешествие, совершенное в 1338 г. из Ургенча в Дели компанией из шести венецианских купцов (Джованни, Паоло и Андреа Лоредо, Марко Соранцо, Марио Контарини и Бальдо-вино Кверини). Трое из них принадлежали к семье Лоредо, и сами семьи были связаны родством [2, с. 49, 92, 96; 8, с. 223–224]. В 1338 г. в столице Хорезма были составлены счета этой торговой ассоциации и был заключен договор. Счета торговцев были подробно изучены Р. Лопецом. Интересно, что маршрут торговцев является иллюстрацией пути, предложенного незадолго до того справочником Пеголотти. Венецианцы двигались по пути Константинополь – Тана – Астрахань (Хаджи-Тархан) – Ургенч. Из Ургенча через Гиндукуш они добрались до города Газны, и далее до Дели, где получили в обмен на свои товары огромную сумму денег от султана.

Путешествие на Дальний Восток обещало высокие доходы, но было также и сопряжено с риском. Некоторые торговцы умирали прямо в дороге, которая порой была тяжелой. Например, Джованни Лоредо, умер в городе Газне, двигаясь в Индию из Ургенча [8, с. 223].

Вместе с тем прав был Ж. Эрс, когда писал на основании этих свидетельств, что «путешествия в Китай или в Индию становятся довольно обычной практикой и не носят характер небывалого подвига... Знаменитые караван-сарай (Великого Шелкового пути) регулярно посещались итальянскими негодьями в период с 1325–1330 гг. ... до 1360–1365 гг. (до прихода к власти в Китае династии Мин). Это был один из самых интересных моментов в истории экономической экспансии с Запада, порожденный серией индивидуальных инициатив отважных путешественников и купцов, небольших товариществ (ассоциаций), состоящих из родственников и доверенных людей. Эти связи с Востоком будут возобновлены гораздо позднее, будут

осуществляться морским путем и при значительной поддержке государства» [8, с. 229].

Небольшое количество джучидских монет известных к настоящему времени на территории Делийского султаната вряд ли отражает значительный объем торговых операций между Золотой Ордой и Северной Индией. Известно, что большие купеческие предприятия уже в XIV веке имели возможность оплаты не наличной монетой, а чеками и векселями.

Приведенные в статье сведения о джучидских монетах из Индии и Китая являются материальным подтверждением тесных торговых контактов между Хорезмом, с одной стороны, и Индией и Восточным Туркестаном, с другой. Расцвет этих связей пришелся на первую половину XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1902. 54 с.
2. *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII–XV вв. Тюмень: Рутра, 1995. 225 с.
3. Купцы и миссионеры Западной Европы в Кульдже 1330–1340 // *Каспийский транзит.* М., 1996. Т. 1. С. 133–141.
4. *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 30–42.
5. *Пачкалов А.В.* Материалы по истории денежного обращения Золотой Орды. М.: Русайнс, 2019. 361 с.
6. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 344 с.
7. *Чао Чху Чанг.* К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 188–192.
8. *Эрс Ж.* Марко Поло. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 358 с.
9. *Lopez R.S.* Da Venezia a Delhi nel Trecento // *Lopez R.S.* Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975. P. 137–159.
10. *Lopez R.S.* Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti // *Studia slavica medievalia et humanistica* Riccardo Picchio dicata. Roma, 1986. Т. II. P. 463–474.
11. *Pegolotti F.B.* La practica della Mercatura. Ed. by A.Ewans. Cambridge, Mass., 1936. 416 p.
12. *Rodgers Ch.J.* Catalogue of the Coins of the Indian Museum. Calcutta, 1896. 284 p.
13. *Stein M.A.* Serindia. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. London; Oxford, 1921. Vol. III. 1580 p.

Сведения об авторе: Александр Владимирович Пачкалов – кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (125468, Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация). E-mail: zolornum@mail.ru

Поступила 17.05.2021 Принята к публикации 31.08.2021
Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. Bartol'd V.V. *Information about the Aral Sea and Amu Darya from the earliest times to seventeenth century*. Tashkent, 1902. 54 p. (In Russian)
2. Emanov A.G. *North and South in the History of Commerce: Based on the Caffa's Materials from the thirteenth to fifteenth century*. Tyumen: Rutra, 1995. 225 p. (In Russian)
3. Traders and missionaries of Western Europe in Yinin in 1330–1340. *The Caspian Transit*. Moscow, 1996, vol. 1, pp. 133–141. (In Russian)
4. Kychanov E.I. Information from the “History of the Yuan Dynasty” (Yuan shi) about the Golden Horde. *From the Kalka to Astrakhan, 1223–1556*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 30–42 (In Russian)
5. Pachkalov A.V. *The Sources about Monetary Circulation of the Golden Horde*. Moscow: Rusayns, 2019. 361 p. (In Russian)
6. Fedorov-Davydov G.A. *The Mint of the Golden Horde*. Moscow: Paleograf, 2003. 344 p. (In Russian)
7. Chao Chu-chang. On the question of the relationship between the Yuan and Golden Horde rulers (according to Chinese sources). *From the Kalka to Astrakhan, 1223–1556*. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 188–192. (In Russian)
8. Heers J. *Marco Polo*. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 358 p. (In Russian)
9. Lopez R.S. Da Venezia a Delhi nel Trecento. Idem. *Su e giù per la storia di Genova*. Genova, 1975, pp. 137–159. (In Italian)
10. Lopez R.S. Nelle terre dell'Orda d'Oro: tre documenti genovesi inediti. *Studia slavica medievalia et humanistica Riccardo Picchio dicata*. Roma, 1986, vol. 2, pp. 463–474. (In Italian)
11. Pegolotti F.B. *La practica della mercatura*. Ewans A. (ed.). Cambridge, Mass., 1936. 416 p. (In Italian)
12. Rodgers Ch.J. *Catalogue of the Coins of the Indian Museum*. Calcutta, 1896. 284 p.
13. Stein M.A. *Serindia. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan*. London; Oxford, 1921, vol. 3. 1580 p.

About the author: Aleksandr V. Pachkalov – Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky prospect, Moscow 125468, Russian Federation). E-mail: zolornum@mail.ru

*Received May 17, 2021 Accepted for publication August 31, 2021
Published September 29, 2021*

УДК 94(477.7-17):913"13/17"

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.555-582

**АК-МЕЧЕТЬ ДНЕСТРОВСКО-ДНЕПРОВСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ XIV–XVIII ВВ.)**

О.В. Белецкая

*Осичковское заведение общего среднего образования
с. Осички, Одесская обл., Украина
osychkypodolianka@ukr.net*

Цель статьи: целью исследования является изучение одного из населенных пунктов Днестровско-Днепровского междуречья – Ак-Мечети. Также автор поставил перед собой цель собрать и проанализировать весь доступный материал, который относится к Ак-Мечети; выявить самые ранние письменные источники; локализовать и идентифицировать современное название; проследить за источниками: был ли здесь брод, мост, перевоз или что-то иное через р. Южный Буг; установить, проходил ли торговый путь через Ак-Мечеть.

Материалы исследования: в работе задействованы два нарративных источника XVI века (хорографический труд польского посла Мартина Броневского «Описание Татариин» и анонимного автора «Мечети в полях, по-татарски кешени»), а также несколько опубликованных источников XVII–XVIII вв. Кроме того, был сделан сопоставительный анализ 18 карт.

Результаты: установлено, что само название Ак-Мечеть относительно новое (фиксируется в источниках с последней четверти XVIII в.). В более ранних источниках (XVI века) этот населенный пункт назывался по-разному: *Cercicesseniam*, *Getricessenia*, *Chryczkieszemi H.* Кроме кешень, что явствует из самого названия, здесь также были гробница купца и мечеть. Поселение занимало важное стратегическое место: на пересечении торговых путей (с севера на юг, вдоль течения Южного Буга, а также с запада на восток). Здесь через р. Южный Буг имелось несколько бродов (Осенний, Сенокосный, Овечий), самый известный – Чертаиский. Скорее всего, тут не было ни замка, ни крепости. На основании имеющихся фактов из письменных источников, а также данных археологического обследования 1930 г., сделано предположение о существовании золотоордынского городища на территории современного села Цветково Доманевского района Николаевской области. Трансформация названия, возможно, была следующей: Черталкешени – бывшая Мечеть – Ак-Мечеть – Цветково – хутор Незаможников – Жовтневое – Цветково. Село же Акмечетка, появившееся на географической карте в начале XIX в., скорее всего, было выселком Ак-Мечети (ныне с. Прибужье Доманевского района Николаевской области) и к золотоордынским древностям не имеет никакого отношения.

Научная новизна: новизна работы состоит в том, что сопоставительный анализ письменных и картографических источников позволил автору найти здесь новый населенный пункт (неизвестный ранее ученым), в названии которого отразились географические реалии (р. Чертала) и наличие культовых сооружений – кешень. В связи с разным написанием этого населенного пункта в источниках как *Cercicesseniam*, *Getricessenia*, *Chryczkieszemi H.*, было принято решение назвать его Черталкешени.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Золотая Орда, историческая география, Южный Буг, татарский путь, кешени, мечеть, Ак-Мечеть, Черталкешени, Цветково

Для цитирования: Белецкая О.В. Ак-Мечеть Днестровско-Днепровского междуречья (к изучению исторической географии Северного Причерноморья XIV–XVIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 555–582. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.555-582

Благодарности: Автор благодарит Романа Хаутала (Оулу), Василия Селявина (Николаевская обл.), Владислава Гулевича (г. Киев), Александра Галенко (г. Киев), Романа Захарченко (г. Киев), Станислава Белецкого (Одесса) за предоставленную помощь.

AQ MEČIT IN THE DNIESTER-DNIEPER INTERFLUVE (TO THE STUDY OF THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION OF THE 14TH–18TH CENTURIES)

Ol'ga V. Beletskaya

*School of Osichki village
Osichki village, Odessa region, Ukraine
osychkypodolianska@ukr.net*

Abstract: Research objectives: This research deals with the study of one of the Northern Black Sea region's settlements – *Aq Mečit* (meaning “white mosque”). In addition, the author aims to collect and analyze all available materials related to *Aq Mečit*; to identify the earliest written sources; to localize and identify the name; to trace the source information about whether there was a ford, a bridge, a ferry or something else across the Southern Bug; to establish the trade route passing through *Aq Mečit*.

Research materials: The source base is very scarce because we have no written documents of the fourteenth and fifteenth centuries mentioning *Aq Mečit*. The author uses only two documents of the sixteenth century, namely the chorographic work “Description of Tartaria” by Martinus Bronovius and the “Mosques in the Fields in Tatar *kesheny*” by the anonymous author. There are some written sources from the last quarter of the eighteenth century. Also, the author does a comparative analysis of eighteen cartographic sources, the earliest one being Guillaume le Vasseur de Beauplan's map of 1648.

Research results: It is established that the name *Aq Mečit* is relatively new (it was recorded in sources from the last quarter of eighteenth century). In earlier sources (sixteenth century), this settlement was called differently: *Cercicesseniam*, *Getricessenia*, *Chryczkieszemi H.* Besides the *keshen*, there were also a tomb of a merchant and a mosque. Now it is the territory of Tsvitkovo village in the Domanivsk district of the Mykolaiv region. The settlement occupied an important strategic place. It was on the crossroads of several routes: the road from north to south, along of the Southern Bug, and the road from west to east. There were many fords (*brod* in Russian) across the Southern Bug and the most famous of which was Chertaysky ford. Most likely, there was neither a castle nor a fortress. It is possible that there was a settlement of the Golden Horde, but this assumption must be confirmed by archaeological survey. The name transformation may have been as follows: *Chertalkesheni* – the former *Mečit (Mosque)* – *Aq Mečit* – *Tsvitkovo farm* – *Nezamozhnykiv farm* – *Zhovtneve* – *Tsvitkovo*. The village of Akmechetka that appeared on the geographical map in the nineteenth century was most likely the tiny settlement (*vysielok*

in Russian) near *Aq Meçit* (now Prybuzhie village, Domanivsk district, Mykolaiv region) and it has nothing to do with the Golden Horde period.

Novelty of the research: The novelty of this research is that the author found a new settlement (previously unknown to scholars), the name of which reflected the geographical realities (the Chertala river) and the existence of religious buildings – *keshen*. The author decided to term it *Chertalkesheni* as there are many different spellings of this settlement in sources like *Cercicesseniam*, *Getricessenia*, *Chryczkieszemi*.

Keywords: Northern Black Sea Region, Golden Horde, historical geography, Southern Bug, *kesheny*, mosque, Golden Horde antiquities

For citation: Beletskaia O.V. *Aq Meçit in the Dniester-Dnieper Interfluvium (To the Study of the Historical Geography of the Northern Black Sea Region of the 14th–18th centuries)*. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 555–582. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.555-582

Acknowledgments: The author thanks Roman Hautala (Oulu), Vasily Selyavin (Mykolaiv region), Vladislav Gulevich (Kyiv), Alexander Galenko (Kyiv), Roman Zakharchenko (Kyiv), and Stanislav Beletsky (Odessa) for their help.

Данное исследование, как видно из названия, посвящено изучению Ак-Мечети – одному из семи золотоордынских городищ Северного Причерноморья (в Днестровско-Днепровском междуречье), о которых упоминает в своем классическом труде В. Егоров¹. Важно отметить, что с тех пор, как вышла эта работа (1985 г.), исследователями выделено уже гораздо больше населенных пунктов в междуречье Днестра и Днепра, имеющих отношение к золотоордынскому наследию [24]. Поэтому мы поставили перед собой следующие задачи: собрать и проанализировать весь доступный нам материал, который относится к Ак-Мечети; выявить самые ранние письменные источники; локализовать и идентифицировать современное название; проследить за источниками: был ли здесь брод, мост, перевоз или что-то иное через р. Южный Буг; установить, проходил ли торговый путь через Ак-Мечеть. Для проведения исследования нами будут задействованы *письменные, археологические и нумизматические источники*.

Письменные источники можно поделить на акты, нарративные, картографические. Из *актовых источников* будут задействованы ханские ярлыки [2], поскольку некоторые ученые (в частности, Ф.Е. Петрунь) склонны были видеть в Ябу-городке будущую Ак-Мечеть [32, с. 166]. Отметим, что ни Ак-Мечеть, ни Черталкешени, о которых будет идти речь позже, в ханских ярлыках (в отличие от Балыкля и Маяка [4; 7]) не упоминаются.

Также будут изучены и *нарративные источники*: воспоминания послов, старост, хорографические работы. Описание дороги польского посла Мартина Броневского в 1578 г. к крымскому хану [1; 11] стало объектом пристального изучения Н. Жарких, который пришел к выводу о нахождении так называемых «Церциссений» (о которых будет идти речь ниже) возле «белой мечети» [23].

¹ Историк указывает: «Городище Ак-Мечеть. Находится на правом берегу Ю. Буга, у с. Ак-Мечеть. В прошлом веке на этом месте были отмечены развалины золотоордынского города. Название его неизвестно; археологические исследования не проводились. На карте Риччи Занони в этом месте изображена мечеть» [21, с. 83].

Труд Станислава Сарницкого «Описания Старой и Новой Польши» [3] хоть и не упоминает интересующий нас объект, но является важным для изучения исторической географии изучаемого региона, поскольку содержит целый ряд названий (р. Пробито (*Probita flu.* [3, p. 1916], Песчаный Брод (*Piszambot flu.* [3, p. 1916]) и др.

Исследуемая область описана и в «Погоне...», которая была изучена Д. Вирским². В хронике в стихотворной форме рассказывается о походе князя Самуила Корецкого в среднее Побужье в августе-октябре 1644 г. Анонимный автор указал Кайнары, Кременчук, Песчаный Брод, Романов Дол, Черталу и др. географические объекты. Возьмем на заметку: Ак-Мечеть и в этом труде не упоминается. Хотя, описывая поход, автор вспоминает Черталу («*Czartanneu*») с Романовым долом («*Romanowum dole*»). Попутно автор «Погони» указывает на реки, от которых нет и следа: «высохли и речки дерзкие» [14, с. 217].

Обратимся мы и к другой анонимной работе – «Мечети в полях, по-татарски кешени». Она была составлена, скорее всего, в середине XVI в. и опубликована И. Сапожниковым [37]. Автор «Мечети...» делает важные ремарки: он указывает на реку под названием «Сухая Чертала» (*Suszcz Czartelny*), а также расположенную на ней мечеть: «*Meczety w polach, po tatarsku kizszenie.... Na Suszcz Czartelny jak w Buch wradla mil szesc...*» [37, с. 111, 118]. В документе делается важное замечание: мечети в полях называются по-татарски «кешени»³. Это, пожалуй, самое раннее упоминание мечети в изучаемом регионе. Возможно также, что именно в честь этой мечети населенный пункт был переименован и позже стал называться «Белой Мечетью» – Ак-Мечеть.

Барский староста Барнард Претвич (1540–1552) в своих воспоминаниях (опубликованных и прокомментированных О. Мальченко) упоминает Саврань, Синюю Воду, Кайнары, Балаклею, Скелю, Чапчаклею и другие географические объекты [45]. Однако он умалчивает об Ак-Мечети.

В «Разграничении владений Речи Посполитой и Османской империи» (документ опубликован Н. Крикуном), проведенном польскими комиссарами в 1633 г., мы видим названия Черный Ташлык, Пробитое, Кременчук, Овечий Брод, Романовую Долину, городище Витовта и многие другие важные географические объекты; однако ни Ак-Мечеть, ни Черталкешени (в любой их графической передаче) не указываются [26].

Не упоминается Ак-Мечеть и в работе известного французского инженера Г.Л. де Боплана (середины XVII в.). Вместе с тем, у него есть другие важные топонимические наблюдения (в том числе Усть-Саврань или Новый Коцеполю, остров Семенов Рог, Виноградная Криница, Андреев Остров, Песчаный Брод, остров Кременчук и др.) [10, с. 44]. Следует также указать, что на карте (1648 г.) Г.Л. де Боплан обозначил в среднем течении Южного Буга поселение «*Chryczkieszemi H[orodysze]*» (рис. 1, [47]), к анализу названия которого мы будем обращаться еще несколько раз.

² Полное название сочинения: *Pogonia Ochotney Wyprawy do Obozu y w Dzikie Pola Iáśnie Oświeconego Książecia Samuela Karola na Korcu Koreckiego etc., etc.* – [B.m.dr.], 1645. – 31 s. Разбор работы см.: [14, с. 201–222].

³ Первым на этот факт (что здесь кешени называются мечетями) обратил внимание И. Сапожников. Он же счел нужным напомнить точку зрения Ф. Петруня, считавшего, что под кешенями следует понимать татарские усыпальницы, т.е. мавзолеи [37, с. 114].

Рис. 1. Фрагмент карты Г.Л. де Боплана, 1648 г. [47]
Fig. 1. Fragment of a map by G.L. de Beauplan, 1648 [47]

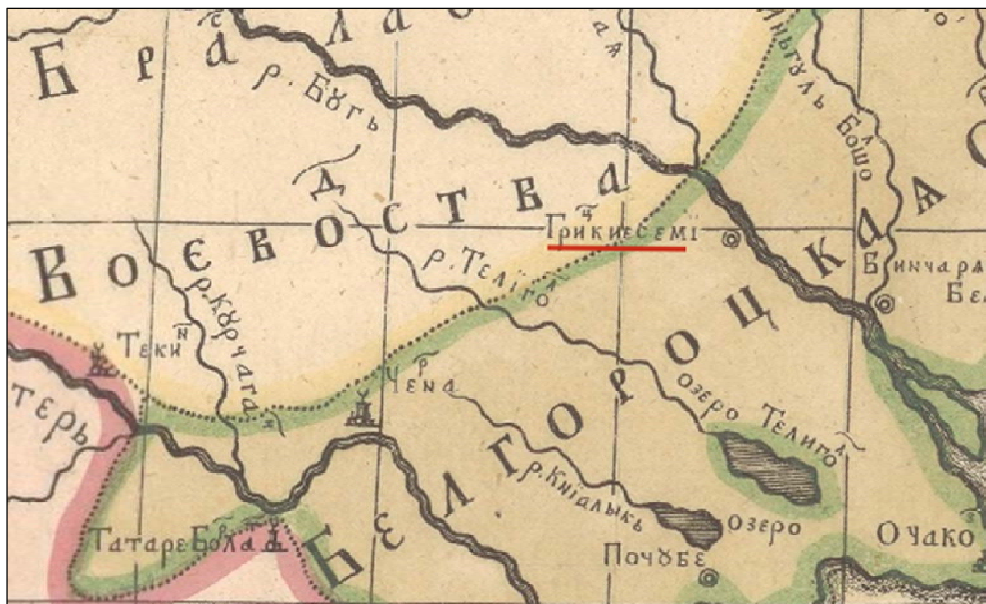

Рис. 2. Фрагмент карты Брюса-Менгдена, 1699 г. [52]
Fig. 2. Fragment of a map by Bruce-Mengden, 1699 [52]

Нет Ак-Мечети и в мемуарах Христофора-Германа Манштейна [29], непосредственного участника русско-турецкой войны 1735–1739 годов, а в 1739 г. – адъютанта фельдмаршала Миниха. Хотя упоминается р. Сухая Чертала [29, с. 111]. Не указывается она (Ак-Мечеть) и в «Топографическом описании доставшихся по мирному трактату от Османской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года» [44]. Отсутствие упоминания названия Ак-Мечеть в перечисленных источниках наталкивает на мысль, что поселения с таким названием не было. Сделаем предположение, что название «Ак-Мечеть» возникло где-то в это время (в последней четверти XVIII века), поскольку в документе 1779 г. (опубликован Н. Дубровиным) есть описание изучаемого региона. В источнике указано следующее: «В 4-х часах от Bagzeli при реке Ак-су (современная р. Южный Буг. – *О.Б.*) есть деревня **Acmezit** (здесь и далее жирные выделения и курсив мои. – *О.Б.*), где поныне видны знаки Ак-Мечета...» [20, с. 279 (позиция 20)]. Это самые ранние упоминания Ак-Мечети, которые нам удалось отыскать на данный момент. Зафиксирована «Ак-Мечеть» и в работе нидерландского инженера Ф. де Воллана (1752–1818), пребывавшего на службе под командованием Г. Потемкина и А. Суворова [13]. К тому же Ф. де Воллан составил карту и атлас [62]⁴.

Приступая к анализу картографических источников, сразу отметим на справедливое замечание в исследовательской литературе, что «историки пишут свои работы, как правило, без учета и анализа природно-географических факторов того или иного региона» [35, с. 54]. Кроме того, можно согласиться с утверждением И. Сапожникова, что для большинства историков «картографические материалы являются лишь плоскими листами бумаги, а не историко-географическими источниками, на которых присутствуют и рельеф местности, и глубины водоемов, и иная важная информация» [35, с. 54].

В *картографических источниках* до середины XVII в. также *отсутствуют* указания на Ак-Мечеть. Самая ранняя известная нам карта, на которой обозначен объект вблизи будущей Ак-Мечети – это карта французского инженера Гийома Левассера де Боплана 1648 г. На ней в исследуемом регионе можно увидеть не Ак-Мечеть, а «Chryczkieszemi H[orodysze]» вместе с полумесяцем, обозначающим, очевидно, мусульманское поселение [47]. Затем около столетия западноевропейские картографы, знавшие о причерноморских землях в основном только по карте Г. де Боплана, были в плену названий, указанных на его карте. Они перекочевывали из карты в карту, мало чем отличаясь в написании: на карте 1663 г. – Chryckieszemi [48]; 1665 г. – Chryczkieszemi [49]; 1674 г. – Chryczkieszemi Ruinée [50]; 1681 г. – Chryczkieszemj [51]; 1699 г. – Грицкиесемі (рис. 2, [52]); 1720 г. – Chryczkieszeme (рис. 3, [53]); 1740 г. – Chryczkieszemi [56]; 1740–1745 г. – Chryczkieszemi [57]; 1767 г. – Cryczkieszemy [59].

Ситуация кардинально изменилась с появлением на карте Р. Томилова (1775 г.) указания «бывшая мечеть» (рис. 6, [60]) и «Ахмечеть» в работе де Воллана (1791 г.) [62]⁵. Заметим, что эти карты указывают на существование населенного пункта на территории современного с. Цветково Доманевского района Николаевской области, а не с. Прибужье. Совсем иную картину дает

⁴ Об атласе упоминает В. Ястребов [76, с. 127–128, позиция 133].

⁵ Тщательный разбор картографического наследия, касающегося Северного Причерноморья, представлен в работе И. Сапожникова [34].

картографическое наследие XIX в. На этих картах Ак-Мечеть (в разном написании) постоянно присутствует, в том числе как «Деревня Ахмечеть» на карте 1804 г. (рис. 8, [63]), «Акмечетка» на карте 1857 г. [65], «Ахмечеть» на карте Шуберта-Гучкова 1868–1869 гг. [66], но обозначает она территорию современного с. Прибужье Доманевского района.

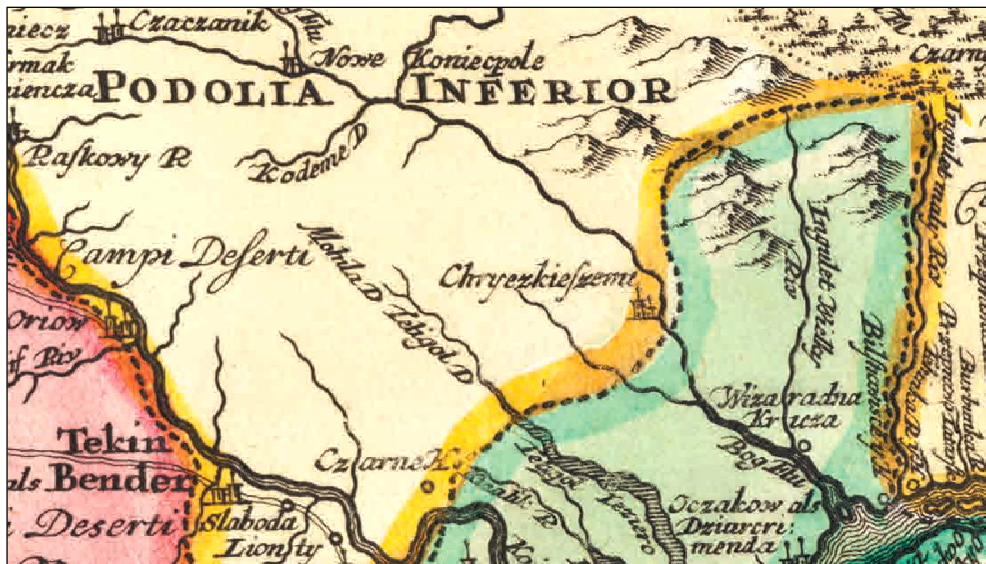

Рис. 3. Фрагмент карты из атласа Иоанна Гоманна, 1720 г. [53]

Fig. 3. Fragment of a map from the atlas of Johann Hohmann, 1720 [53]

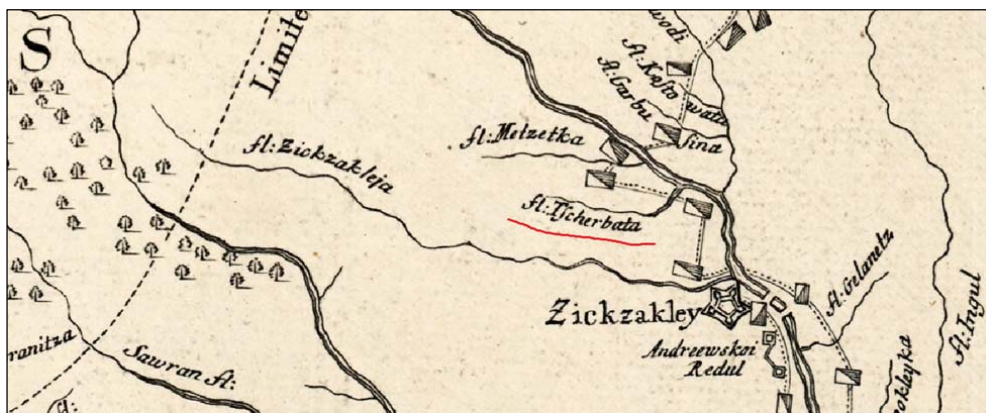

Рис. 4. Фрагмент карты, 1738 г. (автор благодарит В. Селявина за предоставленную карту) [54]

Fig. 4. Fragment of a map, 1738 (the author thanks V. Selyavin for this map) [54]

Рис. 7. Фрагмент карты Российской империи, 1787 г.
(автор благодарит В. Селявина за предоставленную карту) [61]

Fig. 7. Fragment of a map of the Russian Empire, 1787
(the author thanks V. Selyavin for this map) [61]

Рис. 8. Фрагмент карты «Промеров реки Буга от Ольвиополя до Николаева», 1804 г.
(автор благодарит В. Селявина за предоставленную карту) [63]

Fig. 8. Fragment of the map “Measurements of the Bug River from Olviopol to Nikolaev”,
1804 (the author thanks V. Selyavin for this map) [63]

Археологические источники. Местность, на которой была расположена мечеть, привлекла интерес археологов еще в XIX в. И. Фабрициус привела интересный фрагмент рукописи В. Гошкевича, в которой значилось: «В 80-х годах прошлого столетия производились раскопки на месте мечети; найдены фундаменты здания и часть пола» [46, с. 84, § 94 Прибужье]⁶. Однако, из этого отрывка трудно сказать, кто именно вел раскопки.

Затем, в 30-х годах XX в. для исследования берегов Южного Буга (перед затоплением в связи с планированием построить Бугскую гидроэлектростанцию на Южном Буге) была создана экспедиция, в которой участвовали Г. Крысин (руководитель раскопок), Ф. Козубовский, Т. Теохариди и В. Дубровский⁷. Со 2 по 13 июля 1930 г. археологи осмотрели с. Ахмечетку, а затем хутор Незаможнык. На территории указанного хутора были обнаружены остатки (фундамент) мечети. Их выводы весьма осторожны и слишком предположительны⁸. Поэтому можно считать, что археологические источники как следует не изучены.

Относительно **нумизматических** данных можно сказать следующее. Несмотря на предания о существовании кладов в изучаемом районе («по убеждению жителей с. Ахмечетки, почва вокруг переполнена кладами...» [15, с. 47]), о находках монет известно мало (как, например, с территории бывшего Балыкля [4]).

Изучение Ак-Мечети началось относительно недавно. Владимир Николаевич Ястребов в работе «Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии» (1894 г.), описывая «местечко Ахмечеть» Ананьевского уезда Херсонской губернии на Буге, первый указал, что здесь «по атласу де-Волана (прошлого столетия) – древние развалины Акмечета» [76, с. 127–128, позиция 133]. Заинтересовался Ак-Мечетью и первый директор Археологического Музея в Херсоне Виктор Иванович Гошкевич (1860–1928), мно-

⁶ В связи с тем, что эти записи важны и нам, приведем цитату полностью. «В 3 км от местечка, по дороге в деревню Голенькую, на **балке Мечетной** (все выделения жирным курсивом мои. – О.Б.) находятся фундаменты старой **турецкой мечети**. Судя по встречающимся в почве остаткам строений, на балке Мечетной было когда-то довольно обширное поселение. Старожилы передавали, что деды их помнили, что из стен этой мечети построена церковь в Ново-Григорьевке. В 80-х годах прошлого столетия производились раскопки на месте мечети; найдены фундаменты здания и часть пола. По очертаниям фундамента видно, что здание имело форму шестиугольника, каждая сторона которого равна 6, 4 м. Пол сложен из шлифованного известняка. Вход был с юго-западной стороны. Попадались плиты с высеченными на них орнаментами. По-видимому, этими плитами были обложены колонны и арки» (Рукопись Гошкевича, сс. 71а-72)». Цит. по: [46, с. 84, § 94 Прибужье].

⁷ В состав экспедиции вошли Ф. Козубовский, М. Болтенко, Ф. Мовчановский, П. Халампович, Г. Крысин, Е. Лагодовская, В. Дубровский, Ф. Петрунь, Е. Оксман, Т. Теохариди, В. Гончаров, П. Куткин и др. Об экспедиции см.: [72; 42, с. 5–36; 43; 27].

⁸ «Среди находок на исследованной площади можно отметить железные татарские стрелы, фрагменты грубой толстостенной посуды из красной глины, обломки посуды с глазурью, обломки амфор, кусочки тинку [???. – О.Б.], мелкие обломки мрамора, обломки обожженного кирпича и обработанного известняка, ракушки, кости животных. Преждевременно было бы делать окончательные, исчерпывающие выводы о строительстве на основании самых предыдущих раскопок и опытов. Надо лишь предположить, что здесь мы имеем перед собой руины той же мечети, о которой довольно часто упоминается в исторических источниках, – сооружение татарской эпохи» [72].

го сделавший для археологического изучения всего юга Украины [15; 16; 17]. В его рукописи, к стати до сих пор неопубликованной, есть упоминание и о прошлом этого населенного пункта [46, с. 84; см. также примечание 6 этой статьи]. Важную работу проделал исследователь запорожского казачества Дмитрий Иванович Яворницкий. Несмотря на то, что Ак-Мечеть не была его главным объектом изучения, вместе с тем он детально проанализировал географические и исторические особенности региона. Поэтому к его наработкам мы будем постоянно обращаться [73; 74; 75].

Огромное количество впервые найденной информации в письменных источниках о татарских, в том числе и ак-мечетских, древностях собрал Федор Евстафьевич Петрунь (1894–1963). В работе «Степное Побужье...» исследователь, изучая местность Ак-Мечети, указывает на Чертагыйский брод («видимо, самый близкий к устью первой Чорталы или Бакшалы» [31, с. 10]), попутно замечая, что этот брод «был доступным как будто “в самое время малой воды”» [31, с. 10–11]. Знает он и имя средней из Чертал – Мечетную, которая была соединена с остатками татарских древностей в побужских степях [31, с. 11]. Ценную информацию (о ней будет идти речь ниже) в энциклопедической форме предоставила современница Ф.Е. Петруня Ирина Васильевна Фабрициус (1882–1966) в «Археологической карте Причерноморья Украинской ССР» [46].

Ак-Мечеть также упоминается и в работах Вадима Леонидовича Егорова, Феликса Михайловича Шабурьдо, Михаила Васильева Ельникова, Игоря Викторовича Сапожникова, Бориса Владимировича Черкаса, Владислава Петровича Гулевича, Николая Ивановича Жарких [21, с. 83; 69, с. 71; 22, с. 124; 34, с. 89–90; 70, с. 322; 18, с. 70; 23], а также в нашей монографии [8, с. 75, 246].

На сегодня самое раннее упоминание Ак-Мечети в письменных документах, известное нам, находится в документе ... 1779 г., где записано: «В 4-х часах от Bagzeli при реке Ак-су (современная р. Южный Буг. – *О.Б.*) есть деревня Асmezit, где поныне видны знаки Ак-Мечета...» [20, с. 279]. Кроме того, указание на мечеть, а также изображение моста через Южный Буг, есть на недатированной османской карте, которую опубликовал А. Середа [55]. На карте можно увидеть три объекта, подписанные как «хараб джами», что можно перевести как «разрушенная мечеть» (перевод А. Галенко). Добавим, на карте 1775 г. Р. Томилова на изучаемой местности также есть надпись: «бывшая мечеть» [60]. И Ф. де Воллан в своем труде указывает: «...*на правом краю горловины* раньше находилось татарское селение или, точнее, *город Акмечеть*. Эта *равнина* известна по первому переходу русской армии через Буг в 1788, когда она двинулась на осаду Очакова» [13, с. 156]. Таким образом, первые письменные упоминания о Ак-Мечети, относятся к последней четверти XVIII века. К этому сюжету мы вернемся, а пока попытаемся ответить на другой вопрос – на каком основании Ак-Мечеть зачислена к золотоордынским городищам?

В ханских ярлыках Ак-Мечеть не упоминается [2, с. 529–533 *et passim*]. Исследователь татарских древностей Северного Причерноморья Ф. Петрунь предполагал, что предшественником будущей Ак-Мечети мог быть указан-

ный в ярлыках Ябу-город [32, с. 166]⁹. Одним из аргументов этого утверждения был факт его упоминания вместе с Балыклеем [32, с. 166]. Однако, как нам кажется, это важный фактор, но небезупречный, поскольку вполне возможно, что Ябу-городок мог быть расположен и в другом месте¹⁰. Как уже отмечалось, самое раннее и, пожалуй, единственное, упоминание о населенном пункте, в котором мы склонны видеть поселение, расположенное возле будущей Ак-Мечети, есть в работе польского дипломата Мартина Броневского. В своем «Описании Татарии» (1578) он записал следующее:

«...quem cum in *confines Podoliae* veniunt Tartari transeunt. In Bogo fluvio apparet *Cercicesseniam Turcae; Getricessenia vulgo dicitur*: illa cujusdam Tartari vel Turcae locupletioris mercatoris sepultura fuisse perhibetur; ac ex lapide caeso & polito, ac sumptuoso opera in Mahometicum cultum facta erectaque, nunc etiam a viatoribus conspicitur. *Certelnam majorem*, rivum Carpacaleium ad arcem collapsam seu ruinosam. Ac ibi *Capacaleius fluvius* Bogum influit, plurimosque lacus habet...» [1, с.245]

«Татары, вторгаясь в границы Польши (в оригинале **Подолии**. – *О.Б.*), переправляются чрез нее. На реке Буге видна турецкая Церциссения. Уверяют, что это гробница какого-то богатого купца турецкого или татарского; она построена из гладкого тесаного камня и очень богато украшена, по магометанскому обычаю; путешественники и теперь еще могут ее видеть. Далее большая Цертельна, речка Капкакля, при развалинах крепости. Там речка Капкакля вливается в Буг и образует много озер...» (*Перевод И. Шершеневича*) [11, с. 334]

Несложно заметить, что «*Cercicessenia*» Мартин Броневский указывает как турецкие («*Turcae*»). Кроме того, этот пассаж из работы польского посла, как верно подметил Р. Захарченко, важен тем, что это одно из самых подробных описаний кешени [24]. Где же находились упомянутые Мартином Броневским *Cercicessenia*? С тем, чтобы локализовать и идентифицировать этот пункт, обратимся за помощью к географическим привязкам, которые сделал сам дипломат. В своем труде, описывая регион, он указал на реки «*Certelnam minorem*» (Малую Черталу), которая изобилует щукой, а также «*Certelnam majorem*» (Большую Черталу) [1, р. 245; 11, с. 334].

Однако Чертал в изучаемом регионе было несколько. Еще Ф. Петрунь подметил, что «номенклатура Чертал путаная» [31, с. 10 (примечание 3)]. Для их идентификации иногда упоминались уточнения, однако все Черталы впадали в Южный Буг. Самая северная Чертала, упоминаемая в источниках, это, скорее всего, современная р. Бакшала, устье которой находится почти возле о. Кременчук. Ее Мартин Броневский, наверное, называет «*Certelnam minorem*» [1, р. 245], т.е. как Малую Черталу. Сейчас на ней расположено с. Щуцкое. Название Бакшалы, скорее всего, тюркского происхождения. Гидроним возник, как указывает В. Лучик, вследствие онимизации относительно прилагательного на *-ла /-лы*, образованного от апелятива бахча / бакча «ого-

⁹ На Ябу-городок впервые, насколько нам известно, обратил внимание Ф. Брун [12, с. 178–179 и др.].

¹⁰ Например, Ф. Шабурдо утверждал, что в настоящее время Ябу-городок ханских ярлыков отождествляется с замком XIV–XV вв. Синие Воды и современным пгт. Торговица Кировоградской области [68, с. 70], а И. Сапожников выдвинул версию «замок Качубей=замок Ябу (Ябу-городок)» [35, с. 61–67].

род, плантация под бахчевыми культурами» [28, с. 31]¹¹. Интересно, что на карте И. Ислентьева (1766 г.) уже присутствует «Бакчалы» [58], а вот на карте и в работе Ф. де Воллана такое название отсутствует [13, с. 95; 62]. Следующая Чертала – самая «сухая» (т.е. мелководная) и в источнике середины XVI в. записана как «Сухая Чертала» («Suszcz Czartelny»). Именно на этой реке анонимный автор указал наличие мечети, а значит, вполне возможно, что речь идет о той мечети, которая послужила для названия Ак-Мечеть: «На [речке] Сухой Чартальной, где впадает в Буг, мечеть [вместо миль шести]» [37, с. 111]. На карте Г. де Боплана также указана долина Сухой Чарталы («Czartalna Sucha D.») [47]. В работе Ф. де Воллана имеется запись: «Речка, или скорее ручей Сухой (sic!) Чертала в основном безводна. Ее русло, между тем, пролегает достаточно глубоко, но воды там нет...» [13, с. 95]. Сейчас реки с таким названием нет. Вполне возможно, оно (это название) было вытеснено другим. Имеется ввиду балка Мечецкая Чертла (т.е. Чертала, на которой расположена мечеть). Название это («б. Мечетная Чертала») указано на карте Р. Томилова 1775 г. [60]. Здесь уместно обратить внимание читателя на слово «балка», которому еще Д. Яворницкий дал исчерпывающее объяснение. Оно имеет синонимы яр, глубокая долина с пологими берегами [73, с. 59], т.е. балка могла образоваться и на территории бывшего водоема, пересохшего со временем. Да и де Воллан ее указал: «В лощине Мечецкая Чертала встречаются источники с очень хорошей водой, которые прежде снабжали разрушенный теперь *город Акмечер*, который находился в горловине этой долины» [13, с. 95]. Третья река – Щербатая (*fl. T/cherbata*), а также р. Мечетка (*sic!* а не Чертала: *fl. Metzетка*) – зафиксирована на карте 1738 г. (рис. 4, [54]). Четвертая Чертала сохранила свое название. Она так и называется – река Чертала [38, с. 614]. В работе де Воллана она указана как Большая Чертала [13, с. 95]. Описывая ее, нидерландский инженер счел нужным зафиксировать, что воды всегда здесь много, а также имеется «довольно много маленьких озер. Она несет свои воды от водораздела по трем основным рукавам, которые, однако, пересыхают летом» [13, с. 95]. Пятая река, которую Мартин Броневский именует Большой Черталой (*Certelnam majorem* [1, р. 245]), сейчас, скорее всего, называется Чапчаклей. В ее устье была расположена одноименная крепость, ранее называемая Балыклей [4]. Ф. де Воллан, описывая ее как р. Чичаклея, указал на обилие раков [13, с. 95]. Итак, скорее всего, исследуемый населенный пункт был расположен на р. Сухая Чертала, которая со временем была переименована в балку Мечецкая Чертала. На карте Г. де Боплана 1648 г. он, скорее всего, указан как «Chryczkieszemi H[orodysze]», который можно прочесть как «Хрычкешеми Городище» (рис. 1, [47]). Затем это название, как мы уже писали, около ста лет переходило из карты в карту.

Возможно, поможет нам в более точной локализации этого населенного пункта понимание значения названия. Что же могло означать «*Cercicessenia*» (Мартина Броневского) или «*Chryczkieszemi*» (Г. де Боплана)? Сделаем пред-

¹¹ Е. Шипова пишет: «бахча, бакча, ж. ... поле, расположенное в степи, засеянное арбузами, дынями; баштан» [71, с. 83]. Л. Масенко также указывает, что этот гидроним (Бакшала) следует считать производным того тюркского языка, носители которого пребывали на исследуемой территории, притом с тюркским словообразующим оформлением [30, с. 9].

положение, что в названии населенного пункта соединилось два слова, а именно название реки «Чертала» и «кешени», и название звучало как Черталкешени (допускаем, что Мартин Броневский мог запомнить, как название, состоящее из двух слов «Cercsi» и «cesseniam», поэтому и записал как «Cercicesseniam»). Кстати, в передаче Г. де Боплана «*Chryczkieszemi*» также можно увидеть две составляющие «*Chrycz*» и «*kieszemi*». Поскольку речь зашла о названии поселения, отметим, что ученые также по-разному записывали его: Церцицесеннии (И. Шершеневич, Н. Мурзакевич [11, с. 334]), «татарский город *Chryczkieszemi*» (Ф. Петрунь [31, с. 11]), Церцисеннии (Н. Жарких [23]), «Турецкая Керкикешения (Черкикешения), которую обычно называют Гетрикешения» (Р. Захарченко [24]). Поэтому далее, с целью унификации исследуемый пункт будем называть только Черталкешени, что могло означать Чертальские кешени или Кешени, расположенные на реке Чертала. Во второй части названия (на разборе первой остановимся чуть позже) указаны, скорее всего, «кешени», как культовые мусульманские сооружения, которыми изобиловало некогда Северное Причерноморье [36]. Предполагается, что слово «кешени» продолжило свою жизнь в названиях Кишинева и Митиревых Кишин [32, с. 160; 33, с. 379–407; 19, с. 118; 24]. Кешени, как указывает Р. Захарченко – принятое название гробниц и склепов-мавзолеев (мест захоронений представителей нобилитета номадов – последователей ислама) в Южной Украине и смежных районах России и Молдовы. Как верно подметил историк, именно они в более поздние времена часто выполняли роль топонимических ориентиров на малозаселенных территориях [24]. Сейчас немного отойдем от разбора кешень, с тем чтобы разобрать происхождение названия Чертала, а затем возвратимся к локализации исследуемых кешень.

Так какая же этимология гидронима «Чертала»? На данный момент существует несколько версий. Согласно первой, название р. Чертала, как и р. Чертомлык, тюркского происхождения, а именно от слова «щука» [74, с. 429]. Приверженцы этой версии указывают на татарское слово «*чуртан*», что означает «щука»¹². Есть также река Чертала в России (левая притока р. Васюган), название которой выводят от тюркского слова «*чортанлыг*», т.е. щучья [25]. Примечательно, что М. Броневский также упоминал щуку, которая водится в большом количестве в данной местности:

«...Certelnam minorem, amnem *luciorum*, (nam *luciorum* ferax est) appellat *Piescanibrod*» [1, p. 245]

«...далее Малая Цертельна, *река щук* (потому что изобилует этой рыбой, ее называют *Песчаным Бродом*)» (Перевод И. Шершеневича [11, с. 334]).

Если названия Чертала и Чертомлык (в честь которой была названа одна из Запорожских Сечей – Чертомлыкская) однокоренные – кстати, в примечании к труду Д. Яворницкого указывается, что название р. Чертомлык является, вероятнее всего, славянизированной формой тюркского гидронима *Çortanluk* (Щучье место, Щучья река) или *Çatallanmak* (разветвление рек) [74, с. 429] – то тогда Чертала действительно «Щучья» река. Известно (из сообщения местного краеведа Василия Селявина), что на р. Бакшала даже расположено село, названное в честь этой рыбы – Щуцкое. Справедливости ради следует отметить, что сам Д. Яворницкий, упоминая Чартайский брод, объяс-

¹² Об этой версии более детально, в частности, в словаре В. Лучика [28, с. 515].

нял происхождение его названия от персидского слова «Чахартан» или «Чартан», что означает четыре столба [73, с. 259]. Однако, как нам кажется, более убедительной является версия происхождения названия «Чартала» от слова «щука». То, что этот регион изобиловал и изобилует рыбой, известный факт. Мартин Броневский указал:

«Praesertim vero Bratislaviensibus annis singulis in ea mensibus aliquot piscantibus praesidii quasi loco est, ac in ea ducenti vel paulo minoris comitatus sclopetarii in Aprili & Maio ac Iunio mensibus, in aliisque in Bogo imsulis, quibus ille plurimum abundant, multi ad modum semper reperuntur» [1, p. 244].

«В особенности же он служит верною защитою Брацлавцам (т.е. жителям Брацлавщины – *О.Б.*), которые ежегодно по несколько месяцев занимаются там рыбною ловлею. На этом острове и на других лежащих на Буге, в апреле, мае и июне постоянно находится около двух сот стрелков» (Перевод *И. Шершеневича* [11, с. 334]).

Согласно другой версии, название также тюркское, но образовалось оно вследствие онимизации тюркского прилагательного на *-ла/лы* с основой турецкого слова «чортан», которое имеет значения: «угорь», водосточная труба, желоб. В.В. Лучик, ссылаясь на «Словарь...» В. Радлова, что этот гидроним, возможно, имеет родственное отношение с турецким словом «*чарт*» – «особое сооружение для орошения». Кроме того, он указывает на древнетюркское «*cert*» в значении «*отпускать, щербить, отламывать*» и в связи с этим упоминает о реке Щербатой Чертале, известной в данном регионе [28, с. 515]. Кстати, В. Лучик указывает и на другие версии названия Черталы [28, с. 515], однако, как нам кажется, наиболее убедительной является версия «рыбного» происхождения названия. Вспомним хотя бы, что в 1930 г. руководитель археологической экспедиции в Акмечетке Г. Крысин записал: «... рыбы здесь ловилось чрезвычайное множество: в несколько часов ее нагружали пять-шесть и даже больше уловов и то брали лишь большую, а малую вновь бросали в реку. Теперь в Архиерейском гарде ловля рыбы совсем воспрещена» [72]. К тому же следует помнить и о том факте, что в устье пятой – самой южной Черталы, которую Мартин Броневский именует Большой Черталой, в XIV в. было расположено золотоордынское городище Балыклей. И его название также связано именно с рыбой [4].

Относительно месторасположения самих кешень, можно предположить, что остатки от «гробницы купца», о которой упоминал Мартин Броневский в середине XVI в., а именно фундамент и несколько уцелевших плит, находятся в огороде жителя с. Цветково Л. Полякова. Сам он (со слов В. Селявина) рассказывал следующее: «Я знаю (о наличии гробницы какого-то купца. – *О.Б.*). Старые люди, как только я купил этот дом в 80-х годах мне говорили, чтобы я тот фундамент не трогал, потому что там склеп. Сначала я хотел распахать, и даже выпалал облицовочный ракушечный крупный камень, но люди мне старые сказали, и я бросил». Т.е. нахождение старого склепа местным жителям известно достаточно хорошо.

Однако этого нельзя сказать относительно мечети, фундамент которой был найден и обследован группой археологов в 1930 г. Сейчас даже местные жители затрудняются указать ее местонахождение. Как сообщает В. Селявин, он нашел на территории хоздвора одного из жителей с. Цветково яму, вернее углубление в 1 м, и площадью 20x20 м². Возможно, это и есть место бывшей

мечети. То, что сейчас трудно найти место бывшей мечети, не должно удивлять, поскольку после присоединения причерноморских земель к Российской империи мечеть начали разбирать и большие известняковые блоки стали использовать как строительный материал для возведения православного храма в соседней Новогригорьевке (расположенной на противоположном левом берегу Южного Буга)¹³.

Кроме гробницы купца и мечети, расположенных на территории с. Цветково, в изучаемой местности (в устье речки Чарталы) был *брод* через Южный Буг. К тому же, как видно из карт и исследовательской литературы, здесь находились сразу несколько бродов [61; 76, с. 69]. А возле устья р. Чарталы был брод, который Д. Яворницкий именует Чартайским и приводит его описание¹⁴. По мнению ученого, название брода произошло, как уже отмечалось, от персидского слова «Чахартан» или «Чартан», т.е. четыре столба. Эти столбы, «как указатели брода, стояли долго спустя после падения Запорожья, по рассказам местных старожилов» [73, с. 259]. Однако, как нам кажется, название все-таки происходит от реки Чарталы. Во времена османского владычества вместо брода здесь был *мост*, который указан на османской рукописной карте и подписан «Koynun geçidi. Şimdi uapılan cisrdir» («Овечий переход; ныне сделанный (построенный) мост» – перевод А. Галенко)¹⁵. Пожалуй, можно согласится с метким замечанием В. Гулевича, что эти четыре столба, скорее всего, и были опорами моста¹⁶.

А если был брод (он обозначен на карте Г. де Боплана [47]) – поскольку торговая дорога проходила не только с севера на юг вдоль Южного Буга, но и с запада на восток, и была пограничная зона, что видно из «Топографического описания...» 1774 года [44], в котором указано, что река Буг «камениста и мелка и до самого Гарду, или *прежде бывшей границы*... где семь порогов и десять каменных островков имеет; по порогам с камня на другой почти перешагнуть можно» [44, с. 180] – то рискнем предположить, что в этом районе была таможня. Наше предположение базируется на том, что недалеко от современных Акмечетских Ставок (см. рис. 10) были несколько бродов: Овечий, Осенний, Сенокосный, Песчаный и др. [61; 63; 64]. И если Песчаный брод этот тот, о котором сообщает Станислав Сарницкий (вспомним также указание Мартина Броневского на Песчаный Брод – *Piescanibrod* [1, р. 245]), то там был расположен мост Витовта («*Pifczambot... indicit Hypanim. Ibi etiam est pons Vitovdi*» [3, р. 1916; 6, с. 15]). А возле мостов и бродов Витовта, как известно, иногда учреждались таможни [5, с. 234; 6, с. 10]. Поэтому, возможно, в будущем и найдется документ, подтверждающий наше предположение о существовании таможни возле Чертайского брода. Кроме того, Мартин Броневский указывает на проходящую здесь границу: «татары, вторгаясь в границы Подолии, переправ-

¹³ См. также: [46, с. 84; 41].

¹⁴ Д. Яворницкий, описывая Чартайский брод, против речки Чарталы, цитирует документ 1753 г.: «через оный брод никакого проезду иметь невольно и не допускается, а бывало прежде козаки сичовые верхом лошадыю чрез тот брод проезжают за какую либо их добычею, и то разве скрытным образом, да той переезд чрез оный брод верхом лошадыю бывает в самое время малой воды, и то с опасностью от быстрого течения, так что возы и коня свалит, но во время великой воды никакому проезду быть невозможно» [73, с. 259].

¹⁵ См.: рис. 5 [55]. Об Овечьем броде писал Ф. Петрунь [31, с. 11]. Он указан на карте 1787 (рис. 7, [61]), а также в «Топографическом описании...» [44, с. 180].

¹⁶ Это замечание было высказано В. Гулевичем во время обсуждения текста статьи.

ляются чрез нее...» [1, р. 245; 11, с. 234]. Кстати, на карте 1720 г., к которой, конечно, нужно относиться критически, возле *Chryczkieszemi* указана граница, а сам же пункт отнесен к Нижнему Подолию [53]. Также через Черталкешени с севера на юг проходила дорога из Польского государства в Крымское ханство [5, с. 235; 9, с. 60]. Путь этот, по которому ехали купцы, дипломаты, шел вдоль правого берега Южного Буга и соединял Витовтов Брод и Балыклеей [4; 5]. Именно по нему проезжал Мартин Броневский.

Указание на мечеть, появившееся в середине XVI в. («*Na Suszcz Czartelny jak w Vuch wradla*» [37, с. 118]), воспроизводилось в дальнейшем в источниках. На карте 1775 г. Р. Томилова обозначена «бывшая мечеть» [60]. Сейчас это территория с. Цветково. Упоминания мечети в названиях в то время, наверное, было распространенным явлением. Вспомним хотя бы Великую Мечетню, Малую Мечетню и др.¹⁷

Местность Ак-Мечети была достаточно хороша в географическом отношении, поэтому Ф.П. де Воллан не упустил возможности указать, что перед выходом из лощины *Мечецкая Чертала* есть равнина, которая «настолько плодородна, что там трава вырастает в человеческий рост» [13, с. 156]. В этом приведенном отрывке он делает весьма важную ремарку, упоминая Мечецкую Черталу, т.е. Черталу, на которой расположено здание мечети, а значит, речь идет о современном с. Цветково. Кроме того, по мнению нидерландского инженера, «упомянутая небольшая долина представляет собой привлекательную местность и множество уголков для виноградарства и фруктовых садов, также как равнина – для насаждений деревьев и леса... Леса здесь нет совсем» [13, с. 157].

Относительно идентификации самой мечети хотелось бы обратить внимание читателя на интересное наблюдение В. Гошкевича: «...на балке *Мечетной* находятся фундамент старой *турецкой* мечети... (выделение мое. – О.Б.)» [цит. по: 46, с. 84]. Как указывает сам В. Гошкевич, остатки строения турецкой мечети находились на хуторе Незаможных [15, с. 47], который был переименован в Жовтневое, а в 2016 г. – в Цветково. «Хутор Незаможников» также зафиксирован на карте РККА 1941 г. (рис. 9, [67]). Кроме того, здесь же в устье Мечетной балки указан и «хут. Цветков». Позже (когда точно, нам неизвестно) два хутора Незаможников и Цветков были объединены в одно село Жовтневое.

Упоминание «кешень» в названии, а также остатков (фундамента) «гробницы купца», дают возможность предполагать, что на территории с. Цветково (а не с. Прибужье) существовало золотоордынское поселение. Кроме того, судя по приписанной Г. де Боплана большой букве «Н» (что означало, скорее всего, «Н[orodysze]») возле названия *Chryczkieszemi*, этот пункт можно отнести к небольшому городскому поселению с укреплением. К тому же и сам Г. де Боплан в легенде к карте подписал свое обозначение с полумесяцем как «*oppidum*» (рис. 1, [47]).

Есть еще один момент, на который стоит обратить внимание в данной статье. Село Прибужье (укр. Прибужзя) Доманевского района Николаевской области, в 3 км на север от с. Цветково, до 1946 г. называлось Ахмечеткой. Это дало повод некоторым историкам считать, что именно оно и является бывшим золотоордынским городищем. Но в таком случае возникает вопрос,

¹⁷ См. исследование о мечетях XVII–XVIII вв. Буго-Днестровского междуречья [36].

когда появляется название «Ахмечеть» как название будущего села Прибужье? Из изученного картографического материала видно, что впервые Ахмечеть (как «Деревня Ахмечеть») на месте современного с. Прибужье фиксируется на карте 1804 г. (рис. 8, [63]), в статусе местечка Ананьевского уезда («м. Ахмечеть») записано на карте 1857 г. [65]. Затем мы видим указание на «м. Ахмечеть» на карте Шуберта и Тучкова 1868–1869 г. [66]. Позже этот населенный пункт был переведен в статус села, а в 1946 г. с. Ахмечетка было переименовано в с. Прибужье. Поскольку мы не располагаем точной информацией, как произошло так, что название «сместилось», сделаем предположение: в первой половине XIX в. было основано новое поселение Ахмечетка, как выселок Ак-Мечети.

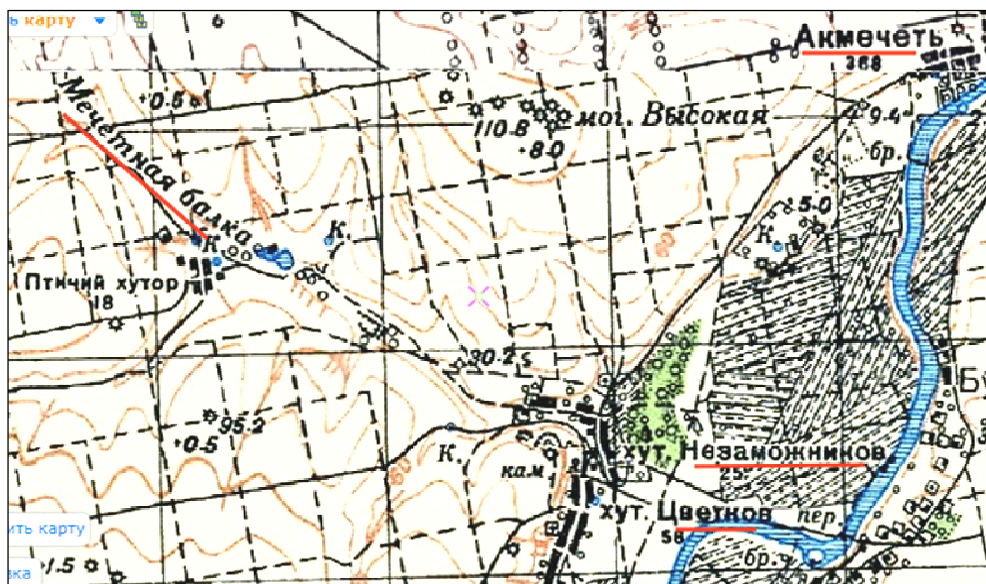

Рис. 9. Фрагмент карты Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), 1941 г. (автор благодарит В. Селявина за предоставленную карту) [67]

Fig. 9. Fragment of a map of the Workers and Peasants Red Army (RKKA), 1941 (the author thanks V. Selyavin for this map) [67]

Отголосок тех дальних времен хранит в своем названии современное село Акмечетские Ставки (на русский можно перевести как «Акмечетские Пруды»). Это название относительно новое: в 1930 г. возле села Ахмечетка был создан совхоз «Акмечетские Ставки». Ныне совхоза нет, однако название сохранилось, а поселение имеет статус села, где на 2020 г. проживает около 360 человек. Возможно, именно об этой местности писал Ф. де Воллан: «Позади места, где когда-то располагался Ахмечеть, в дикой местности, усыпанной камнями и заросшей кустарником, находятся 5–6 обильных источников отличной воды» [13, с. 257].

Итак, подводя итоги, следует отметить, что в междуречье современных рек Бакшалы, Черталы и Южного Буга в пределах современного с. Цветково Доманевского района Николаевской области был расположен населенный пункт. Самое раннее его письменное название, скорее всего, как *Cercicesseni*,

зафиксировано в работе Мартина Броневского. Предполагаем, что в названии соединились название реки Черталы и культовых сооружений-гробниц – «кешень». И поэтому вполне возможно, что оно могло называться Черталкешени. Начиная со второй половины XVI в. поселение пришло в упадок, так что о нем не упоминает ни Станислав Сарницкий, ни Самуил Корецкий, ни др. Г.Л. де Боплан обозначил этот пункт как *Chryczkieszemi H.* (городище Хричкешеми). Это название перекечвало в карты XVII–XVIII вв.: *Chryckiefzemi* (1663); *Chryczkieszemi*; (1665) *Chryczkieszemi Ruinée* (1674); *Chryczkieszemj* (1681), *Гричкиесемі* (1699); *Chryczkieszeme* (1720); *Chryczkieszemi* (1740), *Chryczkieszemi* (1740–1745), *Cryczkieszemy* (1767).

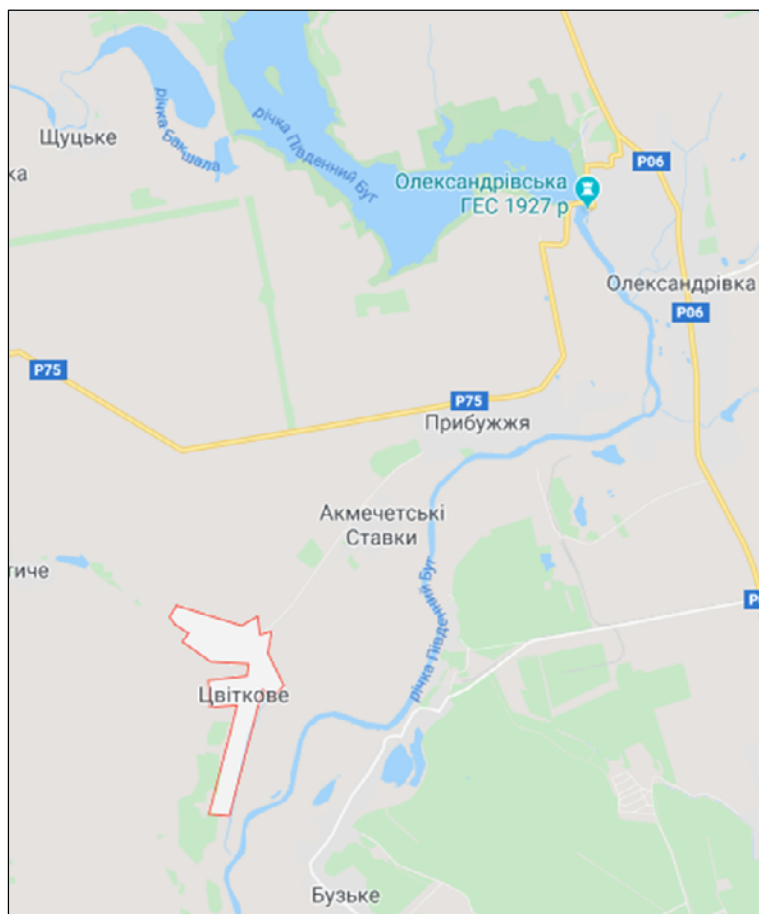

Рис. 10. Фрагмент современной карты Украины

Fig. 10. Fragment of the modern map of Ukraine

Наличие гробницы купца, остатки которой видел Мартин Броневский, и мечети (упоминаемой в источнике анонимного автора середины XVI в.), а также изученный материал, позволяют предположить наличие здесь золотоордынского населенного пункта. Однако окончательный вердикт может быть вынесен только в результате археологического обследования. Через исследуемое поселение, как видно из карты Г.Л. де Боплана, проходили торговые

дороги с севера на юг (вдоль реки Южный Буг) и с запада на восток (через Южный Буг был Чартайский брод). Эволюция названия, возможно, была следующей: Черталкешени – бывшая Мечеть – Ак-Мечеть – Цветково – хутор Незаможников – Жовтневое – Цветково.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bronovius M.* Tartariae descriptio. Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topografico atque politico illustratae [Textus]. Lugdunum Batavorum: Ex officina Elzeriana, 1630.

2. *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Document. Leiden; Boston: Brill, 2011.

3. *Sarnicius S.* Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova // *Długossus I.* Historiae Polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum editi, in lucem prodeunt et cum praefatione Henrici L.B. ab Huysen. Francofurti et Lipsiae, 1712. T. 2. P. 1873–1944.

4. *Белецкая О.В.* Балыклей в XIV–XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. Вып. 10. С. 398–408.

5. *Белецкая О.В.* Безымянное городище в Северном Причерноморье в постзолотоордынское время // Золотоордынская наследие. Казань, 2019. Вып. 3. С. 232–243.

6. *Белецкая О.В.* Имя великого князя литовского Витовта в названиях Северного Причерноморья XVI–XVIII веков // *Lietuvos Istorijos Studijos.* Vilnius, 2018. № 42. P. 7–28.

7. *Белецкая О.В.* Маяк в XIV–XVI веках (материалы к изучению исторической географии Подолии и Северного Причерноморья) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2016. Вып. 9. С. 186–196.

8. *Білецька О.В.* Поділля на зламі XIV–XV ст.: до витоків формування історичної області. Одеса, 2004.

9. *Білецька О.В.* Роль зовнішньої торгівлі в польсько-татарських відносинах у другій половині XIV–XV ст. // Історія торгівлі, податків та мита: зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 2010. №1 (1). С. 57–64.

10. *Боплан Г.Л. де.* Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансильванії, разом з їхніми звичаями, способами життя і ведення воєн. К., 1990.

11. *Броневский М.* Описание Крыма [Текст] / пер. И.Г. Шершеневича, комм. Н.И. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1865. Т. 6. С. 333–367.

12. *Брун Ф.* Судьбы местности, занимаемой Одессой // Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по истории географии Южной России. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 160–188.

13. *Волан Ф.П. де.* Отчет относительно географического и топографического положения Провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очаковская степь, служащий пояснением к картам и планам, снятым по высочайшему указанию // Наследие Ф.П. Де-Волана: из истории порта, города, края. Одесса, 2002. С. 73–200.

14. *Вирський Д.* Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К., 2016. С. 201–222.

15. *Гошкевич В.И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903. Кн. 1.

16. *Гошкевич В.И.* Погребения, датированные джучидскими монетами. Из раскопок И.Я. Стемпковского. Херсон, 1928.

17. *Гошкевич В.М.* Раскопки на острове против м. Тягинки // *Летопись музея за 1914 с иллюстрациями / Сост. В.И. Гошкевич. Херсон, 1916. Вып. 6. С. 2–13.*
18. *Гулевич В.П.* От ордынского Улуса к ханству Гиреев. Крым в 1399–1502 г. Казань, 2018.
19. *Дашкевич Я.Р.* Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. [Текст] // *Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2006. Вип. 10. С. 112–121.*
20. *Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России. В 4-х т. СПб., 1885–1889. Т. III. С. 277–280.
21. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
22. *Сльников М.В.* Золотоординські часи на українських землях. Київ, 2008.
23. *Жарких М.І.* Європейськ джерела 16–17 ст. при Кримське ханство. «Опис Татарії» М.Броневського: джерелознавчі спостереження. Географічні об'єкти 16 ст. в описі // *Режим доступа: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/AuxHistSci/CrimeaHistSources/Broniewski/Geography16.html> (дата обращения: 27.7.2021).*
24. *Захарченко Р.* Мавзолеї, монументи ранньомусульманські на українських землях, кешені. Режим доступа: [http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?C21COM=S&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21FMT=eiu_all&S21ALL=\(%3C.%3ETR N%3DMavzolei%3C.%3E\)&FT_REQUEST=&FT_PREFIX=&Z21ID=&S21STN=1&S21SRW=nz&S21REF=10&S21CNR=20&fbclid=IwAR263sL0-RrDxjPYWKGoyI7waiFMke2dx_lfNuPPrtcuazfV4aOgF4gw5zQ](http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?C21COM=S&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21FMT=eiu_all&S21ALL=(%3C.%3ETR N%3DMavzolei%3C.%3E)&FT_REQUEST=&FT_PREFIX=&Z21ID=&S21STN=1&S21SRW=nz&S21REF=10&S21CNR=20&fbclid=IwAR263sL0-RrDxjPYWKGoyI7waiFMke2dx_lfNuPPrtcuazfV4aOgF4gw5zQ) (дата обращения: 27.7.2021).
25. *Краткий топонимический словарь водоемов и населенных пунктов Западной Сибири*) Режим доступа: http://www.sibrybalka.ru/vodojomy/toponimicheskiy_slovar-6/ (дата обращения: 27.7.2021).
26. *Крикун М.* Розмежування володінь Речі Посполитої та Османської імперії у 1633 році // *Крикун М.Г.* Брацлавське воєводство у XVI–XVIII століттях. Статті і матеріали. Львів, 2008. С. 302–326.
27. *Крысин Г.П.* Дневник // *Архив Института археологии Украины. – м. Київ. ф. 27. № 2.*
28. *Лучик В.В.* Етимологічний словник топонімів України. 3700 назв. К., 2014.
29. *Манштейн Христофор-Герман* «Штурм и оборона Очакова в 1737 г.» (Из «Записок о России генерала Манштена») // *Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. 2010. Вип. 2. С. 110–127.*
30. *Масенко Л.Т.* Гідронімія Східного Поділля. К., 1979.
31. *Петрунь Ф.* Степове Побужжя в господарському та військовому укладі Українського пограниччя // *Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе. 1926. Т. 2. № 2. С. 3–15 (отдельный оттиск).*
32. *Петрунь Ф.* Нове про татарську старовину Бозько–дністрянського степу // *Східний світ. 1928. № 6. С. 155–171.*
33. *Руссев Н.Д.* Молдавия в темные века: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов // *Stratum Plus, № 5: Неславянское в славянском мире. СПб.; Кишинев, 1999. С. 379–407.*
34. *Сапожников И.В.* Карты и планы Буго-Днестровской части Причерноморья последней трети XVIII века как археологические источники // *Scriptorium nostrum. 2019. № 1 (12). С. 81–110.*
35. *Сапожников И.В.* Литовский Качибей османский Хаджибей: очерки истории с начала XV до середины XVIII вв. // *Scriptorium nostrum. Улектронний історичний журнал/ Гол. ред. В. Андреев. Херсон, 2016. № 2 (5). С. 48–86.*
36. *Сапожников И.В.* Мечети XVII–XVIII вв. Буго-Днестровского междуречья // *Південний Захід. Одесика. Історико-краєзнавчий альманах. Одеса, 2017. Вип. 23. С. 9–34.*
37. *Сапожников І.* Нове письмове джерело сер. XVI ст. з історії та археології Північного Причорномор'я // *Київська старовина. Київ, 2002. № 5. С. 110–119.*

38. Словник гідронімів України / Ред. кол.: А.П. Непокупний, О.С. Стрижак (заст. голови), К.К. Цілуйко (голова); Укладачі: І.М. Железняк, А.П. Корепанова, Л.Т. Масенко та ін. К., 1979.

39. *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018.

40. *Середа О.* Османсько-українське степове порубіжжя в османсько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса, 2015.

41. *Степанченко О.* У пошуках давньої Акмечеті. Частина перша. Режим доступа: <https://islam.in.ua/ua/istoriya/u-poshukah-davnoyi-akmecheti-chastyna-persha> (дата обращения: 27.7.2021).

42. *Товкайло М.* На берегах священної ріки Богу. Історико-археологічні дослідження. Миколаїв, 2018.

43. *Товкайло М.Т.* Як намагаються знищити останні історичні ландшафти Запозької Січі // Матеріали V Наукових читань пам'яті Сергія Тарашука (м. Миколаїв, 21 квітня 2017 року). К., 2017. С. 13–16.

44. Топографическое описание доставшихся по мирному трактату от Османской Порты во владение Российской империи земель, 1774 года // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1868. Т. VII. С. 166–198.

45. Український степовий кордон в сер. XVI ст. (спогади барського старости Бернарда Претвича) / Упор. О.Є. Мальченко. Запоріжжя; Київ, 1997. С. 55.

46. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.

47. Фрагмент карти, 1648 г. Режим доступа: http://likbez.org.ua/wp-content/uploads/2015/03/Beauplan_Ukraine_XVII_mar.jpg (дата обращения: 27.7.2021).

48. Фрагмент карти, «Estats De La Couronne De Pologne ou sont les Royaume de Pologne ... Nicholas Sanson», 1663 // *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 83.

49. Фрагмент карти «Tartarie Europeenne ou Petite Tartari ou sont Les Tartares, Du Crim, ou de Peresop; De Nogais... Nicholas Sanson», 1665 // *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 89.

50. Фрагмент карти «La Russie Noire ou Polonoise qui Comprend les Provinces de la Russie Noire de Volhynie ... Nicholas Sanson», 1674 // *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 101.

51. Фрагмент карти, 1681 г. «Pitt Moses. Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis ... Oxford, 1681». Режим доступа:

<http://resource.history.org.ua/item/0013597?fbclid=IwAR2Swyvr2znaadiN5U6TUu5XggoOJPqLVPzjIb1nppedR9oI0sE-7cmLn7o> (дата обращения: 27.7.2021).

52. Фрагмент карти Брюса-Менгдена, 1699 г. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53011752g/fl.item.langEN.zoom> (дата обращения: 27.7.2021).

53. Фрагмент карти из атласа Иоанна Гоманна «Vkrania que et terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minoris Tartariae Provinciis exhibita a Ioh. Baptista Homanno Noribergera», 1720 // *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 125.

54. Фрагмент карты, 1738 г. – «Theatrum Belli ad Borysthenem Tyram & Danubium Fluvios gesti Ao. MDCCXXXVIII», 1738. Режим доступа: <http://www5.kb.dk/maps/kortsa/2012/jul/kortatlas/object64354/da/?fbclid=IwAR2R3Nk-MctgFIM52ddxzq-0EVSrt-AREZu4vRsZtvSme9K4xMgnU0N00xE> (дата обращения: 27.7.2021).

55. Фрагмент османской недатированной карты // *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 33.

56. Фрагмент карты «Nova et Accurata Tartariae Europae seu Minoris et in specie Crimeae... Matthaus Seutter», Augsburg, 1740 // *Середа О.* Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 129.

57. Фрагмент карты, 1740–1745 г. – «Theatre de la Guerre Dans La Petite Tartarie La Crimee La Mer Noire &c. Dressee... Jean Covens & Corneille Mortier», 1740–45) // Серeda O. Османсько-українська дипломатія в документах XVII–XVIII ст. Київ; Стамбул, 2018. С. 135.

58. Фрагмент карты И. Ислентьева, 1766 г. Режим доступа: http://paracoma.narod.ru/maps/islenyev_kon_1760h.htm?fbclid=IwAR3neRzkAnqVTgGXfGKzI4NYTQhaUqXeDPDoRCqjwbudYhiIWBGRVq7YPts (дата обращения: 27.7.2021).

59. Фрагмент карты Риччи-Заннони, 1767. – «Karta granic Polski, zacząwszy od Bałty aż do Rzeki Sina Woda», 1767 г. Режим доступа: <http://freemap.com.ua/maps/podborka-polskih-kart/polkie-starue/24.jpg> (дата обращения: 27.7.2021).

60. Фрагмент карты Р.Н. Томилова, 1775 г. Режим доступа: http://paracoma.narod.ru/maps/maps-images/map_tomilov2_b.jpg (дата обращения: 27.7.2021).

61. Фрагмент карты Российской империи (Расположение русской армии в начале русско-турецкой войны 1787–1791, авг. 1787 г. (по атласу Тизенгаузена, изд. 1793), 1787 р. // Центральный государственный военно-исторический архив, ф. ВУА, д. 24, л. 5

62. Фрагмент карты Ф.П. Де-Волана, 1791 г. Режим доступа: <http://kraeved.od.ua/map/gi.php> (дата обращения: 27.7.2021).

63. Фрагмент карты «Промеров реки Буга от Ольвиополя до Николаева», 1804 года // Киев. Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского. Дело Черноморского флота. Будищев, 1804 г. [Карты; Рукопис].

64. Фрагмент карты промеров «Карти від міста Николаєва до Ольвіополя», 1804 // Товкайло М. На берегах священної ріки Богу. Історико-археологічні дослідження. Миколаїв, 2018, С. 14.

65. Фрагмент карты губерний Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Области Бессарабской, 1857 г. Режим доступа: <https://bit.ly/3bVTut3> (дата обращения: 27.7.2021).

66. Фрагмент карты Шуберга-Тучкова, 1868–1869 г. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/shubert-map/27-9> (дата обращения: 27.7.2021).

67. Фрагмент карты, 1941 г. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-rkka_1-36-a/ (дата обращения: 27.7.2021).

68. *Шабульдо Ф.* «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // *Ruthenica*. К., 2010. Т. IX. С. 57–73.

69. *Шабульдо Ф.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987.

70. *Черкас Б.* Західні володіння улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV) ст. К., 2014.

71. *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

72. *Щоденник БОГЕСУ.* Археологічні дослідження на території БОГЕСУ. Режим доступа: https://www.ngorod.net.ua/books/arxeologichni-doslidzhennya-na-teritorii%D1%97-bogesu-5/?fbclid=IwAR0Vmc6Ov6QsHSUrPIYO_Ug0zbAkvhFiJuU5s0ZwyDM0BVvj3Z_CL5YHNQ (дата обращения: 27.7.2021).

73. *Эварницкий Д.* Вольности запорожских казаков. СПб., 1898.

74. *Яворницький Д.* Твори у 20-т. Запоріжжя, 2008. Т. 3.

75. *Яворницький Д.* Історія запорозьких козаків в 3-х т. К., 1990. Т. 1.

76. *Ястребов В.Н.* Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Т. 17 (1). С. 127–128. Позиция 133.

Сведения об авторе: Ольга Валерьевна Белецкая – кандидат исторических наук, учитель Осичковского заведения общего среднего образования (66215, ул. Центральная, 123, с. Осички, Подольский р-н, Одесская обл., Украина). E-mail: osychkypodolianka@ukr.net

Поступила 18.04.2021 Принята к публикации 24.08.2021
Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. Bronovius M. *Tartariae descriptio. Russia seu Moscovia itemque Tartaria. Commentario topografico atque politico illustratae [Textus]*. Lugdunum Batavorum: Ex officina Elzeriana, 1630. (In Latin)
2. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Document*. Leiden; Boston: Brill, 2011.
3. Sarnicius S. *Descriptio veteris et novae Poloniae cum di visione eiusdem veteri et nova*. Długossus I. *Historiae Polonicae libri XII, quorum sex posteriores nondum editi, in lucem prodeunt et cum praefatione Henrici L.B. ab Huyssen*. Francofurti et Lipsiae, 1712 vol. 2, pp. 1873–1944. (In Latin)
4. Beletskaya O.V. Balykley from the 14th–16th centuries (materials of the historical geography of Podolia and the Northern Black Sea Region). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilizaiton*. Kazan, 2017, iss. 10, pp. 398–408. (In Russian)
5. Beletskaya O.V. Nameless ancient settlement in the Northern Black Sea Region of the Post-Golden Horde time. *Zolotoordynskaya naslediye*. Kazan, 2019, iss. 3, pp. 232–243. (In Russian)
6. Beletskaya O.V. Vytautas's name among the names of the Northern Black Sea region from the sixteenth to eighteenth centuries. *Lietuvos Istorijos Studijos*. Vilnius, 2018, no. 42, pp. 7–28. (In Russian)
7. Beletskaya O.V. Mayak in the 14th–16th centuries (materials for the study of the historical geography of Podillia and the Northern Black Sea region). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilizaiton*. Kazan, 2016, iss. 9, pp. 186–196. (In Russian)
8. Bilec'ka O.V. *Podillia Region at the turn of the fourteenth and fifteenth centuries: On the Beginnings of Formation of the Historical Region*. Odesa, 2004. (In Ukrainian)
9. Bilec'ka O.V. The role of out-of-town trade in Polish-Tatar trade during the second half of fourteenth and fifteenth century. *History of Trade, Taxes, and Duties. Collected Papers*. Dnipropetrovsk, 2010, no. 1(1), pp. 57–64. (In Ukrainian)
10. Beauplan G.L. de. *Description of Ukraine, Several Provinces of the Kingdom of Poland Stretching from the Borders of Muscovy to the Borders of Transylvania, together with Their Customs, Ways of Life and Warfare*. Kyiv, 1990. (In Ukrainian)
11. Bronevskiy M. Description of the Crimea. Shershenevich I.G. (tr.). *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1865, vol. 6, pp. 333–367. (In Russian)
12. Brun F. The fates of area where Odessa is now. Idem. *The Black Sea Region. The Collection of Studies about the History of Geography of the Southern Russia*. Odessa, 1879, pp. 160–188. (In Russian)
13. Volan F.P. de. Report on the geographical and topographical position of the Province of Ozu or Edisan, commonly called the Ochakov steppe, serving as an explanation for the maps and plans taken under the highest direction. *The Legacy of F.P. de Volan: From the History of the Port, City, and Region*. Odessa, 2002, pp. 73–200. (In Russian)
14. Virs'kiy D. *Ukrainian Wars: Chronicles of the Tatar Frontier of Ukraine (from the sixteenth to middle of seventeenth centuries)*. Kyiv, 2016, pp. 201–222. (In Ukrainian)

15. Goshkevich V.I. *Hoards and Antiquities of the Kherson Province*. Kherson, 1903, book 1. (In Russian)
16. Goshkevich V.I. *The Burials Dated with Jochid Coins. From the Excavations of I.Ya. Stempkovsky*. Kherson, 1928. (In Russian)
17. Goshkevich V.M. Excavations on the island opposite to Tyaginka. *Museum Chronicle for 1914 with Illustrations*. Goshkevich V.M. (ed.). Kherson, 1916, iss. 6, pp. 2–13. (In Russian)
18. Gulevich V.P. *From the Horde's Ulus to the Gireys' Khanate. Crimea in 1399–1502*. Kazan, 2018. (In Russian)
19. Dashkevich Ya.R. Steppe states both in Podillia and the Western Black Sea region as a problem of the history of Ukraine in the fourteenth century. *Materials and Research on the Archaeology of Ciscarpathia and Volhynia*. 2006, iss. 10, pp. 112–121. (In Ukrainian)
20. Dubrovin N.F. *Accession of Crimea to Russia. In Four Volumes*. St. Petersburg, 1885–1889, vol. 3, pp. 277–280. (In Russian)
21. Yegorov V.L. *Historical Geography of the Golden Horde in the thirteenth and fourteenth centuries*. Moscow, 1985. (In Russian)
22. Jel'nikov M.V. *Golden Horde Times in the Ukrainian Lands*. Kyiv, 2008. (In Ukrainian)
23. Zharkikh M.I. *European Sources of the sixteenth and seventeenth centuries about the Crimean Khanate. The "Description of Tataria" by M. Bronevsky: Source Observations. Geographical Objects of the sixteenth century in the Description*. Available at: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/AuxHistSci/CrimeaHistSources/Broniewski/Geography16.html> (accessed: 27.07.2021). (In Ukrainian)
24. Zakharchenko R. *Mausoleums, Early Muslim Monuments in Ukrainian Lands, Kesheni*. Available at: [http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?C21COM=S&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21FMT=eiu_all&S21ALL=\(%3C.%3ETRN%3DMavzolei%3C.%3E\)&FT_REQUEST=&FT_PREFIX=&Z21ID=&S21STN=1&S21SRW=nz&S21REF=10&S21CNR=20&fbclid=IwAR263sL0-RrDxjPYWKGoyI7waiFMke2dx_lfNuPPrruczV4aOgF4gw5zQ](http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?C21COM=S&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21FMT=eiu_all&S21ALL=(%3C.%3ETRN%3DMavzolei%3C.%3E)&FT_REQUEST=&FT_PREFIX=&Z21ID=&S21STN=1&S21SRW=nz&S21REF=10&S21CNR=20&fbclid=IwAR263sL0-RrDxjPYWKGoyI7waiFMke2dx_lfNuPPrruczV4aOgF4gw5zQ) (accessed: 27.07.2021). (In Ukrainian)
25. *Brief Toponymic Dictionary of Reservoirs and Settlements in Western Siberia*. Available at: http://www.sibrybalka.ru/vodojomj/toponimicheskiy_slovar-6/ (accessed: 27.07.2021). (In Russian)
26. Krykun M. Demarcation of possessions of the Commonwealth and the Ottoman Empire in 1633. Idem. *The Bratslav Voivodeship from the sixteenth to eighteenth centuries. Articles and Materials*. L'viv, 2008, pp. 302–326. (In Ukrainian)
27. Krysin G.P. *Diary. Archive of the Ukrainian Institute of Archaeology*. Kyiv, f. 27, no. 2. (In Russian)
28. Luchik V.V. *Etymological Dictionary of Toponyms of Ukraine. 3700 Names*. Kyiv, 2014. (In Ukrainian)
29. Manstein C.-G. The assault and defense of Ochakov in 1737 (From the "General Manstein's Notes on Russia"). *Underwater Researches: Archaeology, History, and Diving*. 2010, iss. 2, pp. 110–127. (In Russian)
30. Masenko L.T. *Hydronymy of the Eastern Podillia*. Kyiv, 1979. (In Ukrainian)
31. Petrun' F. The steppe Bog River region in the economic and military structure of the Ukrainian border. *Journal of Research Departments in Odessa*. 1926, vol. 2, no. 2, pp. 3–15. (In Ukrainian)
32. Petrun' F. Recently on the Tatar past of the Bug-Dniester steppe. *The World of Orient*. 1928, no. 6, pp. 155–171. (In Ukrainian)
33. Russev N.D. Moldavia in the Dark Ages: Materials to understanding the cultural and historical processes. *Stratum Plus*, No. 5: *Non-Slavic in the Slavic World*. St. Petersburg; Kishinev, 1999, pp. 379–407. (In Russian)

34. Sapozhnikov I.V. Maps and plans of the Bug-Dniester part of the Black Sea coast of the last third of eighteenth century as archaeological sources. *Scriptorium nostrum*. Kherson, 2019, no. 1 (12), pp. 81–110. (In Russian)

35. Sapozhnikov I.V. Lithuanian Kachibei, Ottoman Hajibey: Essays of history from the beginning of fifteenth to middle of nineteenth century. *Scriptorium nostrum*. Kherson, 2016, no. 2 (5), pp. 48–86. (In Russian)

36. Sapozhnikov I.V. Mosques of the seventeenth and eighteenth centuries of the Bug-Dniester interfluvium. *Southwest. Odessa. Historical and Local Lore Almanac*. Odessa, 2017, iss. 23, pp. 9–34. (In Russian)

37. Sapozhnikov I.V. A new written source of the middle of sixteenth century on the history and archaeology of the Northern Black Sea region. *The Kyivan Antiquity*. Kyiv, 2002, no. 5, pp. 110–119. (In Ukrainian)

38. *Dictionary of the Hydronyms of Ukraine*. Nepokupnyi A.P. et al. (eds). Kyiv, 1979. (In Ukrainian)

39. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018. (In Ukrainian)

40. Sereda O. *The Ottoman-Ukrainian Steppe Frontier in Ottoman-Turkish Sources of the eighteenth century*. Odesa, 2015. (In Ukrainian)

41. Stepanchenko O. *In Search of the Ancient Acmechet. The First Part*. Available at: <https://islam.in.ua/ua/istoriya/u-poshukah-davnoyi-akmecheti-chastyna-persha> (accessed: 27.07.2021). (In Ukrainian)

42. Tovkaylo M. *On the Banks of the Sacred Bog River. Historical and Archaeological Researches*. Mykolaiv, 2018. (In Ukrainian)

43. Tovkaylo M.T. How they are trying to destroy the last historical landscapes of the Zaporozhian Sich. *Proceedings of the Fifth Research Readings in Memory of Serhiy Tarashchuk (Mykolaiv, 21 April 2017)*. Kyiv, 2017, pp. 13–16. (In Ukrainian)

44. Topographic description of the lands inherited from the Ottoman Porte in the possession of the Russian Empire, 1774. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1868, vol. 7, pp. 166–198. (In Russian)

45. *The Ukrainian Steppe Border in the middle of sixteenth century (Memoirs of the Bar starosta, Bernard Pretwich)*. Mal'chenko O.Je. (ed.). Zaporizhzhya; Kyiv, 1997. (In Ukrainian)

46. Fabritsius I.V. *Archaeological Map of the Black Sea Region of the Ukrainian SSR*. Kyiv, 1951. (In Russian)

47. Fragment of the map by G.L. de Beauplan, 1648. Available at: <https://bit.ly/2S5wY40> (accessed: 27.07.2021). (In Latin)

48. Fragment of the map “Estats De La Couronne De Pologne ou sont les Royaume de Pologne ... Nicholas Sanson”, 1663. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 83. (In French)

49. Fragment of the map “Tartarie Europeenne ou Petite Tartari ou sont Les Tartares, Du Crim, ou de Perecop; De Nogais... Nicholas Sanson”, 1665. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 89. (In French)

50. Fragment of the map “La Russie Noire ou Polonoise qui Comprend les Provinces de la Russie Noire de Volhynie ... Nicholas Sanson”, 1674. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 101. (In French)

51. Fragment of the map “Typus Generalis Ukrainae sive Palatinatum Podoliae, Kioviensis et Braczlaviensis ...”, Oxford, 1681. Available at: <http://resource.history.org.ua/item/0013597?fbclid=IwAR2Swyvr2znaadiN5U6TUu5XggoOJPqLVPzjIb1nppedR9oI0sE-7cmLn7o> (accessed: 27.07.2021). (In Latin)

52. Fragment of the map of 1699. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53011752g/f1.item.langEN.zoom> (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

53. Fragment of the map “Vkrania que et terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minoris Tartariae Provinciis exhibita a Ioh. Baptista Homanno Noribergera”, 1720. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 125. (In Latin)

54. Fragment of the map “Theatrum Belli ad Borysthenem Tyram & Danubium Fluvios gesti Ao. MDCCXXXVIII”, 1738. Available at: <http://www5.kb.dk/maps/kortsa/2012/jul/kortatlas/object64354/da/?fbclid=IwAR2R3Nk-MctgFIM52ddxzq-0EVSrt-AREZu4vRsZtvSme9K4xMgnU0N00xE> (accessed: 27.07.2021). (In Latin)

55. Fragment of an Ottoman undated map. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 33. (In Turkish Ottoman)

56. Fragment of the map “Nova et Accurata Tartariae Europae seu Minoris et in specie Crimeae... Matthaus Seutter”, Augsburg, 1740. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 129. (In Latin)

57. Fragment of the map “Theatre de la Guerre Dans La Petite Tartarie La Crimée La Mer Noire &c. Dressee... Jean Covens & Corneille Mortier”, 1740–45. Sereda O. *Ottoman-Ukrainian Diplomacy in the Documents of the seventeenth and eighteenth centuries*. Kyiv; Istanbul, 2018, p. 135. (In French)

58. Fragment of the map of 1766. Available at: http://papacoma.narod.ru/maps/islenyev_kon_1760h.htm?fbclid=IwAR3neRzkAnqVTgGXfGKzI4NYTQhaUqXeDPDoRCqjwbudYhiWBGRVq7YPts (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

59. Fragment of the map of 1767. Available at: <http://freemap.com.ua/maps/podborka-polskih-kart/polkie-starue/24.jpg> (accessed: 27.07.2021). (In Polish)

60. Fragment of the map of 1775. Available at: http://papacoma.narod.ru/maps/maps-images/map_tomilov2_b.jpg (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

61. Fragment of the map of the Russian Empire (Location of the Russian army at the beginning of the Russo-Turkish war in 1787–1791, Aug. 1787 [according to the Tiesenhausen atlas, ed. 1793]). *Central State Military Historical Archive*, f. VUA, d. 24 pp. 5. (In Russian)

62. Fragment of the map of 1791. Available at: <http://kraeved.od.ua/map/ri.php> (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

63. Fragment of the map “Measurements of the Bug River from Olviopol to Nikolaev”, 1804. Kyiv. *Vernadsky National Library of Ukraine. The Case of the Black Sea Fleet*. Budishchev, 1804 [Maps; Manuscript]. (In Russian)

64. Fragment of the map of measurements “Maps from the Place of Mykolaïv to Olviopole”, 1804. Tovkaylo M. *On the Banks of the Sacred Bog River. Historical and Archaeological Researches*. Mykolaïv, 2018, p. 14. (In Russian)

65. Fragment of the map of the provinces: Kherson, Yekaterinoslav, Tauride, and Bessarabian Regions, 1857. Available at: <https://bit.ly/3bBTut3> (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

66. Fragment of the map, 1868–1869. Available at: <http://www.etomesto.ru/shubert-map/27-9> (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

67. Fragment of the map of 1941. Available at: http://www.etomesto.ru/map-rkka_l-36-a/ (accessed: 27.07.2021). (In Russian)

68. Shabul'do F. The “Semenov's people”: Their territory and role in political relations between Crimea and Lithuania at the end of fifteenth century. *Ruthenica*. Kyiv, 2010, vol. 9, pp. 57–73. (In Ukrainian)

69. Shabul'do F. *Lands of Southwestern Rus' as Part of the Grand Duchy of Lithuania*. Kyiv, 1987. (In Russian)

70. Cherkas B. *Western Possessions of the Ulus of Jochi: Political History, Territorial and Administrative System, Economics, and Cities (thirteenth and fourteenth centuries)*. Kyiv, 2014. (In Ukrainian)

71. Shipova E.N. *Dictionary of the Turkism in Russian*. Alma-Ata, 1976. (In Russian)
72. *Diary of the Bog Hydroelectric Power Plant. Archaeological Research on the Territory of Bog Hydroelectric Power Plant*. Available at: https://www.ngorod.net.ua/books/arxeologichni-doslidzhennya-na-teritori%D1%97-bogesu-5/?fbclid=IwAR0Vmc6Ov6QsHSUrPIYO_Ug0zbAkvhFiJuU5s0ZwyDM0BVvj3jZ_CL5YHNQ (accessed: 27.07.2021). (In Ukrainian)
73. Evarnitskiy D. *Freedoms of the Zaporozhian Cossacks*. St. Petersburg, 1898. (In Russian)
74. Yavornits'kiy D. *Works in Twenty Volumes*. Zaporizhzhya, 2008, vol. 3. (In Ukrainian)
75. Yavornits'kiy D. *History of the Zaporozhian Cossacks in Three Volumes*. Kyiv, 1990, vol. 1. (In Ukrainian)
76. Yastrebov V.N. Experience of topographic survey of Kherson province's antiquities. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa, 1894, vol. 17 (1), pp. 127–128. (In Russian)

About the author: Ol'ga V. Beletskaya – Cand. Sci. (History), teacher, Osichki village school (123, Tsentral'naya Str., Osichki village 66215, Podolskiy district, Odessa region, Ukraine). E-mail: osyckypodolianka@ukr.net

*Received April 18, 2021 Accepted for publication August 24, 2021
Published September 29, 2021*

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592

О ЯРЛЫКЕ ХАНА УЛУГ МУХАММАДА НА ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ МОСКОВСКОЕ ВАСИЛИЮ II

И.Г. Пономарева

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Российская Федерация
vasiliy_ii@mail.ru*

Цель исследования: выяснение обстоятельств выдачи ярлыка на великое княжение Московское ханом Улуг Мухаммадом великому князю московскому Василию I для его сына Василия.

Материалы исследования: летописи (преимущественно официального московского летописания) и завещания московских великих князей (Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича).

Результаты и научная новизна: в историографии высказано и поддержано мнение о выдаче ханом Улуг Мухаммадом московскому великому князю Василию I ярлыка на московское княжение для сына Василия. С его получением связывается составление второго и третьего (последнего) завещаний Василия I. В предпоследнем завещании, предположительно составленном до обретения ярлыка, Василий I завещал престол сыну с оговорками, в финальном – его воля была зафиксирована однозначно, что объясняется историками наличием санкции хана на передачу власти сыну великого князя. По совокупности фактов А.А. Горский высказал предположение, что Василием I ярлык для сына был получен в 1423 г., и последнее завещание было оформлено в середине 1423 – начале 1425 гг. (скорее в 1423 г.). Обращение к источникам, привлечение исследований по истории Золотой Орды и о взаимоотношениях Улуг Мухаммада с дедом Василия II литовским великим князем Витовтом позволяют сделать вывод о возможности обретения ярлыка в конце 1424 – начале 1425 г. В таком случае финальное завещание Василия I могло быть составлено только в указанный период.

Ключевые слова: Василий I, Василий II, Витовт, Улуг Мухаммад, ярлык

Для цитирования: Пономарева И.Г. О ярлыке хана Улуг Мухаммада на великое княжение Московское Василию II // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 583–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592

ABOUT THE YARLIQ OF ULUGH MUHAMMAD KHAN APPROVING THE RULE OF GRAND PRINCE VASILY II

I.G. Ponomareva

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
vasiliy_ii@mail.ru*

Abstract: Research objectives: To determine the number of yarliqs approving the right to rule over the Grand Principality of Moscow and the circumstances of their granting by Ulugh Muhammad Khan to the Grand Prince of Moscow, Vasily I, as well as to his son, Vasily II.

Research materials: Chronicles (mainly the official Moscow chronicles) and the wills of the Moscow Grand Princes (Dmitry Ivanovich and Vasily Dmitrievich).

Results and novelty of the research: In the historiography, there is an often mentioned and supported opinion that Ulugh Muhammad Khan granted a yarliq approving the rule in the Grand Principality of Moscow to the Grand Prince of Moscow, Vasily I, and to his son, Vasily. The formation of the second and third (last) wills of Vasily I is associated with its reception. In the penultimate will, allegedly drawn up before acquiring the yarliq, Vasily I bequeathed the throne to his son with some stipulations. In the final will, his intention was recorded unambiguously, something which is explained by historians by the presence of the Khan's sanction to transfer power to the son of the Grand Prince. Based on the totality of the facts, A.A. Gorskii proposed that Vasily I had obtained the yarliq for his son in 1423, and the last will had been drawn up in the middle of 1423 to the beginning of 1425 (most likely in 1423). Turning to the sources and research on the history of the Golden Horde and on the relationship between Ulugh Muhammad and Lithuanian Grand Prince Vytautas, the grandfather of Vasily II, we can conclude that the yarliq was possibly obtained toward the end of 1424 to the beginning of 1425. If so, the last will of Vasily I could be drawn up only in that same period.

Key words: Vasily I, Vasily II, Vytautas, Ulugh Muhammad, yarliq

For citation: Ponomareva I.G. About the Yarliq of Ulugh Muhammad Khan Approving the Rule of Grand Prince Vasily II. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 583–592. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.583-592

Первым о прижизненном получении московским великим князем Василием Дмитриевичем (1389–1425) ярлыка на великое княжение для его сына Василия от хана Улуг Мухаммада написал А.Е. Пресняков, с чем согласились другие историки, за исключением Л.В. Черепнина [23, с. 387, прим. 2; 30, р. 105; 15, с. 87–88; 7, с. 141]. Вывод справедливо был основан на материалах летописного описания судебного процесса 1432 г. в Золотой Орде, на котором право на великое княжение Московское оспаривали Василий Васильевич и его дядя – удельный князь звенигородский и галицкий Юрий Дмитриевич. Выступавший на суде от лица юного Василия II московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский в присутствии Улуг Мухаммада заявил: «Государь наш князь велики Василей Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василью, а по твоему жалованию волного царя». В доказательство были предъявлены документы: «Нашь государь велики князь Василей ищетъ стола своего великого княжения твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование перед тобою» [16, с. 249].

А.А. Горский предположил, что Василием I ярлык для сына был получен в 1423 г. Мнение основывается на совокупности фактов. Как следует из пометки на списке второй духовной грамоты Василия I¹, на средокрестной неделе 1423 г. (3–9 марта) Алексей Стромилов, в последствии известный как великокняжеский дьяк [21, с. 136], вместе с митрополитом Фотием отбыл к

¹ Первая духовная грамота Василия Дмитриевича была составлена в 1407 г. в пользу умершего в 1417 г. сына Ивана. В настоящее время последовательность двух его последних завещаний, представленная в академической публикации, оспорена. Подробнее см. [8, с. 20–34]. В данной статье «второе» и «третье» (последнее) завещания соответствуют обновленному порядку.

деду наследника, литовскому великому князю Витовту, включенному в число гарантов исполнения завещания для заверки его оригинала. Между 7 и 25 марта у отца побывали также великая княгиня Софья с сыном. В это же время в великом княжестве Литовском находился хан Улуг Мухаммад. При всем этом, о наследовании великого княжения Василием Васильевичем во втором завещании его отца, очевидно, составленном в феврале – начале марта 1423 г. перед поездкой Алексея Стромиллова, написано с сомнением («А дасть богъ с(ы)ну моему великое княженье, ино и яз с(ы)на своего бла(го)словляю, князя Василья»)², а в третьем, последнем, завещании – без каких-либо оговорок («А с(ы)на своего князя Василья, бла(го)словляю своєю вотчиною великимъ княженьемъ») [10, № 21, с. 58, № 21, с. 61]. А.А. Горский связывает это различие с получением Василием I в 1423 г. ярлыка для сына от находившегося у Витовта хана Улуг Мухаммада. Неопределенность формулировки второго завещания А.А. Горский объяснил тем, что вторая духовная грамота, составленная до получения ярлыка, была соотнесена с завещанием Дмитрия Донского, определявшего наследником Василия I старшего из оставшихся на момент смерти его братьев [10, № 35, с. 12].

Итак, выдача ярлыка на великое княжение от Улуг Мухаммада для Василия Васильевича при жизни отца несомненна, но обстоятельства получения и его датировка неизвестны, притом что с последней увязывается и составление конечного завещания Василия I, время оформления которого также источниками не фиксируется.

В рассматриваемый период в шедшей к своему распаду Золотой Орде шла борьба за власть. С переменным успехом в числе главных претендентов на верховенство участвовал опиравшийся на помощь Витовта Улуг Мухаммад. Из отрывочных сведений источников известно, что зиму 1422–1423 гг. он провел в Поднепровье, а также то, что весной 1423 г. преуспевал его соперник хан Барак [24, с. 198; 4, с. 43]. По-видимому, после понесенного от него поражения Улуг Мухаммад перебрался на территорию, подвластную Витовту. Как полагает А.А. Горский, тогда и состоялась выдача ярлыка на имя сына Василия I, после чего было составлено третье завещание. Он датирует его серединой 1423 – началом 1425 г., отдавая предпочтение ранней дате [8, с. 33].

Предположение о написании второй духовной грамоты до получения ярлыка, по всей видимости, верно. На это указывает неопределенность в ней формулировки воли Василия I о наследовании престола его сыном. Документ не получил должного оформления: на грамоту была прикреплена только печать Витовта [19, с. 194]. Завещание осталось проектом, как предположил А.А. Горский, из-за обстоятельств, открывшихся после поездок Фотия и Софьи с сыном к Витовту. Они не названы, но можно предположить, что имеется в виду утрата актуальности этой духовной грамоты после получения ярлыка [8, с. 22, 31]. В целом, второе завещание порождает ряд трудно разрешимых вопросов. Витовт заверил его первым, а к третьему завещанию его печать была прикреплена в литовской канцелярии последней, после печатей великого князя московского и его братьев. Во втором завещании было предусмотрено место только для печати Василия I и изначально не планировалось

² Цитаты воспроизводятся в упрощенной орфографии.

размещение печатей его братьев [19, с. 197–199]. Непонятна мотивация составления в феврале – начале марта 1423 г. Василием I завещания, в котором при явном желании сделать преемником сына признается лишь вероятность перехода к нему престола. При этом, как полагает не без оснований А.А. Горский, практически одновременно ведутся переговоры о ярлыке, после получения которого составляется новое завещание. Почему бы сначала не заручиться ярлыком, и потом составить завещание в желаемом варианте? Вместе с тем, осталась без внимания вероятность оформления ярлыка в период пребывания Улуг Мухаммада у Витовта осенью и зимой 1424–1425 гг.

В письме верховному магистру Тевтонского ордена от 1 января 1425 г. Витовт сообщает, что «Татария» переживает такой раздор, что там 6 ханов ведут борьбу за власть, и один из них – «Мухмет», укрылся у него. Из общего контекста событий первой половины 20-х гг. понятно, что это был Улуг Мухаммад [30, № 1181, р. 688; 3, с. 205–210; 4, с. 46]. События, развернувшиеся в русских землях ранее, осенью 1424 г., имевшие прямое отношение к Улуг Мухаммаду, очень способствовали переговорам о ярлыке.

Из летописания и переписки великого князя Литовского с верховным магистром известно о походе на русские земли осенью 1424 г. теснимого Баракком хана Худайдата, еще одного участника ордынской междоусобицы. Он напал на княжество Юрия Романовича Одоевского, вассала Василия I. Статус князя зафиксирован в письме Витовта с рассказом о походе Худайдата (*Herczog von Odoioiw ist des grosfurstes von Moskouwien man*). Одоевское княжество хан грабил 3 недели, потом вторгся в восточные окраины великого княжества Литовского, 8 дней провел под Тулой и оттуда направился во владения рязанских князей, признававших тогда сюзеренитет Витовта. Тот обратился за помощью к зятю, великому князю московскому. В итоге Худайдат был разбит объединенными усилиями войска, состоявшего из ратей вассалов Витовта и Юрия Романовича Одоевского. Активное участие в этом, наряду с людьми Витовта, князя вассала Василия I имело принципиальное значение, так как московская рать «не поспела» и в разгроме хана не участвовала [30, № 1181, р. 687; 5, с. 182–183]. Между тем, Худайдату было нанесено сокрушительное поражение, многие его люди погибли. Сам он спасся бегством, но в плен попало много знати, ханские жены и сестры. Одна из плененных жен была отправлена Витовту, другая – Василию I [5, с. 182–183; 3, с. 205–210].

В историографии высказаны разные точки зрения по поводу обращения литовского великого князя за помощью к Василию I. А.А. Горский предположил, что заключенное годом ранее соглашение обязало московского великого князя в обмен на ярлык для сына поддерживать Улуг Мухаммада в борьбе с его противниками. Р.А. Беспалов считает, что существовало московско-литовское соглашение о взаимопомощи против набегов татар [7, с. 138, сн. 109; 3, с. 208]. В любом случае, и обращение Витовта за помощью в Москву, и значимая роль в разгроме Худайдата одоевского князя, «человека» Василия I, и отправка ханши в качестве трофея в Москву, очевидно для демонстрации причастности Василия I к военной операции³, все это создало бы

³ Активная помощь Витовта Василию Дмитриевичу была связана не столько с тем, что речь шла о правах его внука, сколько из-за опасности перехода великого княжения Московского к Юрию Дмитриевичу, потенциальному союзнику боровшегося за власть в великом княжестве Литовском двоюродного брата Витовта Свидригайла [19, с. 199].

благотворную почву для переговоров с ханом о ярлыке, если бы таковые планировались. Других столь же благоприятствующих этому обстоятельств с марта 1423 до 27 февраля 1425 г. (день смерти Василия I) не находится.

Таким образом, просматриваются два варианта времени выдачи Улуг Мухаммадом ярлыка на великое княжение Василию II при жизни его отца.

I. 1423 г., понятно, что после 3 марта (самая ранняя дата отъезда Алексея Стромиллова из Москвы), вероятнее – не ранее приезда Софьи Витовтовны с наследником к отцу (после 6 марта). Обосновавший эту датировку А.А. Горский отдает предпочтение периоду с мая до конца лета 1423 г. [8, с. 33]. При этом ничто не мешает допущению, что в 1423 г. попытка получить ярлык была предпринята, но не увенчалась успехом. Документальным подтверждением существования ярлыка (наряду с летописным известием, не дающим информации о времени его выдачи) можно считать третье завещание, но на нем нет даты, и можно только утверждать, что оно составлено между февралем 1423 г. и 27 февраля 1425 г. Обосновывая мнение о выдаче ярлыка в середине 1423 г., А.А. Горский исходит из того, что при составлении завещания был задействован в качестве «образца» список, а не подлинник второй духовной грамоты; кроме того, работа была поручена не писцу обоих актов – Алексею Стромиллову, а дьяку Тимофею Ачкасову. А.А. Горский предположил, что на момент составления третьей духовной грамоты оригинал второй находился у Алексея Стромиллова, сопровождавшего митрополита Фотия в многомесячной поездке по владениям Витовта [8, с. 32]. Но из факта выезда Алексея Стромиллова к Витовту вместе с митрополитом не следует однозначно (это признает А.А. Горский, приводя доводы в пользу своей версии), что Алексей Стромиллов оставался при митрополите. Привлечение Тимофея Ачкасова могло иметь разные причины, включая отсутствие Алексея Стромиллова, но, например, по болезни. Можно найти другое объяснение и «незадействованности» подлинника второго завещания: работать с грамотой без печати было сподручнее и целесообразно для лучшей сохранности оригинала. Примером того, как использование документа сказывалось на его состоянии, могут служить как раз последние завещания Василия I: печать Витовта на оригинале второго дошла в идеальном состоянии, в отличие от большей части печатей куда более востребованного финального [19, илл.]. К аргументам против составления последнего завещания, увязываемого с ярлыком, в 1423 г., следует добавить еще один, более существенный, А.А. Горским проигнорированный. При его оформлении в числе бояр-свидетелей не было Михаила Федоровича Фоминского, входившего в круг «больших» бояр – постоянных членов совета при великом князе, так называемой «Боярской думы». В последний раз он упоминается как заверитель жалованной льготной и несудимой грамоты Василия Дмитриевича, выданной Ивану Кафтыреву 30 января 1424 г. [1, № 239, с. 260–261], что может свидетельствовать о составлении финального завещания после этой даты.

II. 1 сентября 1424 (поход Худайдата) – 27 февраля 1425 г. (день смерти Василия I). Думается, этот вариант предпочтительнее: он лучше увязывается и с исторической ситуацией, и датировкой последнего завещания Василия I. Это время выдачи ярлыка соотносится с одним из рассмотренных А.А. Горским вариантов датировки духовной грамоты, что говорит в его пользу. В третьей духовной грамоте Василия I Нижегородское княжество завещано им

сыну условно: «А оже ми дасть богъ Новъгородъ Нижнии, и аз Новъгородомъ Нижнимъ благ(о)словляю с(ы)на своего» [10, № 21, с. 59]. Вторичный выход на нижегородское княжение Даниила Борисовича по одной из датировок А.А. Горского состоялся как раз осенью 1424 г. [8, с. 31–32]. Если это было именно так, то завещание составлено после этого события.

Наблюдения, дающие материал для сужения датировки завещания, не добавляют конкретики, но позволяют отнести его скорее к последним месяцам 1424 г.; соответственно, выдача ярлыка, скорее всего, состоялась осенью 1424 г.

Худайдат вторгся в русские земли, будучи разгромленным Бараком 31 августа 1424 г. [17, с. 245]. Поход Худайдата длился не менее месяца. По его окончании какое-то время могло уйти на переговоры о ярлыке, доставку документа или сообщения о достигнутой договоренности в Москву. Это сдвигает границу датировки его выдачи по меньшей мере на месяц. В таком случае составление духовной грамоты состоялось не ранее октября 1424 г., хотя нельзя исключить того, что Витовт, выступая посредником, мог получить ярлык и до разгрома Худайдата, убедив Улуг Мухаммада в важности совместных действий с Василием I и его готовности оказать помощь.

Из текста об условном завещании Василием I сыну Нижегородского княжества («А оже ми дасть богъ Новъгородъ Нижнии») явствует, что Василий Дмитриевич допускал для себя возможность еще успеть обрести его лично, поэтому можно думать, что на момент составления завещания его физическое состояние было благополучным, и можно заключить, что завещание не было предсмертным.

Заблаговременное оформление духовной грамоты было логично в условиях ожидаемой борьбы за престол после смерти Василия Дмитриевича, несомненно стремившегося максимально гарантировать его переход к сыну (в частности, лучше было заранее добиться согласия братьев и заверить завещание Витовтом – главным гарантом исполнения). Составление Василием I двух первых завещаний задолго до смерти (первое – лет за 18, второе – за 2 года) и получение прижизненного ярлыка для сына говорит о его предусмотрительности. В контекст мероприятий по закреплению великого княжения за сыном вписывается вероятность провозглашения Василием I сына великим князем⁴. Бесспорных сведений об их соправительстве нет, но есть 2 ненадежных свидетельства.

1. Согласно Степенной книге, Софья Витовтовна «по преставлении державнаго супруга своего увѣща всѣхъ боляръ, и сановниковъ, и рядниковъ и всѣхъ чиновниковъ, еже быти имъ *неотступнымъ* отъ сына ея» [25, с. 130–131]⁵, что можно истолковать как апелляцию к уже принесенной членами

⁴ Возраст Василия (родился 10 марта 1415 г.) не должен восприниматься как непреодолимое препятствие. В свое время его преемник Иван III стал великим князем при жизни отца в таком же возрасте [11, с. 133].

⁵ Степенная книга царского родословия, будучи памятником XVI в., содержит целый ряд уникальных известий, относительно достоверности которых высказывались взаимоисключающие суждения. Изучив источники Степенной книги и методы работы с ними создателя памятника, А.С. Усачев пришел к выводу, что «основу работы автора составляли отбор, сокращение, интерпретация известий, но никак не их вымысел» [26, с. 211–216; 27, с. 210, 212, 213, 240].

Двора присяге верности Василию Васильевичу при жизни отца, так как в древнерусской служебной терминологии «отступить» значило разорвать отношения между господином и слугой.

2. В.Л. Янин обратил внимание на известие, читаемое только в Воскресенской летописи (передающей официальный Московский летописный свод конца XV в. по спискам более древним в сравнении с другими летописями [13, с. 228]), помещенное сразу после сообщения о походе Худайдата, о заключении в 1424 г. договора Новгорода с московским великим князем «Василием». Судя по тексту летописи, это был договор, которым традиционно оформлялся великокняжеский суверенитет над Новгородом [6, с. 92]. По мнению В.Л. Янина, так как никаких видимых причин для возобновления такого договора с Василием I в то время не было, то имело место заключение договора с его преемником [29, с. 173–177]. К приведенному им доводу можно добавить отсутствие при имени возрастного Василия I отчества, что не типично.

Итак, внесению Василием I в предсмертное завещание распоряжения о передаче великого княжения сыну предшествовали усилия по приданию его воле максимальной юридической безупречности, тогда еще традиционно сопрягаемой с получением санкции правителя Золотой Орды. В условиях шедшей в ней острой борьбы за верховную власть благодаря ее активному участнику – великому князю литовскому Витовту, Василию Дмитриевичу удалось получить ярлык для сына от основного претендента на сарайский престол – Улуг Мухаммада. Это могло произойти в середине 1423 г., но вероятнее, осенью 1424 г. (при строгой датировке: 1 сентября 1424 г. – 27 февраля 1425 г.), после чего Василием I сразу же была оформлена духовная грамота, в которой он завещал престол сыну. Возможно, наследник был провозглашен великим князем и официально стал соправителем отца. Ярлык, полученный от Улуг Мухаммада, помог добиться согласия братьев Василия I на передачу престола племяннику, что наряду с поддержкой Витовта стало одним из факторов, позволивших окружению малолетнего Василия II удержать за ним великое княжение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Издательство АН СССР, 1964. Т. III. 687 с.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.: ин-т истории АН СССР, 1951. Т. 1. 400 с.
3. *Беспалов Р.А.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2009. Вып. 4. С. 205–210.
4. *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2013. Вып. 5. С. 30–52.
5. Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. Т. 26. 432 с.
6. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 8. 312 с.
7. *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
8. *Горский А.А.* Завещания Василия I Дмитриевича: проблемы последовательности и датировки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1 (67). С. 20–34.

9. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. 202 с.
10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Ред. С.В. Бахрушина. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 585 с.
11. *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 288 с.
12. *Кучкин В.А.* Завещание Василия II и приписная к нему грамота // Труды института Российской истории. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2019. Вып. 15. С. 21–35.
13. *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородках – «новом» и «меньшом» // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 227–238.
14. *Кучкин В.А., Муравьева Л.Л.* Предисловие // Полное собрание русских летописей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. С. 3–6.
15. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
16. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 26. 488 с.
17. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 12. 272 с.
18. *Парунин А.В.* Политическая история Золотой Орды в 1419–1427 гг. // Золотоордынское обозрение. 2019. № 7 (3). С. 434–460. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.434-460.
19. *Полехов С.В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2016. Вып. 12. С. 183–200.
20. *Пономарев А.Л.* Первые ханы кыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
21. *Пономарева И.Г.* Дьяки и подьячие Василия Темного: (Поименный список) // Археографический ежегодник за 2006 год. М.: Наука, 2011. С. 118–142.
22. *Пономарева И.Г.* К датировке первого договора московского великого князя Василия II с удельными князьями Иваном Андреевичем Можайским и Михаилом Андреевичем Верейским // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. С. 362–364.
23. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг.: Тип. Я. Башмаков и Ко, 1918. 468 с.
24. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
25. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2. 568 с.
26. *Усачев А.С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 210–222.
27. *Усачев А.С.* Источники Степенной книги по русской истории XIII–XV вв. // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. 8. С. 176–216.
28. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Ч. 1. 469 с.
29. *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.
30. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1376–1430 / Collectus Opera Antonii Prochaska // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia Krakoviae, 1882. Т. 6. 1113 p.

Сведения об авторе: Ирина Гавриловна Пономарева – кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (119034, ул. Остоженка, 38, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9256-4131, Researcher ID: P-1557-2019. E-mail: vasilii_ii@mail.ru

Поступила 19.05.2021 Принята к публикации 10.08.2021
Опубликована 29.09.2021

REFERENCES

1. *Acts of the Socio-economic History of Northeastern Rus' from the end of fourteenth to beginning of sixteenth century*. Cherepnin L.V. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1964, vol. 3. 687 p. (In Russian)
2. *Acts of Feudal Land Tenure and Economy*. Bakhrushin S.V. (ed.). Moscow: Institut istorii AN SSSR, 1951, vol. 1. 400 p. (In Russian)
3. Bepalov R.A. The battle between coalition of the Upper Oka region's feudal lords and Kuydadat Khan in the fall of 1424. *The Upper Don Region: Archaeology. History*. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", 2009, iss. 4, pp. 205–210. (In Russian)
4. Bepalov R.A. Lithuanian-Horde relations in 1419–1429. *Materials on Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea*. 2013, iss. 5, pp. 30–52. (In Russian)
5. Vologda-Perm Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2006, vol. 26. 432 p. (In Russian)
6. The Chronicle from the monastery of the Resurrection. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Moscow: Languages of Russian culture, 2001, vol. 8. 312 p. (In Russian)
7. Gorskiy A.A. *Moscow and the Horde*. Moscow: Nauka, 2000. 214 p. (In Russian)
8. Gorskiy A.A. Testaments of Vasily I Dmitrievich: Problems of sequence and dating. *Questions of Medieval Studies*. 2017, no. 1 (67), pp. 20–34. (In Russian)
9. Gustyn Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003, vol. 40. 202 p. (In Russian)
10. *The Spiritual and Contract Charters of the Great and Appanage Princes from the fourteenth to sixteenth centuries*. Bakhrushin S.V. (ed.). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 585 p. (In Russian)
11. Zimin A.A. *A Knight at the Crossroads*. Moscow: Mysl', 1991. 288 p. (In Russian)
12. Kuchkin V.A. The testament of Vasily II and the charter attributed to it. *Works of the Institute of Russian History*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN, 2019, iss. 15, pp. 21–35. (In Russian)
13. Kuchkin V.A. About Nizhny Novgorods: The "New" and the "Minor". Idem. *The Volga-Oka Interfluve and Nizhny Novgorod in the Middle Ages*. Nizhny Novgorod: Kuarts, 2011, pp. 227–238. (In Russian)
14. Kuchkin V.A., Murav'eva L.L. Introduction. *Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003, vol. 40, pp. 3–6. (In Russian)
15. Lur'e Ya.S. *Two Histories of Russia of the fifteenth century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1994. 240 p. (In Russian)
16. The Moscow Chronicle Compendium of the end of fifteenth century. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, vol. 26. 488 p. (In Russian)
17. Nikon Chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2000, vol. 12. 272 p. (In Russian)

18. Parunin A.V. The political history of the Golden Horde in 1419–1427. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 434–460. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.434-460. (In Russian)
19. Polekhov S.V. The last testaments of Vasily I and the seals of Vytautas. *Medieval Rus'*. Moscow: Indrik, 2016, iss. 12, pp. 183–200. (In Russian)
20. Ponomarev A.L. The first khans of the Crimea: The chronology of the troubles of the 1420s in the accounts of the Genoese treasury of Kaffa. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)
21. Ponomareva I.G. The dyaks and podyachyehs of Vasily the Blind: List of names. *The Archaeographic Yearbook for 2006*. Moscow: Nauka, 2011, pp. 118–142. (In Russian)
22. Ponomareva I.G. On the dating of the first treaty of the Moscow Grand Prince Vasily II with the appanage princes Ivan Andreevich Mozhaisky and Mikhail Andreevich Vereisky. *Auxiliary Historical Disciplines and Source Studies: Modern Research and Development Prospects. Proceedings of the XXVII International Research Conference*. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2015, pp. 362–364. (In Russian)
23. Presnyakov A.E. *The Formation of the Great Russian State*. Petrograd: Tipografiya Ya. Bashmakov i Ko, 1918. 468 p. (In Russian)
24. Safargaliev M.G. *The Collapse of the Golden Horde*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 279 p. (In Russian)
25. *The Book of Degrees of the Royal Genealogy according to the Most Ancient Copies*. Pokrovskiy N.N., Lenhoff G.D. (eds). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, vol. 2. 568 p. (In Russian)
26. Usachev A.S. Sources of the Degree Book on the history of pre-Mongol Rus'. *Medieval Rus'*. Moscow: Indrik, 2006, iss. 6, pp. 210–222. (In Russian)
27. Usachev A.S. Sources of the Degree Book on Russian history from the thirteenth to fifteenth centuries. *Medieval Rus'*. Moscow: Indrik, 2009, iss. 8, pp. 176–216. (In Russian)
28. Cherepnin L.V. *Russian Feudal Archives of the fourteenth and fifteenth centuries*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948, part 1. 469 p. (In Russian)
29. Yanin V.L. *Novgorod Acts from the twelfth to fifteenth centuries. Chronological Commentary*. Moscow: Nauka, 1990. 384 p. (In Russian)
30. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1376–1430. Prochaska A. (ed.). *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia Krakoviae*. Krakow, 1882, vol. 6. 1113 p. (In Latin)

About the author: Irina G. Ponomareva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Moscow State Linguistic University (119034, Ostozhenka Str., 38, Moscow, Russian Federation). E-mail: vasiliy_ii@mail.ru

*Received May 19, 2021 Accepted for publication August 10, 2021
Published September 29, 2021*

УДК 94(47).066

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.593-610

**NIKOLAI RYCHKOV'S MAP
OF ISKE (INNER OR OLD) KAZAN OF 4 JULY 1770**

***Kees Boterbloem*¹, *Almaz Khabibullin*², *Rawil Fakhruллин*³**

¹ *History Department, University of South Florida
Tampa, Florida, USA
cboterbl@usf.edu*

² *LLC "AvanProect"
Kazan, Russian Federation*

³ *Institute of fundamental medicine and biology, Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
kazanbio@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* On the basis of a recently discovered map – found in the manuscript library of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg – of Iske Kazan's fortification made by N.P. Rychkov in 1770, this article investigates the manner in which its population protected itself against its foes in the restless era that witnessed the dissolution of the Golden Horde and the transition to the Kazan khanate. It additionally asks why in fact this map was composed.

Research materials: Combining the evidence of Rychkov's map with archaeological findings and in dialogue with the relevant historiography, the authors place the map in its historical context and ponder its significance, and suggest why this map was made in 1770.

Results and novelty of the research: It appears that Iske Kazan's inhabitants turned to a unique manner to defend themselves against their enemies, using a wall-moat-wall design to prevent any storming by mounted troops, different from what has been hitherto thought about the ruins of this defensive structure. This manner of defending seems eminently well suited to the restless conditions prevailing in the Volga-Kama region around 1400 and the art of war as practiced in this region. The article additionally suggests why this map was made in 1770, linking it to the general desire of the Romanov government to discover much more precisely how its subjects lived their lives. This impetus was born from the introduction of the Western-European scientific mindset in Peter I's reign, which paid much closer heed to a realistic understanding of nature and culture. The Russian Academy of Sciences mounted from the 1720s onward a host of scientific expeditions, which almost resemble voyages of discovery, to map the tsarist empire, of which Rychkov's travels formed a part. The article hints at the possibility that such fact-finding missions gradually allowed the central government in St. Petersburg to increase its power over its subject peoples.

Keywords: Golden Horde, Kazan khanate, Iske Kazan. N.P. Rychkov, Scientific Revolution, Republic of Letters, archaeology, cartography, fortification

For citation: Boterbloem K., Khabibullin A., Fakhruллин R. Nikolai Rychkov's Map of Iske (Inner or Old) Kazan of 4 July 1770. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 593–610. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.593-610

Much has been written, even in English, about the history of the Bulg(h)ar-Tatar region (more or less the territory of the contemporary Tatar Republic – Tatarstan – of the Russian Federation) [1; 8; 11; 14; 15; 16; 38; 39; 40; 45; 48].

Little of any substantial scholarship, however, has ever been published in English regarding the history of this easternmost region of Europe (as defined by Strahlenberg) before Kazan's conquest by Tsar Ivan IV in 1552 [44]¹. Our work here is a modest contribution in this direction.

It is meanwhile true as well that many questions need further clarification regarding the subsequent, "Russian-Muscovite," pre-1800 era of Kazan and Tatar history, which has often been as much understudied as the pre-1552 era [except for 38]. In fact, the "modern" study of the former khanate began before 1800, driven by the scientific expeditions dispatched by Tsar Peter I and the Academy of Sciences, even if these were more than anything voyages of discovery (N.P. Rychkov's 1769 and 1770 trips were part of them) [3; 46]. As a sort of fact-finding missions, they limited themselves mainly to a search for ethnographic curiosities, but were hindered by a lack of linguistic ability and ignorance about the local history of the places described. No one among the explorers dispatched to the "remote corners" of the Russian empire seems to have prepared by undertaking an investigation of the records of such relevant former government offices such as that of Kazan or Siberia, which had been dissolved in Peter's reign (the *prikaz Kazanskogo dvortsa* and the *Sibirskii prikaz*, of which the records are now kept at the *RGADA* archive in Moscow).

But at least these expeditions were rooted in some of the more fruitful approaches of the *Scientific Revolution* that had swept the European *Republic of Letters* after 1650, such as the importance of careful observation of natural processes (of which Antonie Van Leeuwenhoek's microscopic investigations are one celebrated example) [on the Scientific Revolution: 23; 37]. It might be proposed as well that a similar – and linked – desire to record nature in especially Western-European iconography in precise detail exerted an influence on the travel of Rychkov and others. This meticulous style of rendering natural observations is evident in Dutch still-life paintings and even more in the work of Maria Sibylla Merian (1647–1717) and of Rachel Ruysch (1664–1750), daughter of Frederick Ruysch, whose curiosity cabinet was purchased by Peter I and brought to St. Petersburg [9; 13]. Toward 1700, this manner of representation of nature began within the Russian empire to supersede the Orthodox-Christian and Islamic traditions that traditionally rejected realistic representation. Cornelis de Bruijn painted portraits of the tsar's family in this precise Western style in the early 1700s, and the Hague artist went on to render very precise images of some of the more outstanding landmarks of the tsar's realm, including the cityscapes of some of his towns – such as Kazan – in a pioneering effort [4]. "Scientific" map-making, too, was exemplified in the 1687 map of "North- and East Tartary" that was given to Peter I – and which clearly captured his imagination – and replaced the traditional Russian way of making maps [25; 31; 47]. This embrace of scientific methods and precise rendition of what is observed in nature is evidenced by N.P. Rychkov's map. Finally, the strong interest in the science behind fortifications, ballistics and military engineering, expressed most famously in the seventeenth-century works by the Frenchman Vauban and the Dutchman Coehoorn, which is palpable in European warfare in the seventeenth and eighteenth century (and which Peter I shared) is apparent from Rychkov's map [7; 28; 29]. One of Coehoorn's translators was

¹ For Russian works about the Bulgar state, see especially [41, p. 421–561].

Iakov Brius, a key moderniser among Peter's retainers. Both the Dutchman Frans Timmerman and Andrei Vinius, who had Dutch roots and read the Dutch language with ease, aided Peter I's understanding of ballistics and mathematics, and thereby, it seems, introducing him to the evolving Western-European ideas about fortifications and artillery.

* * *

Among English-language readers and Western scholars it is generally known, nonetheless, how the Chinggisid empire fell apart after its heyday in the thirteenth century, with its eastern European parts first being joined together in the Qipchak Golden Horde and then further dividing into smaller polities, a process that may have been linked to the bubonic plague pandemic (the Black Death) engulfing Eurasia toward 1350 and the subsequent unrest associated with the exploits of Timur Gurkani (Tamerlane, 1336–1405) [6; 20; 21; 22; 30; 33].

In the wake of Timur's invasion of the Volga region in pursuit of Tokhtamysh, we witness the emergence of a state on the Kama river of which Iske Kazan, some 40–50 kilometres from its drainage into the Volga, is an, or perhaps even the, important center for about half a century. Iske Kazan's flourishing was a first stage in history of the Kazan khanate that was to flourish in the middle Volga region for almost 150 years, from the early-to-mid-fifteenth to the mid-sixteenth century. Superseded by Kazan after 1440, it is unknown when Iske Kazan was altogether abandoned, although it seems to have lost a lot of its political and economic significance from about the mid-fifteenth century onward. Nonetheless, it may have still been populated by Tatars for several more centuries, and it remained a sacred locus for the Muslim populations in the region.

Since Henri Pirenne noted the importance of the rise of the city in medieval Europe, it has become a commonplace to suggest that one of the key questions regarding any pre-modern or medieval town is its role and location within the polity or polities (states) in which it developed, like Iske Kazan within the fledgling Kazan khanate [34; 35]; Rorlich makes a similar argument about the Bulgar state [39, p. 15]. Linked to this are usually questions about such towns' defensive capacity and fortifications. Besides being indicative of the size or significance of the city, surviving fragments and remnants of walls and moats allow us to appreciate the state of technology, especially of civil engineering, when a fortress was built. This is the case as well for Tatar cities that sport a wide array of defensive structures, which makes the study of their fortifications a fruitful and thought-provoking endeavour. Functioning from the fourteenth to the sixteenth centuries, the fortress town of Iske Kazan is one of such enigmatic fortresses. Its significance is evident from numismatic study, which indicates that Iske Kazan might have struck its own coins, and it is quite possible that its fortification was connected to the appearance of a mint in the city. Moreover, the proximity of this fortress town to the territory populated by the Mari and Udmurts may also allow us to appreciate its history within the more general history of other border settlements.

The former townlet of Iske Kazan (which means "Old Kazan" in Tatar) on the Kazansu river is nowadays seen as one of the best preserved monuments of the republic of Tatarstan. Its roots likely predate the Mongolian period, emerging as a market town with some artisan activity, which was eventually fortified as a citadel.

The settlement was located on a plateau on the right bank of the Kama, not far from the current villages Kamaevo and Tatarskaia Aisha in the Vysokogorskii district. Some scholars have long suggested that Kazan was founded by migrants from Iske Kazan [10]. Several researchers believe that the town originally carried the name of Ichke Kazan (which means “Inner Kazan” in Tatar) [12]. At the same time, most scholars reject the idea of Kazan as having been founded by outsiders, and suggest that Kazan was a town that had continually existed since Volga-Bulgar times, predating the conquest of the region by Batu Khan in 1236 and 1237 [39, p. 18–19]. Regardless of the exact link between Kazan and Ichke or Iske Kazan, the use of new sources may yield new insights into the history of Old or Inner Kazan. As one of these sources may serve a hitherto unknown map of Iske Kazan (Library number: Osn. op. 744) that is deposited in the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences’ library in Saint-Petersburg, on which this essay’s analysis focuses (see Illustration 1). As we can see from it, the map is called “Map of the old Tatar town of Iske Kazan, in Russian called Old Kazan”. The map is said to have been drawn on 4 July 1770 (15 July 1770, according to the modern Gregorian Calendar). The map is hand-made and drawn on writing paper of 34 by 56 centimetres (within its cadres), in four colours. The scale is 30 *sazhen*’ per inch (*duim*, an originally Dutch measurement meaning “thumb,” showing the significant Dutch influence on cartography), or 1 centimetre to 2,520 centimetres according to the metric system, with four straight corners (see Illustration 1). On the map are depicted the territory of the town of Iske Kazan, indicated by the letter A (using the Roman script, evidently, another likely sign of the Dutch impact in this field); the place of the location of some stalls (for a market?), under the letter B; the profile of walls and the moat between them, under the letter C; the village of Kamaevo, under the letter D; and, finally, the little river of the Kazanka (Kazansu), under the letter E. While not explained in the caption, the map indicates the road to the Tatar village of Isha (currently, the Tatar settlement of Aisha).

The village of Kamaevo at the left bottom of the map shows geometrically planned streets and a church, while a fence surrounds it, with two gates at its south-east and north-east sides. The depicted course of the Kazansu is wholly different from what it is today, but a study of the course of the Kazansu over time from satellite pictures allows one to surmise that this course change has repeatedly occurred. Because of this, one cannot assume the course of the Kazansu in 1770 would have been the same as at the time of the construction of the ditch and the walls of Iske Kazan (somewhere in the two centuries before 1552).

The map’s author can be identified with a fairly high degree of certainty. While any kind of written source incontrovertibly identifying him is missing, its precise dating allows us to suggest that in all likelihood its author was Nikolai Petrovich Rychkov (1746–1784), one of Russia’s first ethnographers. Rychkov visited Kazan from 1 to 4 July 1770, about which sojourn he left a description in his travel account [42]. A year earlier Rychkov had visited a number of nearby settlements, which found reflection in his published work. It contains among other things further relevant information about the then state of medieval Tatar towns and contains maps of a number of places similar to our publication’s map. The general style and method of the sketching of the fortification (walls and moat) on Iske Kazan’s map is similar to maps of other Tatar towns Rychkov completed before his visit to Iske Kazan [43].

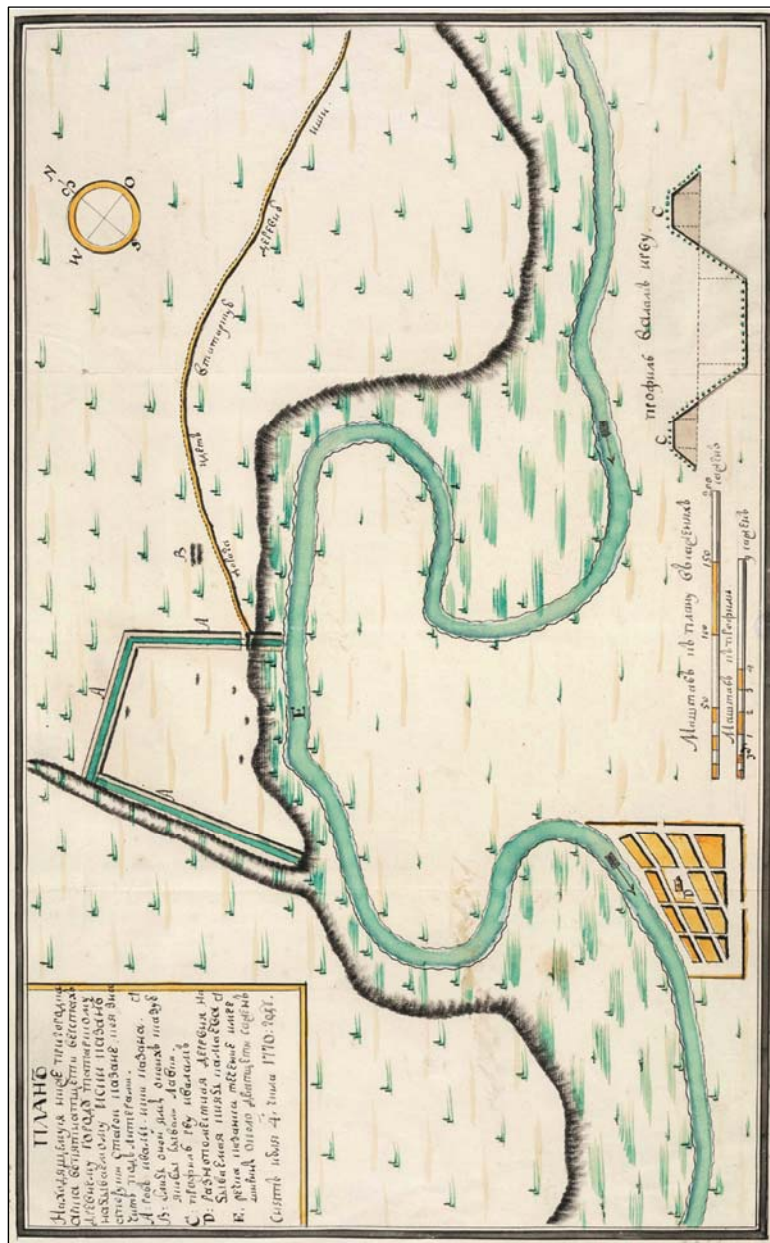

Illustration 1. Map of the Tatar town of Iske Kazan (“Plan drevnemu tatarskomu gorodu Iskikazan, a po russki nazivaemomu Staraja Kazan’. 1770 g.”. Manuscript Department, Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg) (Library number: Osn. op. 744). Its handwritten legend reads:

- Map of the Tatar town that is called Iske Kazan, or in Russian Old Kazan, located fifteen versts below the settlement of Arsk, on which the letters mean:
 - A – Moat and wall of Iske Kazan
 - B – Near one post about which it is said that there were market stalls
 - C – Profile of moat and wall
 - D – Village belonging to various owners, called Prince Kamaeva (*Kniaz Kamaeva*)
 - E – The rivulet Kazanka, which is about twenty *sazhen*’ wide.
- Sketched on 4 July 1770

For unknown reasons, the map of Iske Kazan was not published by Rychkov, and has until now been overlooked by researchers. This map's key historical significance lies in its extremely precise depiction of the manner of the town's fortification, as well as its careful determination of the quantitative parameters of the structure and profile of the walls and the moat in between them. An analysis of the map allows us to scrupulously pinpoint the structure and dimensions of its medieval fortification.

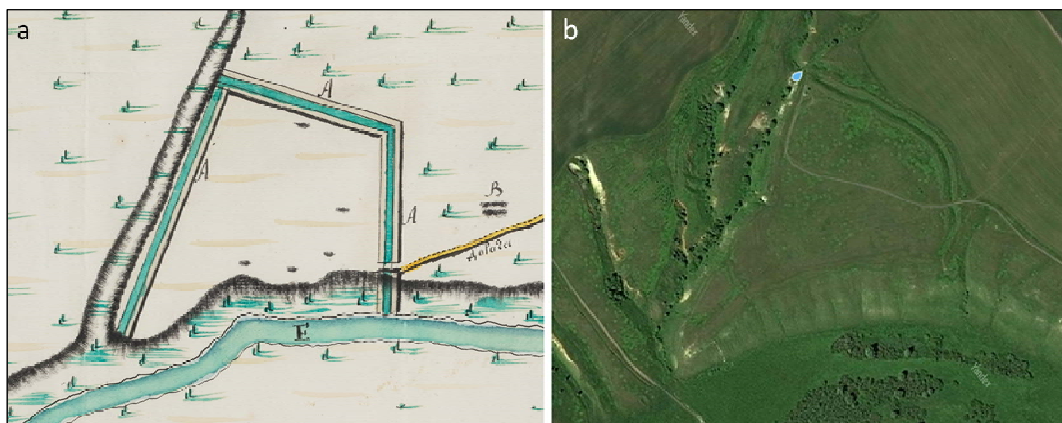

Illustration 2. Rychkov's 1770 map (a) and satellite picture (b) of same area (Yandex.ru maps service was used to obtain the satellite map)

Several scholarly works suggest that Iske Kazan was defended at the northside by two walls with a moat between them, although a part of these reinforcements are identified as an indistinguishable “northern wall” [17]. Similarly, the existence of a short southern defensive rampart is indicated, covering the promontory between the plateau along the Kazansu river and the ravine [17, p. 127; 10, p. 138; 24]. Thus, the consensus in reconstructing the fortification of Iske Kazan was that it was based on two parallel systems of walls and moats, linked by opposite sides of the promontory to the north and south. Additionally, the existence or use of wooden fortification structures has been suggested, located both on the walls and on the edge of the ravine (west) and the plateau (east) [19].

The depiction of the town's fortification on the 1770 map, however, indicates a fundamentally different manner of the building of Iske Kazan's fortification. Judging from the nature of the rendition, at the moment that the sketch was made its defensive system survived to much a greater degree than today. The fortification it depicts appears to be a structure consisting of two trapezoid-shaped walls of practically similar height and width and a deep moat between the walls. Illustration 3 shows a fragment of the 1770 map, depicting the profile of these walls and the moat between them, as well as a graphic reconstruction allowing an estimate of the dimensions of the fortification's parts.

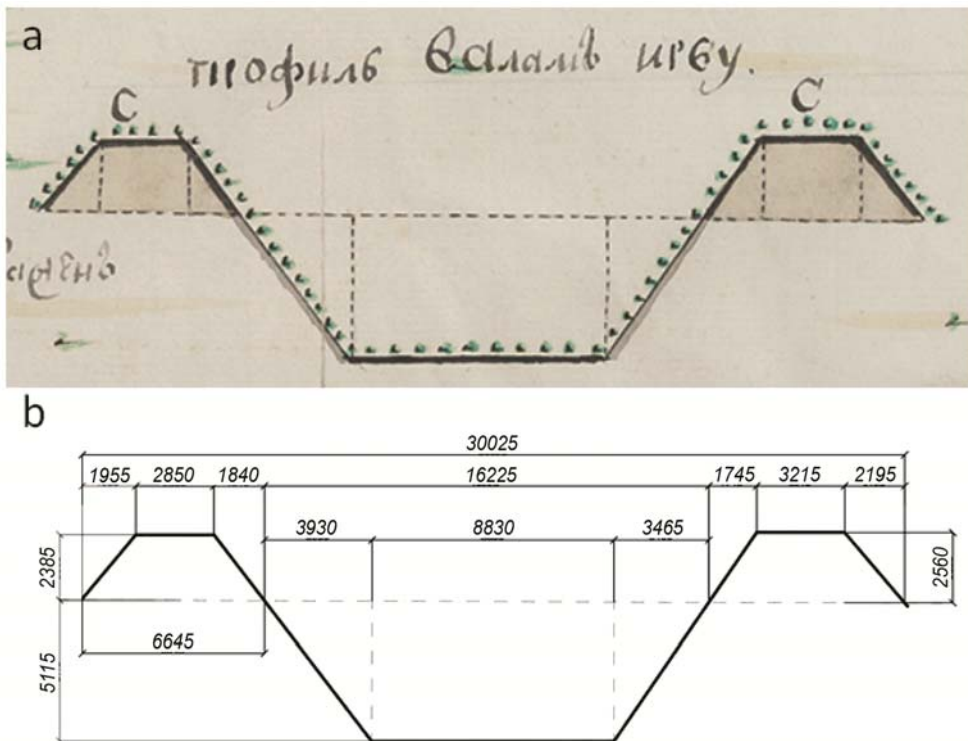

Illustration 3. Part of the 1770 map, depicting the walls-and-moat profile (a), and their graphic reconfiguration indicating its metric measurements (b)

In this way, the most apt term to describe the fortification of the town of Iske Kazan appears to be that of “wall-moat-wall”. Table 1 allows to compare the dimensions of the wall-moat-wall defense, as indicated according to map’s scale with contemporary dimensions from an earlier publication [17, p. 127].

Table 1

	Gubaidullin [17]		1770 Map	
	Height (depth, in metres)	Width (in metres)	Height (depth, in metres)	Width (in metres)
Inside wall	2.5 – 3	10–14	2.4	6.6
Outside wall	1 – 1.5	6	2.6	7.2
Moat between walls	3	10–14	5	16

Table 1 makes evident that, in the course of the more than 240 years that has passed after their depiction on the 1770 map, a partially unequal diminishing of the walls and growth in the height of the moat’s soil has occurred. Today, the outside wall is almost twice as low and narrow as the internal wall, whereas they had almost the same height and width a quarter millennium ago. It should be noted that the lowering of the height of the walls and the lessening of the moat’s depth has

been accompanied by a significant widening of the internal wall, whereas the width of the outside wall somewhat has shrunk in comparison with 1770. We apparently are dealing with uneven erosion here.

It was earlier noted that the initial depth of the moat was 4.6 to 4.8 metres, which is slightly less than Rychkov's height of 5 metres, but fully accords with a slow natural filling up of the moat, and appears to confirm the precision of Rychkov's measurements [5]. Furthermore, one cannot exclude the diminution of the external wall's height as part of a process to transfer soil for ploughing purposes outside of the settlement in the course of almost 250 years. Judging from the contemporary state of the inner wall, we suggest that the lowering of its height did not occur because of the wall's destruction, but because of the level of the ground's heightening caused by the cultivated soil that was adjacent to the wall. It is likely that, in a reconstruction of the baseline view of the fortification, it suffices to remove a part of the accumulated soil from the outside wall. Today the height of both walls is almost the same, if measured from the floor of the moat, even if, when measured from the top of the surface from the outside of the floor on the side of the outside wall, it is markedly lower than on the inside, which conforms to Gaibadullin's measurements [19, p. 174].

A reconstruction of the fortifications of Iske Kazan therefore needs to be based on the initial building of what were once earthen reinforcements, as depicted by Rychkov on his 1770 map. In a number of published works a graphic depiction of Iske Kazan is rendered, according to which the town was surrounded by walls and moat, in addition to which the outside wall had a wooden palisade, and the interior wall a closed wooden fence. Such a reconstruction, evidently, is based on an erroneous estimate of the dimensions of the outer and inner walls. Certainly, if the outside wall was considerably lower than the inner one, then such a reinforcement would have been logical, even if in this case, too, a question arises about the function of the moat, which instead of serving as an obstacle against those attempting to storm the town, would instead serve in effect as a hindrance for the transfer of the town's defenders between its inner and outer fortifications. The written notes of Rychkov about the structure of the earthen fortification of Iske Kazan allows us to suggest that neither a wooden wall nor a palisade ever existed. In all likelihood, the fortification, consisting of two relatively low walls with a deep and wide moat between them was aimed at protecting the town from the enemy's cavalry and prevent its capture by stealth. During a well-organised siege using foot soldiers and siege equipment, such a fortification would not provide an adequate defence; it is, however, to be noted that the appearance of fortifications in Tatar towns coincides with a period of instability affecting the Golden Horde, during which the greatest danger for the towns were the mounted units of the competing claimants to supremacy in the Golden Horde, not fully equipped siege armies [27, p. 70]. The erection of Iske Kazan's fortification might also have been linked to the early phase of the "gunpowder revolution" of the fourteenth century, which saw the appearance of cannon among the Tatars. One might recognise a reflection of this in the absence of a forward line of defense composed of many walls, which had been typical of the previous period of the united Golden Horde.

The structure in itself reminds of the later fortification to which bastions would be added, which only appeared in Russia during Peter I's reign. Meanwhile, the Tatar tactics of exhausting the enemy through frequent diversionary sorties, known

from the 1552 siege of Kazan, could be used with such a fortress as Iske Kazan's. One might draw a preliminary conclusion and distinguish Russian from Tatar fortifications and observe the absence of the more common wood-and-soil structure in this fortress [26]. When seen from the tactics that were in use, it is likely that a high observation tower existed to deliver signals to cavalry units or nearby fortresses. In other words, the fortifications of Iske Kazan that appeared in these conditions fulfilled the same role as Bolgar's fortification, which, according to recent scholarship also consisted of the wall-moat-wall system, and similarly lacked palisades, wooden fences, and towers [27, p. 66–70]. The only difference was that Bolgar was defended by one wall and a moat before it, and Iske Kazan by two walls with a moat between. A graphic depiction of the wall-moat-wall is given in our fourth illustration, which is accompanied by contemporary photographs of similar parts of Iske Kazan's fortification as they survive today. Little figures of people on foot and horseback have been added to illustrate the dimensions.

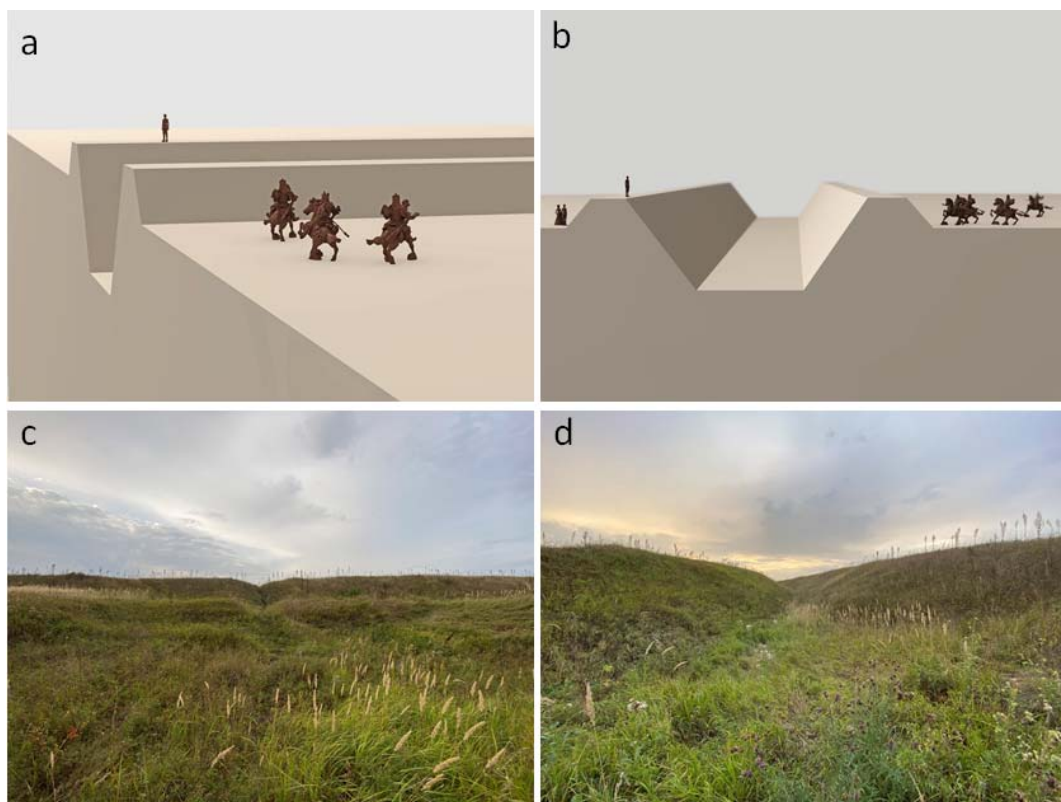

Illustration 4. Graphic reconstruction (a, b) and contemporary situation (c, d).
The graphic illustrations were made by artist Niyaz Khaziakhmetov

Considering the character of the potential threat (heavy cavalry), it is tempting to suggest an analogy between the efficacy of Iske Kazan's fortifications and the contemporary way of building animal exhibition areas in zoos, which have a deep moat located between two walls of moderate height. Mammals cannot cross such obstacles, which makes the system very effective [2]. It is likely that such a concept made

Iske Kazan's inhabitants develop a similar defensive mechanism to protect their town from hostile cavalry. Taking into account that the military organisation of the town's residents was more likely than anything based on a similar use of cavalry as their foe's, such a system of defence hindered an organised attack on its walls, for attacking horses could not overcome the moat, while archers (or possibly cannon) on the inner wall would quite effectively incur losses on the enemy's horses from their elevated position, as happened elsewhere in the warfare of this period, as at Crécy (1346), Poitiers (1356), or Agincourt (1415) in the Hundred Years' War.

Furthermore, a fast-paced attack by the enemy was impossible, as at any moment a counterattack by the defenders' cavalry might be launched. One might propose that in case of military necessity the defenders' cavalry might launch forays using temporary bridges or similar contraptions that could be thrown across the moat from anywhere within the town. The attackers would not have been able to use such a strategy as they would have to transport on foot equipment to build such bridge-like structures that could reach across to the town's moat. This would have been impossible, as such an effort would have been directly countered either by sorties by one of the defenders' mounted units, or by a rain of arrows from the archers, or fire from the town's artillery.

Such a system of urban defence would additionally allow the town dwellers to quickly depart in case of an overwhelming threat. Such a threat might be a raid by ushkuiniks (Volga or river pirates), who, evidently, would attack on foot. In case ushkuiniks succeeded to reach the town's walls unnoticed and get inside, the residents had the option to save their lives by traversing the walls and moat almost anywhere. There is no information about an ushkuinik attack on Iske Kazan, but several other of the Golden Horde's Tatar towns were certainly subject to ushkuinik attacks, after which they almost immediately recovered from them. It is possible that this recovery was made possible because the town population was able to evacuate during a surprise raid by ushkuiniks, whose number and ferocity might not allow for any other way of dealing with them.

The fortification system of Iske Kazan in 1770 appears to be rectangular. Some of its elements still survive today (the northern and north-east part of the wall-moat-wall system), but its most interesting detail is the partially destroyed wall-moat-wall system in the west, along the edge of the ravine (which is today called the *Lesnoi Ovrage*, or wooded ravine). It is obvious that the outside wall in this sector has not everywhere survived, and in many places the widening of the ravine has led to the destruction of the outside wall of the defensive system. The moat and internal wall, however, as depicted on the 1770 map, still appear commensurate with the surviving elements (the north and north-eastern wall-moat-wall) in terms of their dimensions, especially those located close to the southern part of the plateau along the Kazansu river's shore. The question therefore arises why there was a need for the establishment of a moat along the western border of the town: Why was it necessary to build this sort of fortification in the direct proximity of an existing ravine that seems nowadays rather deep? The only explanation might be the later appearance of the ravine as the result of developing erosion, while initially, when the fortification was erected, the western ravine did not exist, or appeared yet as an undep deep depression. In order to establish the exact time of the ravine's appearance (or deepening) additional geological investigations are necessary, but our cartographic material allows us to establish that, in the period from

1770 until today, the western ravine at Iske Kazan has significantly increased. If in 1770 the western ravine has one track, then in 2019 a minimum of three tracks had formed, as well as whole array of small branches, indicating active erosion (see Illustration 2). In sum, erosion led to the formation of ravines that are today located east of the city, which on Rychkov's map are not indicated. This allows us to surmise that changes occurred in the topography of the territory of Iske Kazan from the moment of the end of its existence.

Linked to the system of walls along the western borders of Iske Kazan is the unexplained function of the southern wall mentioned previously [17]. If we imagine that several wooden fortifications stretched out along the western ravine and the plateau above it, then they must have been linked at the utter southern corner of the promontory. It is impossible to imagine a southern wall intended to withstand an attack on the town beyond the borders of the rest of the fortification. Furthermore, on Rychkov's 1770 map a southern wall is absent. It leads for us therefore to suggest that a southern wall was not a part of the defensive works of Iske Kazan. It must have been erected after 1770.

Not less interesting is the south-eastern part of Iske-Kazan's fortifications indicated on the 1770 map (see Illustration 1). It indicates how the wall-moat-wall system did not merely exist at the elevated plateau, but also descended downward, to the shore of the Kazanka. In previous works on the town's fortifications, the wall-moat-walls were only indicated as existing at the higher levels, on the promontory; moreover, they suggested that the town had a division into a "citadel" and a "suburb" (*posad*) and that the higher part of the town (the alleged citadel) was not linked to the *posad* located on the washland of the Kazansu river [32]. Rychkov's 1770 map shows, however, that the town's fortification was not just stretching out along the promontory, but also reached downward onto the floodplain of the Kazansu river. Clearly, the town was not divided into a citadel and suburb, but was surrounded by one system of walls in its entirety. It is not clear from the map whether a fortification existed on the left shore of the Kazansu river, but we cannot dismiss this possibility. It is additionally possible that the river crossed through the town's fortifications. Fortifications on the river's left shore might not have survived because of flood destruction, or a change of course of the Kazansu river. Neither can one exclude the possibility that the fortification only existed on the right bank of the river along the shoreline, which might have guaranteed the inhabitants a defensive option through an exit by way of the river in case of attack. For this, an access route onto the plateau must have existed, which linked the town's lower part with its higher section. It is likely that such an access route would have been located within the fortified walls and would not have needed an entry gate into the fortified wall.

Unfortunately, the map does not indicate a similar descent of the wall system at the south-western part of the town, which might be explained by its decay by 1770. No sort of fortification along the Kazansu river shores is indicated either, but it would be naive to suggest that in the time that had passed since the town's destruction in the middle of the sixteenth century such shoreline buildings must have been preserved. Already by 1770, the annual spring flooding as well as the periodic change in the river's course may have led to the absence of any visible sign of the fortifications. That does not exclude the possibility, however, of the discovery of such remnants in the course of further archeological investigations.

It is interesting to ponder the manner of access into the town from the landside. On Rychkov's map we see only one opening that may have functioned as a gate. This entrance appears to be an eight-metres-wide gap between the walls, located quite closely to the edge of the plateau along the Kazansu river shore. Judging from the lack of other entrances through the wall system, that opening must be a part of the original fortification structure. The entryway survives until today, with the same width (ca. 9 metres) as on the 1770 map. It is unclear how the gate might have been mounted, but comparing the depiction of the entrance on Rychkov's map with the current situation allows us to suspect that some of it survives undamaged, and archeological research might allow us to understand the way of building of access ways in Tatar fortifications.

Previously a hypothesis has been published that argues that the entrance into Iske Kazan was *via* a four-to-eight-metres wide road, located along the western slope of the highest part of the fortress [18]. Judging from this author's sketch and graphic depiction, the entryway into town had to be located close to the corner that was formed by the western and northern wall-moat-wall system. It is, however, easily visible on the 1770 map that along the entire length of the higher part of the Iske Kazan fortress only entrance into town exists (of a width of about 9 metres), located in its southeastern part, close to the place where the fortification descends toward the Kazansu river. On the basis of its 1770 state as indicated on Rychkov's map of Iske Kazan, we can reject the possibility of the use of a corner of the ravine as an entryway into town at the time that its wall-moat-wall fortification functioned as its defence.

Unfortunately, at the moment we do not have any precise date for the foundation of the town of Iske Kazan, and any estimates about the beginnings of its settlement are made on the basis of the findings of archeological excavations or of legends and traditions. The existence of a road along the edge of the Lesnoi Valley is mentioned by R.G. Fakhrutdinov, but the map that we hereby publish questions the contemporary or synchronous existence (and practical use) of the road with the fortification system [10, p. 146]. If we hypothesize that the appearance of the Lesnoi Ravine in its current shape occurred only after the city had been abandoned (that is, after the middle of the sixteenth century), then the erection of the defensive walls made this road lose any practical significance. Nonetheless, one cannot exclude the possibility that this road existed in the time before the building of the fortifications.

The structure of Iske Kazan's fortification and the nature of its location in many ways seems similar to that of the town of Bolgar, which is situated on a similar plateau, and does not have natural reinforcements at the land side. It is known that Bolgar, like other cities of the Golden Horde, initially had no more than some sort of simple defensive works that were built in the second half of the fourteenth century, during a politically unstable period that affected its government. The map here reproduced allows us to ponder the timing of the fortification's building at Iske Kazan, as well as a possible foundation and existence of the town in the period before the second half of the fourteenth century.

Alas, the written description of Iske Kazan that N.P. Rychkov left us is hardly anything more concrete than a legend about the origins of the town [42]. In addition, in comparison to his previous descriptions of other towns, he dedicates far less space to describe the current state of the abandoned town of Iske Kazan [43]. Rychkov

notices that the territory of the town is enclosed within the borders of the walls that survive; in addition, that he did not encounter any stone buildings or other ruins, while, after visiting a number of medieval Tatar settlements in the Trans-Kama region (Kandaly, Bilyar, Chibash), he does discuss their stone structures in various states of preservation. On his map a sort of *Yam* (postal or supply station) is noted, where stalls are situated, but, in the description of Iske Kazan, information about the *Yam* or the stalls is absent. Perhaps the market (*bazar*) of the old town had been located there, about which Rychkov found out through his conversations with the local residents. Finally, an entry way into the town is noted on the map that links Iske Kazan with the road to the contemporary Tatar village of Aisha.

* * *

In some ways, of course, definitive conclusions cannot be made about our findings yet, even if our findings may correct some erroneous ideas about the first capital of the Kazan khanate. Further geological (through soil samples), or archeological (carbon-dating), investigations might lead to answering some of the questions, as might the discovery of new written sources on Iske Kazan, in its heyday or its afterlife. It remains impossible to assess the town's exact importance in the unsettled period between the unraveling of a unified Golden Horde and the successor state that arose from its ashes, whose contours took clear shape toward 1450. Whereas Rychkov's map allows us to make a decent guess at the rationale behind Iske Kazan's defensive set-up, we do not know whether it proved effective in keeping out its enemies, or avoiding the devastation of a sack. We do not know how the defensive system was linked, with fortifications at the bottom of the promontory along the river or even across the river. And we do not know why precisely a place that at one point seems to have been a thriving centre of mid-Volga Muslim culture faded, giving way to its eventually far larger namesake located much closer to the Volga. Nor do we know why and how the Muslim population and the town of Iske Kazan as such subsequently entirely disappeared from this spot, merely leaving behind the few remnants of their former glory that we can see today.

Evidently, we may surmise that for perhaps two generations or so Iske Kazan proved to be the ideal settlement to flourish in the context of its turbulent times, from the late fourteenth to the mid-fifteenth century. We can also propose that further research into archaeological, written, or other (geological, chemo-biological, genetic) sources may yield some further answers about this chapter in the history of a Eurasian region that has been a fertile crossroads, on which a startling number of ethnocultural communities met, who often interacted peacefully and sometimes violently.

The authors would like to express their gratitude to Mr. Niyaz Khaziakhmetov for the graphical 3-D reconstruction and Dr. Anna Dzhioeva for technical help. This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (Rawil Fakhrullin).

REFERENCES

1. Balkind N. *A Model Republic? Trust and Authoritarianism on Tatarstan's Road to Autonomy*. Unpubl. Ph.D. Diss. University of North Carolina at Chapel Hill, 2009.
2. Bigalke R. The use of moats in zoological gardens. *International Zoo Yearbook*. 1961, no. 1, pp. 62–66.
3. Black J.L. *G.F. Müller and the Russian Imperial Academy*. Montréal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 1986.
4. Boterbloem K., Aidarova G., Fakhrullin R. Istoriko-arkhitekturnyi analiz izobrazheniia Kazani gollandskim masterom Kornelisom de Breinom (1703 g.) [A historical-architectural analysis of the panoramic image of Kazan by Cornelis de Bruijn]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Saint Petersburg University Bulletin]. 2020, no. 2, pp. 566–584. (In Russian)
5. Burkhanov A.A. Zolotoordynskie pamiatniki Povolzh'ia: Itogi i perspektivy sokhraneniia i ispol'szovaniia [Golden Horde monuments in the Volga region: Sources and perspectives of preservation and utilization]. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. 2007, no. 1, pp. 85–108. (In Russian)
6. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chingissid Age History of Inner Asia*. Di Cosma N. et al. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
7. Coehoorn M. *Nieuwe Vestingbouw, Op een natte of lage Horisont....* Leeuwarden: Hendrik Rintjes, 1685. (In Dutch)
8. Çolak I. *Secularization of the Muslim Mind: Defining the Muslim Reformation among Volga-Urals Muslims (between late eighteenth and early twentieth centuries)*. Unpubl. Ph.D. Diss. Indiana University, 2011.
9. Driessen-van het Reve J. *De Kunstkamera van Peter de Grote. De Hollandse inbreng*. Hilversum: Verloren, 2014. (In Dutch)
10. Fakhrutdinov R.G. *Ocherki po istorii Volzhskoi Bulgarii* [Essays on the History of Volga Bulghary] Moscow: Nauka, 1984. (In Russian)
11. Frank A.J. *Islamic Historiography and the "Bulghar" Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia*. Leiden: Brill, 1998.
12. Galliam R.G. Pervonachalnaia stolitsa zemli Kazanskoï (voprosy khronologii, "stolichnogo" statusa i istorikokul'turnogo znacheniiia pozdnesrednevekovogo gorodkatreposti "Ychki Kazan'/Ichki Kazan'" v srednem bassejne r. Kazanka) [The first capital of the lands of Kazan (chronological problems, the status of "capital" and the cultural-historical significance of the late medieval fortress townlet of "Ychki Kazan'/Izchki Kazan'" at the middle reaches of the River Kazanka]. *Nauchnyi Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2015, no. 3, pp. 60–67. (In Russian)
13. *Geloof alleen je eigen ogen: Een actuele kijk op de anatomische preparaten van Frederik Ruysch (1638–1731)*. Driessen-van het Reve J., Bleker O. (eds). Amsterdam: Lias, 2017. (In Dutch)
14. Geraci R.P. *Window on the East: Ethnography, Orthodoxy, and Russian Nationality in Kazan, 1870–1914*. Unpubl. Ph.D. Diss. University of California at Berkeley, 1995.
15. Giuliano E. *Paths to the Decline of Nationalism: Ethnic Politics in the Republics of Russia*. Unpubl. Ph.D. Diss. University of Chicago, 2000.
16. Guadagnolo G. *Creating a Tatar Capital: National, Cultural and Linguistic Space in Kazan, 1920–1941*. Unpubl. Ph.D. Diss. University of North Carolina, Chapel Hill, 2016.
17. Gubaidullin A.M. Fortifikatsiya v Srednem Povolzh'e v pervoy polovine XVI v. [Fortification in the Middle-Volga region in the first half of sixteenth century]. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2019, no. 3. (In Russian)
18. Gubaidullin A.M. O tipakh sredneverkhovykh vorotnykh proezdov na territorii Srednego Povolzh'ya [On the types of middle-height gate entrances in the Middle-Volga

region]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: Problemy i perspektivy izucheniya. Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma* [Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Study. Proceedings of the Round Table Held within the Framework of the International Golden Horde Forum]. Kazan: Foliant, 2011, pp. 78–81. (In Russian)

19. Gubaidullin A.M. Sravnitel'nyy analiz fortifikatsii Kazanskogo i Sibirskogo khanstv [A comparative analysis of the fortification of the Kazan' and Siberian Khanates]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology]. 2018, no. 4, pp. 173–181. (In Russian)

20. Halperin Ch. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

21. Halperin Ch. *The Tatar Yoke*. Second ed. Bloomington: Slavica, 2009.

22. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Second ed. New York: Routledge, 2018.

23. Jacob M. *The Scientific Revolution*. Second ed. New York: Bedford-St. Martin's, 2018.

24. Kalinin N.F., Khalikov A.Ch. *Itogi arkheologicheskikh rabot za 1945–1952 gg.* [Results of the Archaeological Work from 1945 to 1952]. Kazan: Tatknigoizdat, 1954. (In Russian)

25. Kivelson V. *Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meaning in seventeenth-century Russia*. Ithaca: Cornell University Press, 2006.

26. Koval V.Iu. Metodika izucheniia valov drevnerusskikh gorodov i popytka rekonstruktsii drevnikh oboronitel'nykh sooruzheniy v nature [Methodology of the study of walls of Old-Russian towns and an attempt to reconstruct ancient defensive structures in nature]. *Arkheologiya Podmoskov'ya* [Archaeology of the Moscow Region]. 2020, no. 16, pp. 401–414. (In Russian)

27. Koval' V.Iu., Rusakov P.E. *Issledovaniya fortifikatsii goroda Bolgara v 2014–2015 godakh: Materialy i issledovaniia po arkheologii Velikogo Bolgara* [Investigations of the Fortification of the Town of Bolghar in 2014 and 2015: Materials and Research regarding the Archaeology of Ancient Bolghar]. Moscow; Kazan: Institut Arkheologii RAN, 2018, vol. 2. (In Russian)

28. Kugorn M. baron von (Menno van Coehoorn). *Novoe krepostnoe stroenie na mokrom ili nizkom gorizonte....* [New Fortress Building on a Wet or Low-Lying Plane...]. Shafirov M., Brius I. (eds). Moscow, 1709. (In Russian)

29. Langins J. *Conserving the Enlightenment: French Military Engineering from Vauban to the Revolution*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.

30. Morgan D. *The Mongols*. London: Blackwell, 1986.

31. Naarden B. *Nicolaas Witsen en Tartarye*. Available at: http://resources.huylgens.knaw.nl/retroboeken/witsen/dutch_intro.pdf. (accessed: 4.11.2020). (In Dutch)

32. Nadyrova Kh.G. Razvitie gradostroitel'noy kul'tury Kazanskogo khanstva (1) [Developments in the city-building culture of the Kazan' Khanate]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2, pp. 147–171. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23168597> (accessed 2.11.2020). (In Russian)

33. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

34. Pirenne H. *Medieval Cities: Their Origins and the Revival of Trade*. Princeton: Princeton University Press, 1956.

35. Pirenne H. *Les villes du Moyen Âge*. Bruxelles: Lamartin, 1927. (In French)

36. Plan drevenemu tatarskomu gorodu Iskikazan, a po russki nazyvaemomu Staraya Kazan'. 1770 g. [Map of the ancient Tatar town of Iske Kazan, in Russian called Old Kazan']. *Manuscript Department, Library of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg. (In Russian)

37. *Mapping the Republic of Letters*. Available at: <http://republicofletters.stanford.edu/> (accessed: 2.11.2020).

38. Romaniello M. *The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671*. Madison: University of Wisconsin Press, 2012.

39. Rorlich A.-A. *The Volga Tatars: A Profile in National Resilience*. Second ed. Stanford: Hoover Institution Press, 2017.

40. Ross D. *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana UP, 2020.

41. Rudenko K.A. *Istoriya arkhеologicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X – nachalo XIII v.)* [The History of the Archaeological Study of Volga Bulgharia (from the tenth to early seventeenth centuries)] Kazan: RTsMKO, 2014. (In Russian)

42. Rychkov N.P. *Prodolzhenie Zhurnala ili Dnevnik zapisok puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1770 godu: Dokumental'no-khudozhestvennaya literatura* [Continuation of the Journal or Diary of Notes of Journeys through Various Provinces of the Russian State in the Year 1770: Documentary-Artistic Literature]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii Nauk, 1772. (In Russian)

43. Rychkov N.P. *Zhurnal, ili Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1769 i 1770 gody* [Journal, or Daily Notes of the Journeys by Captain Rychkov through Various Provinces of the Russian State, in 1769 and 1770]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii Nauk, 1770. (In Russian)

44. Strahlenberg P.J. von. *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...* Stockholm: Strahlenberg, 1730. (In Swedish)

45. Tuna M. (Ozgur). *Imperial Russia's Muslims: Inroads of Modernity*. Unpubl. Ph.D. Diss. Princeton University, 2009.

46. Vermeulen H. *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.

47. Vitsen N. [Nicolaes Witsen]. *Severnaya i Vostochnaya Tartariya* [North and Eastern Tartary]. 3 vols. Kopaneva N.P., Naarden B. (eds). Amsterdam: Pegasus, 2010. (In Russian)

48. Werth P.W. *Subjects for Empire: Orthodox Mission and Imperial Governance in the Volga-Kama Region, 1825–1881*. Unpubl. Ph.D. Dss. University of Michigan, 1996.

About the authors: Kees Boterbloem – Ph.D. (History), Full Professor, History Department, University of South Florida (4202 East Fowler Avenue, SOC 107, 33620-8100 Tampa, Florida, USA). E-mail: cboterbl@usf.edu

Almaz N. Khabibullin – civil engineer, the chief architect of LLC “AvanProect”. E-mail: almaz-hab@mail.ru

Rawil F. Fakhrullin – Dr. Sci. (Biology), Chief Research Fellow, Institute of fundamental medicine and biology, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: kazanbio@gmail.com

*Received May 6, 2021 Accepted for publication August 20, 2021
Published September 29, 2021*

КАРТА ГОРОДА ИСКЕ КАЗАН НИКОЛАЯ РЫЧКОВА, 4 ИЮЛЯ 1770 Г.

К. Ботерблум¹, А.Н. Хабибуллин², Р.Ф. Фахруллин³

¹ *Университет Южной Флориды
Тампа, США
cboterbl@usf.edu*

² *ООО «АванПроект»
Казань, Российская Федерация*

³ *Институт фундаментальной медицины и биологии,
Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация
kazanbio@gmail.com*

Цель исследования: в работе осуществлен анализ ранее неизвестной карты города Иске Казан, находящейся в фондах отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), составленной Н.П. Рычковым в 1770 году. Произведена графическая реконструкция фортификационных укреплений, позволявших защитить город от врагов в неспокойную эпоху распада Золотой Орды и последующего возникновения Казанского ханства. Кроме того, анализируются вероятные побудительные мотивы Н.П. Рыčkова, оставившего несколько весьма подробных карт городов Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Материалы исследования: сравнивая данные карты Н.П. Рыčkова с археологическими находками и с соответствующей историографией, авторы помещают карту в ее исторический контекст, размышляют о ее значении и выдвигают предположения о причинах создания этой карты в 1770 году.

Результаты и научная новизна: судя по анализу информации, приведенной на карте, предыдущие реконструкции укреплений города Иске Казан не соответствуют действительности. Город был защищен довольно необычной фортификационной системой, состоящей из двух валов практически равной высоты и достаточно глубокого и широкого рва между ними, что исключает применение каких-либо дополнительных укреплений в виде городней или частокола. Вероятно, такая конструкция укреплений позволяла предотвратить любой штурм со стороны кавалерии. Такой способ защиты представляется в высшей степени подходящим к неспокойным условиям, преобладавшим в Волго-Камском регионе около 1400 года, и к военному искусству, которое практиковалось в этом регионе. В статье дополнительно указывается, почему эта карта была сделана в 1770 году, и как это связано с общим желанием правительства Романовых гораздо точнее узнать о том, как жили его подданные. Этот импульс возник в результате введения в царствование Петра I западноевропейского научного мировоззрения, которое уделяло гораздо больше внимания реалистическому пониманию природы и культуры. Российская академия наук организовала с 1720-х годов множество научных экспедиций, которые в определенной степени напоминают путешествия географических открытий, для составления карт царской империи, частью которой были путешествия Рыčkова. По всей видимости, подобные миссии по установлению фактов постепенно позволили центральному правительству в Санкт-Петербурге усилить свою власть над подданными народами.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казанское ханство, Иске Казан, Н.П. Рычков, научная революция, Republica literaria, археология, картография, фортификация

Для цитирования: Boterbloem K., Khabibullin A., Fakhrullin R. Nikolai Rychkov's Map of Iske (Inner or Old) Kazan of 4 July 1770 // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 593–610. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.593-610

Сведения об авторах: Корнелис Ботерблум – Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Южной Флориды (4202 East Fowler Avenue, SOC 107, 33620-8100 Тампа, Флорида, США). E-mail: cboterbl@usf.edu

Алмаз Наилевич Хабибуллин – инженер-архитектор, главный архитектор ООО «АванПроект». E-mail:almaz-hab@mail.ru

Равиль Фаридович Фахруллин – доктор биологических наук, главный научный сотрудник, Институт фундаментальной медицины и биологии, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация). E-mail: kazanbio@gmail.com

*Поступила 06.05.2021 Принята к публикации 20.08.2021
Опубликована 29.09.2021*

**SOME MEDIEVAL AND POST-GOLDEN HORDE'S TOWNS
OF THE ITIL (VOLGA) AND SYR-DARYA BASINS
ACCORDING TO THE ARABIC AND CHINESE MAPS**

*Nurlan Kenzheakhmet*¹, *Alpamys Abu*²

¹ *Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan
nurlanken@hotmail.com*

² *al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan
alpamys79@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* The earliest depictions of the towns of the Itil (Volga) and Syr-Darya Basins in medieval cartography are found on the Idrisi map (1154). The post-Golden Horde towns in these areas are found in the Jenkinson map and the *Kunyu wanguo quan tu* (Map of the Ten Thousand Countries of the Earth, 1602) by Matteo Ricci. In 1772, the *Qianlong neifu yutu* 乾隆内府舆图 (Terrestrial Map of the Imperial Repository of Qianlong), which used modern cartographic techniques, enriched the geographic information of Central Asian countries and filled the gaps in contemporary European maps.

Research materials: Influenced by the map of Al-Idrīsī, the geographic gaps and blind spots on the European maps were filled, reconstructed, and connected with the new world geographic knowledge, forming a relatively complete world map. At the end of the Ming and early Qing dynasties, a large amount of overseas geographic knowledge was introduced by Western missionaries who entered China.

Results and novelty of the research: The analysis of Arab, European, and Chinese maps made it possible to assess the degree of accuracy of their information about the post-Golden Horde cities of the Itil (Volga) and Syr-Darya basins. The authors managed to determine the geographical ideas of Arab, European, and Chinese geographers about Central Asia. Specifically, this article examined the place names of the Itil Basin (including Western Siberia) and the Qazaq Steppe (including adjacent regions) in the European-Russian imperial maps and in the Qing Chinese maps. Historical maps provide rich resources of knowledge that graphically encode information about the state of a fraction of the real world at a certain point in time.

Keywords: Al-Idrīsī's Map, European maps, *Qianlong neifu yutu* (Terrestrial Map of the Imperial Repository of Qianlong), Itil Basin, Central Asia, Qazaq Steppe

For citation: Kenzheakhmet N., Abu A. Some Medieval and Post-Golden Horde's Towns of the Itil (Volga) and Syr-Darya Basins According to the Arabic and Chinese Maps. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 611–653. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.611-653

The Itil (Volga) and Syr-Darya Basins' Cities on the Al-Idrīsī's Map

The Volga (Itil) is usually called Itil (or Atil) in Arabic [17, "Itil"]. On the Al-Idrīsī's Map, place names in the Itil Basin and the "adjacent regions" provide clear evidence that the map makers drew from earlier Islamic maps and Arabic accounts

for their geographical information. In addition to its fairly accurate contours, the Al-Idrīsī's Map demonstrates knowledge about more than ten places in the Itil Basin, and more than ten in the Syr Darya-Talas Valley. On the northern coast of Caspian several names appear on the map: Āṭil, al-Bayḍā, Khamlīkh, Burtās, Sawān, Bulghār, al-Bayḍā', no nearer than 200 *parasangs* from Balanjar, according to al-Ṭabarī, the western town of the Āṭil [46, p. 38–39]. According to the Arab geographers, Āṭil was a double town, for it was divided by the Āṭil River into a western and an eastern part, the former being the residence of the king and his army (al-Bayḍā), and the latter the commercial centre (Khamlīkh) [34, p. 452]. The ruins of this city are located along the Volga delta at the northwestern corner of the Caspian Sea.

Al-Idrīsī called the Aral Sea as Buḥayrat Khwārazm. East of the Aral Sea occurs several cities, such as Ghuzzia, Khwāra, Kahand, Jājān, Asfinjab (modern Sayram in Kazakhstan), and Tarāz (modern Taraz in Kazakhstan).

The Al-Idrīsī's Map's Influence on the seventeenth and eighteenth centuries' European and Jesuit Maps

The *Kitāb Nuzhat al-mushtāq fī ikhtirāq al-āfāq* (Entertainment for He Who Longs to Travel the World), composed in 549/1154 by al-Idrīsī, became the first Arabic geographical work to be printed in Europe, in 1592 [36; 21; 23, p. 104]. In the history of European maps of Central Asia, the book of Idrīsī plays a certain, though not very important, part. As Tolmacheva pointed out, Arab geography represents an important chapter in the emergence of European Orientalism at the turn of the seventeenth century. In terms of knowledge of the globe and precision in map making, European cartography was by then so far ahead of al-Idrīsī, however far ahead he had been of his contemporaries, that this resurrection of his map by a modern scholar is valuable primarily in historical terms. Although Islamic maps were of limited geographical value, they were far superior to medieval European maps [48, p. 141, 143, 149]. The cartographers of the seventeenth century obviously felt convinced that the book of Idrīsī was of such great importance that they had to enter the names of his itinerary in one way or other.

Before the eighteenth century, Western knowledge of Siberia, Central, and Northern Asia (including Manchuria) was extremely limited. This area was known simply as "Tartary" [16, p. 625–626].

Ortelius's *Tartariae sive Magni Chami Regni typus*, published in Latin in 1570 in Antwerpen, Duval's (1619–1683) *L'Asie*, printed in Paris 1664, Guillaume de L'Isle's (1675–1726) *Carte de Tartarie*, printed in Paris in 1706, d'Anville's *Carte la plus generale et qui comprend la Chine, la Tartarie chinoise, et le Thibet*, shows some al-Idrīsī influence. For European cartographers like Guillaume de L'Isle, the Idrīsī's work was valued for the systematic descriptions, collected from a variety of sources, of those parts of the Asian continent that were still unfamiliar to European travellers.

Notes scattered in various places around the map (all the writing is in Latin) indicate that Guillaume de L'Isle carefully consulted the text of *Nuzhat al-mushtāq fī ikhtirāq al-āfāq*. Virtually identical versions of the sections of "Pays des Calmoucs" of the *Carte de Tartarie*, are to be found on the Idrīsī's maps. The nomenclature is a mixture of European, often Latinized, names and transcriptions of Arabic place names. Idrīsī's map carried new information for the regions traversed

by Islamic trade routes as well as contemporary Europe. According to David L.B. Jupp, d'Anville's *Carte la plus generale et qui comprend la Chine, la Tartarie chinoise, et le Thibet* includes more recent information from Central Asia and information from the Russian-backed first Bering expedition (1725–1728). Otherwise the information was obtained during the Jesuit-led Kangxi survey of 1704–1719 [25, p. 2]. However, the Aral Sea Basin, Talas-Chu valleys, Māwarā'an-nahr as well as some other areas west of the Xinjiang was based on information provided by Idrīsī's maps. The four maps marks the place names with legend Idrīsī, along which the following names are entered (see Table I).

Table I

al-Idrisi [33, IV, 87–89, VI]	Ortelius's <i>Tartariae sive Magni Chami Regni typus</i> (1570)	Duval's <i>L'Asie</i> (1664) [14]	Guillaume de L'Isle's <i>Carte de Tartarie</i> (1706) [22]	d'Anville's <i>Carte la plus generale et qui comprend la Chine, la Tartarie chinoise, et le Thibet</i> (1737) [6]	Remarks
Ard Basjirt al Dāḥila	Baschirdorum Horda	Pascarti	Baskirie ou Pays des Baskirzi		Bashkortostan
Jebel Qūfāyā			M. de Caf		Siberia
Dādāmī		Dademi	Dademi		Perhaps mod. Dadem-Ata, a shrine to the south of the city of Oral in western Kazakhstan. On the Idrisi map, a town Ḥānqāqāṭ is placed east of Dādāmī. This is evidently mod. Anqaty, a town south of Oral in Western Kazakhstan.
Šahadrūj/ Sahrūḥ		Schadrug	Sahadrug		Russia
Siqrā		Cafra?	Sacra		
Maršān		Marzan	Marzan		
Ġaūzbān/ Ġaurān			Chauran		Perhaps mod. Qusman, a town south of Oral in Western Kazakhstan.
Ḥarqān		Arkan	Charcan ou Arcan		Perhaps mod. Qaraghandy, a town south of Oral in Western Kazakhstan.

Darqū			Darcu		
Daranda			Daranda		
Badegā			Badega		
Ĥiām		Hyan	Hyam		Perhaps, it refers to the Jem River (Emba in Russian) in Western Kazakhstan.
Ġargun /Ġorġoz			Garghun		The Irgiz River in Aktobe and Kostanay regions in Kazakhstan.
Jājān			Giagian		
nahr rūḍa		Rudhan	R. de Rudhan		
Danbāha		Daubana	Danhaba		Perhaps, Zhymptyy or Zhambayty, a town south of Oral in Western Kazakhstan.
Loĥmān		Lochman	Locman		Perhaps, Ulyqpanshegen ('shegen' means well in Kazakh), a place south of Oral in Western Kazakhstan.
Ġarīān		Cherman	German		
Dahlān	Teras	Taras	Taras ou Dahlan	Taraz	Kazakhstan
Salahī /Salĥī	Salg			Shalg	Shiljī, Shelji or Shalji, a city near Ṭarāz [12, p. 87; 34, p. 119; 30, p. 445]
Barsjan al Sufla				Bersagian	Barskhān or Lower Barskhān near Taraz. According to ibn Khurradādhbih, Lower Barskhān was situated three farsakhs east of Ṭarāz (near mod. Taraz).
Bark				Borac	Mod. Merki in southern Kazakhstan
Buĥaire Tehāma		Lac Theama			Kazakhstan
Jarлак				Haulac	
Bakālak				M. Shabalak	
Ailaq	Eilach		Ilac	Ilak	Uzbekistan
Saikant			Tachkunt	Tashkunt	Tashkent
Al Šāš			Alchach	Al Shash	Uzbekistan
Fārāb		Farah	Farab ou Otrar	Otrar ou Farab	Kazakhstan

Šafgān /Šabrān			Sabran	Sabran	Mod. Sauran in Kazakhstan.
Jebel Mazgār		Moreghar M.	M. Moreghar		Mugodzhar Hills in the Aktobe Region of northwestern Kazakhstan.
Nahr Morġa		Margha R.	Margha		
Nahr Jihūn			Gihun R.		Uzbekistan
Nahr al Šās		Iaxartes	R. de Sihun ou d'Alchach	Sihon ou SIRR olim Jaxartes	Tajikistan-Uzbekistan
Ūasaḡ				Wasah	
Asfinjab		Isfenztab		Eshsijab	Old name for Sayram in southern Kazakhstan.
Al Soġd				Al Sogd	Uzbekistan
Damūrīa		Damuria			Tabar or Tuwur in the Old Turkic inscription and Chubu'er during the Yuan period, mod. Dawo'er near Khorgos in Western Xinjiang.
Qaranīṭīa		Lac Carantia			Kazakhstan
Dahrāh		Darha			
Ḥāqān Ḥizilj		Chagan Calachitce		Kakan de Kazalg'	Kazakhstan
Barsjan al'alīa				Bersagian <i>la Haute</i>	Upper Barskhān was on the southern shore of the Lake Issyk-Kul (mod. Barskaun hillfort on the River Barskaun).
Aṭās				Aatas	Kyrgyzstan
Jebel al Batm/ Botm				M.de Botom	Buttam Mountains, by this name they understood all the mountainous region between the upper courses of the Amu-Darya and Syr-Darya, distinguishing First, Central, and Outer Buttam (evidently the Hisar, Zarafshh, and Turkestan ranges) [31, p. 446; 8, p. 82]
Ošrusana	Esreusina			Oshrusanah	Tajikistan
Ḥojanda		Cotzend		Kogenda	Tajikistan

Kāshān		Casan			Uzbekistan
Harmuq		Horma			
Ṭibet	Thebet	Thibet ou Tobrot et Tobbat			
Salūnīa		Sachania			
Banjara		Bengiar			

The Itil (Volga) and Syr-Darya Basins' Cities on the Matteo Ricci's World Map

Ricci's (Li Madou 利瑪竇, 1552–1610) and Li Zhizao's (李之藻, 1565–1630) map of “Kunyu wanguo quantu” (Complete Geographical Map of Ten Thousand Countries) was printed in 1602 [34]. The fourth edition, known as “Liangyi xuanlan tu” (兩儀玄覽圖 Map of Observing the Mysteries of the Heaven and the Earth), was printed in 1603 [11, p. 26, plates 57, 58, 59; 35, p. 673–694; 54, p. 46, n. 43].

According to Zhang Qiong, Ricci's major Western sources in these areas were Alessandro Piccolomini (1508–1578), Abraham Ortelius (1527–1598), Gerardus Mercator (1512–1594), Petrus Plancius (1552–1622), and Christopher Clavius [54, p. 49, n. 46].

In my opinion, Ricci's World Map was effectively a translation of information from Ptolemy's “World map”, Arabic maps such as Idrīsī, Marco Polo, Chinese, and European cartographers.

Theatrum Orbis Terrarum (Theater of the World) by Abraham Ortelius, first published in 1570, was reissued in more than thirty editions over the next forty years. This map was based on a mixture of Jesuit, Arabic, and earlier sources, including the Tartaria map intitled “Tartariae Sive Magni Chami Regni typus” (hereafter Ortelius, *Tartariae Sive Magni Chami Regni typus* 1570). Ortelius also included Anthony Jenkinson's rare map of Russia (called as *Russiae, Moscoviae et Tartariae Descriptio*) drawn in 1562 (hereafter Anthony Jenkinson/Ortelius 1562) [37]. Much of what we know about Anthony Jenkinson's (1529–1611) map is from Ortelius atlas. These became the basis of the historians beginning in the nineteenth century. Only in the 1987 did Jenkinson's unique wall map come to light, in Poland. This map entitled “Nova absolutaque Russiae, Moscoviae, et Tartariae, descriptio auctore Antonio Jenkinsono Anglo, Clemente Adamo edita, et a Nicolao Reinoldo Londinensi, ari insculpta. Anno salutis, 1562”. According to Krystyna Szykuła, the original turned out to be much larger than Ortelius' 44 by 35, 3 cm; it measures 101.7 × 81.7 cm [45, p. 325–340]¹.

South and east of the Caspian Sea, there are six figures of Khans. They are (going from the south): “Ismail Sophi” near the Ardabil town (“Ardwen” in the map); “Kvrcot Chan” near Balkh (“Balgh” in the map); to the north of “montes paraponise” – “Alie Chan” near Afsow (Aqsu) and Andugan (“Audeghen” in the map, *Andeghen* on the Anthony Jenkinson/Ortelius 1562; modern Andijan); “Mahvmet chan” in “Shamarchan” region; “Blag chan” in “Boghar” region (with

¹ I would like to thank Dr. Roman Hautala for his help in the reading of the original Latin text.

cities “Cofin”, “Ghudowa”=Ghijduvan); “Azim chan” in “Turkmen” region; and “Aphis chan” in “Taskent” region, to the north of “*Tas̄kent*” city.

“Ismail Sophi” near the Ardabil town (“Ardwen” in the map) is the Latin corruption of Ismail Sefewi (1487–1525), the founder of the Safavid Dynasty. Jenkinson called him Ismael Sophie [15, p. 132, 152]. In 1562, Jenkinson visited the court of the great Sophie, called Shaw Tamasso (Shah Tahmasp, 1514–1576) [15, p. 343].

“Kvrcot Chan” near Balkh (“Balgh” in the map), to the north of “montes paraponise”. According to a passage on the map, related to this Khan (Princeps hic cum Indis plurima habet certamina, qui ad austrum illi finitimi sunt), “this prince is at war with the Indians, who are his neighbors from the south” [26, legend 23]. Perhaps, Kurkani or Gurkani is a self-designated name for the Timurid khans, after Temur’s title Gurkan, the Persianized form of the Mongolian *kürägän*, “son-in-law”, a title he assumed after his marriage to a Chinggisid princess. This Gurkan should be Babur (1483–1530).

“Alie Chan” north of Kashgaria (Caſcara in the map), near Audeghen or Ačfow (=Aqsu, the capital city of Moghulistan). There is a picture of khan here, with the following legend: “Caſcarae princeps Mahumetanus est, ac cum Kirgijs bella mouet” [26, legend 24a]. Perhaps, this is a corruption of *Ālācha* khan, the nickname of Sultan Akhmad Khan (died 1503), a khan of Moghulistan [18, p. 121]. He was the second son of Yunus Khan (1416–1487).

“Aphis chan” in “Taskent” region, to the north of “*Tas̄kent*” city. Here is a legend: “Rex hic aduersus Cassachios assidua bella mouet, quae gens nuper prope exterminata fuerat” (“This King is waging a continual war against Khasack tribes. Once they have been close to extermination” [46, p. 129]). Perhaps, it refers to Darwish Khan (1557–1578), the ruler of Tashkent, a son of Nawruz Akhmed Khan (1510–1556).

“Mahvmet chan” in “Shamarchan” region is, perhaps, Pir Muhammed Khan (1511–1561), the Khan of Samarqand.

“Blag chan” in “Boghar” region is Abdullah Khan II (1534–1598), the ruler of the Khanate of Bukhara. He was a King of Bukhara at the time of Jenkinson’s visit in 1558 [3, p. 206, 247].

“Azim chan” in “Turkmen” region, with the legend: “Turcomannorum imperium inter quinque fratres est partitum, quorum qui primas tenet Azim Chan nominatus est. Reliqui uero, Soltani appellantur. Quisque solum oppida uel potius castra sub ditione et imperio suo tenent. Horum Vrgence Principem locum tenet. Incolae Mahumeticam sectam agnoscunt, uiuuntque iuxta Nagaiorum consuetudinem, ac cum Persarum Principem (uulgo Sophi nuncupato) continenter belli gerantur”. (The Turkoman Empire is divided between five brothers. One of them, the leading one, is called Azim Khan. The rest are called Sultans. Each of them holds the cities, or rather castles, at his own power and command. Among them [castles], Urgench takes the first place. The inhabitants recognize the Mohammedan sect, live according to Nogai customs, and constantly wage war with the ruler of the Persians [called Sophi among the common people]).

Azim chan is Hājim Khān, also known as Hājī Muḥammad Khān (1519–1603), the tenth Uzbek ruler from the Shibaniid dynasty in the Khwarezm state, who ruled from 1558 to 1603, the grandfather of Abū al-Ghāzī Bahādur Khān (1605–1664) [3, p. 272; 4, vol. I, p. 270; 15, p. 68, 70]. According to Jenkinson, all the land from

the Caspian Sea to this city of Urgench, is called the land of Turkeman, and is a subject to Azim Khan [15, p. 72; 5, p. 307].

North and northeast of the Caspian Sea (“Mare Caspivm” in the map), two Hordas of Nagaia (Noghay) occur, centered in Saraichik (Jerachick) and Shakashick (JhakaJhick), and a Horda of Cassackia (Qazaq Khanate), with legend. There is a quite detailed fragment of territory of Cassakia (=Qazaq Khanate), which is therefore why it should be quote here [15, p. cxxxii, 90; 49, p. 71; 5, p. 185; 42, p. 396]. The name of this region is marked as Cassakia. In a passage on the map, Anthony Jenkinson even discussed the custom of the Kirgessi (=Cassaks): “Kirgessi gens cateruatim degit, id est in hordis, habetque ritum huiusmodi; cum re diuinam ipsorum sacerdos peragit, sanguinem, lac et fimu iumentorum accipit, ac terre miscet, inque vas quoddam infundit, eoque arborem scandit, atque cōcione habita, in populum spargit, atque hæc aspersio pro Deo habetur et colitur. Cum quis diem inter illos obit, loco sepulture arboribus suspendit” (The Kirgessen people live in troops or hordes. They have the following custom: when a priest performs a religious ceremony, he obtains blood, milk and dung of beasts of burden, and mixes it with earth. He pours this in a specific vessel and climbs a tree with it, and when there is a gathering, he sprinkles it over the people, and this sprinkling is considered to be divine, and is worshipped. When someone of them dies, that person is hung up in a tree by way of burial). This edition is almost identical with the Anthony Jenkinson’s unique wall map of Russia (1562), but with minor differences in characters: “Kirgessi gens est, quæ cateruatim degit, id est in Hordis, aβidueque cum mhogholis gerit, habetque ritum istiusmodi. Ipsorum antiq̄tes aut sacrificus, quo tempore rem diuinam peragit, sanguine, lacte et fimo iumentorum acceptis, ac terræ mixtis, ac in uas quoddam infusis, una cum hoc arborem scandit, atque hinc diu ad populum concionatus, in stultam plebeculam spargit. Populus uero in terram pronus, adorabundusque, aspersiunculam hanc pro deo colit: firmeque credit, nihil esse perinde salutare ac terram, pecus, armentaue et cum quis inter eos diem obit, loco sepulture arboribus suspendit” (The Kirgiz are a people living in detachments, that is, in the Hordes. This people is also incessantly waging wars with the Mongols [=Moghols – *N.K.*], and this people have the following ritual: When a high priest or sacrificer performs a service, he takes the blood, milk, and dung of the beasts of burden, mixes them with earth and pours them into one vessel. Then he climbs a tree with it and turns from there to the people who have long gathered below for this. He sprinkles the foolish common people from the tree. The people, bowing to the ground and praying, honor these splashes for God. They also strongly believe that there is nothing more to be worshiped than land and flocks and herds. And when one of them dies, instead of burying him, they hang him from the trees) [46, p. 140].

According to Anthony Jenkinson, “the people that warre (=war) against Taskent are called Cassaks of the law of Mahomet, and they which warre (=war) with the said country of Caskayre (=Kashkaria) are called Kings (=Kirghis), Gentiles and Idolaters” [15, p. 90–91; 5, p. 185].

According to Peter Heylyn, “Kirgessi not burying their dead bodies, as in other places, but hanging them upon Trees, though they think again: certain enough that they will be devoured or sweetened, before they return back to the same station. Much reverence yet they give their Priests, by whom sanctified and besprinkled in their public meeting, with a certain mixture, compounded of Blood, Milk, Earth,

and Cow-dung, a most sweet Confection, but good enough for them that desire no better. And yet with these the Muscovite is fain to hold fair compliance, and to send them every year some Presents for fear they should join with the Nagaian: or otherwise disturb him in his Caspian Trade down the Volga River” [39, lib III, p. 167].

In this part of the map of “Kunyu wanguo quantu”, Ricci called Cassakia as Ge’ermo 哥兒墨 (=Ge’erheishi 哥兒黑士, =*Kirgessi* on the Jenkinson’s map), with a passage: “Ciguo sizhe bumai, dan yi tielian gua qishi gan (=yu) shulin 此國死者不埋，但以鐵鏈挂其尸干(=于)樹林” (The dead bodies in this country are not buried, but they hang their bodies in the woods with iron chains).

Moving beyond this sphere, immediately neighboring countries such as Astrakhan, Turchestan, and Zagatai are labeled using the names of Turkic origin. In this part of the map of “Kunyu wanguo quantu”, to begin from the north, the following cities or countries are marked: Nanwoya 南斡牙(=Nagaia on the Jenkinson’s map); Yasidalagan 亞私大蠟甘(=Astracan on the Jenkinson’s map) [2, p. 272]; Wu’erwa he ji Yide 勿尔瓦河即亦得 (=Volga et Hedel in Ortelius, *Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus* 1570); Tu’erkesitang 土兒克私堂 (=Turchestan), Chawatai 察瓦泰 (=Zagatai). These names do not describe places or countries but, rather, ethnicities. The two place-names in the Caspian appearing as Yimu guo 一目國 and Nüren guo 女人國, were known by Chinese geographers. However, these are simply translation of Arimaspi, Amazones.

For other locations on the map in the Itil (Volga) and Syr-Darya Basins, see Table II.

Table II:
The Itil (Volga) and Syr-Darya Basins’ cities on the Matteo Ricci’s World Map

No	Kunyu wanguo quantu	European sources/maps	Modern location
1.	Beigao hai 北高海 (literally, “High Sea of the North”)	Mar de Bachu (Ortelius, <i>Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus</i> 1570)	Caspian Sea
2.	Ge’ermoqi 葛尔莫奇	Colmack (Anthony Jenkinson 1562)	Qalmaq
3.	Ge’ermo 哥兒墨	Most likely an error for Ge’erheishi 哥兒黑士, it refers to Kirgessi, another name for Kazakhs (Jenkinson/Ortelius 1562); also see 39, lib. III, 165, 167.	Qazaq
4.	Qi’ermuxi guo 其尔目西國	Ciremißorum horda (Ortelius, <i>Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus</i> 1570)	Russia
5.	Qilijili 乞里吉里	Khirkhîz or Qirqiz, a Turkish tribe of the ancient country of Southern Siberia whose name is also written as Khirkhîz, Khârkhîr or Kirghiz (<i>EI2</i> , “Kîrgiz”). The name appears as either Qirqir or Qirqiz or Qirqîz in Arabic accounts.	Mod. Khakasia, Russia
6.	Yu’aliya 育阿利亞	Vgori (Ugria), on Jenkinson’s map “Iorghoria”, the country of “Zlata Baba”, or Golden Old Woman, worshipped by the people of Obdora at the mouth of the Obi (Jenkinson/Ortelius 1562).	Russia

7.	Xiajia 黠戛	Xiajiasi黠戛斯(Xin Tangshu 217b. 6146). Another name for Khirkhiz or Qirqiz. See Qilijili.	Khakasia
8.	Tianfang 天方	The place name or country name Tianfang in Chinese was almost used to refer to Mecca. According to the <i>Mingshi</i> , Tianfang, ancient Yunchong (al-Ḥijāz), was known as Tiantang (Heaven or Heavenly Realm), and also Mojia (Mecca) (<i>Mingshi</i> 332.8621: 天方，古筠冲地，一名天堂，又曰默伽). According to its location on the map (east of Turkestan, west of Dada), this was probably a mistake made by the copyist, and it should refer to Tanguth, Tangunt or Tangut. The Tanguts, called the Dangxiang (党项) or Western Xia (Xixia 西夏) in Chinese, was an empire which existed from 1038 to 1227 in modern northwestern China and southernmost Mongolia.	
9.	Yasidalagan 亚私大蠟甘	Astracan (Jenkinson/Ortelius 1562; Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570; 40)	Astrakhan
10.	Wu'erwa he ji Yide 勿尔瓦河即亦得	Literally means “Volga is Itil,” =Volga et Hedel (Jenkinson/Ortelius 1562; Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570); according to Peter Heylyn, “Rha, by the modern Latines called Volgo; by the Tartars, Edi”, see 39, lib. III, 165.	Volga River
11.	Dumona 杜没那	Tumen (Jenkinson/Ortelius 1562; Plancius 1594)	Russia
12.	Bai'ermyia 白尔米雅	Permia/Weliki Perm (Jenkinson/Ortelius 1562; 40; 32)	Perm Krai, Russia
13.	Heduola 合多蠟	Obdora (Jenkinson/Ortelius 1562; Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Obdor (Обдор, Обдория)
14.	Moyi 莫奕	Moyeda (Jenkinson/Ortelius 1562)	Russia
15.	Gongduola 公多蠟	Condora (Jenkinson/Ortelius 1562; Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Kondia or Konda
16.	Duyina 杜亦拏	Dvina (Jenkinson/Ortelius 1562)	Russia
17.	Nanwoya 南斡亚	Nagaia (Jenkinson/Ortelius 1562; 40)	modern Veliky Ustyug, Russia
18.	Wuduye 兀督耶	Vstiuge (Jenkinson/Ortelius 1562)	Russia
19.	Mai'erduya 麥兒杜雅	Mordva (Jenkinson/Ortelius 1562; 40)	Russia
20.	Shidiya Yimao nei 是的亞意貌内	Scythia intra Imaum Montem/Schithia intra Imaum (the Scythia within the Imaus) (Totius Europae et Asiae Tabula Geographica, Auctore Thoma D. Aucupario. Edita Argentorati,	Scythia was divided by Mount Imaus into two parts, called respectively Scyth-

		mdxxii/1522), also see [39, p. 161, 168].	ia intra Imaum, i. e. on the north-western side of the range, and Scythia extra Imaum, on its southeastern side.
21.	Shideya Yimao wai 是的亞意貌外	Scythia extra Imaum Montem/Schithia ultra Imaum (The Scythia beyond the Imaus) (Totius Europae et Asiae Tabula Geographica, Auctore Thoma D. Aucupario. Edita Argentorati, mdxxii/1522)	
22.	Jitayixige 忌塔意西葛	Kitajfko (Asia ex magna orbis terrae descriptione Gerardi Mercatoris desumpta, studio et industria G.M. Iunioris. Edita A° M.D.LXXXVII/1587).	
23.	Yimao shan 意貌山	Imaus Mons (Asia ex magna orbis terrae descriptione Gerardi Mercatoris desumpta, studio et industria G.M. Iunioris. Edita A° M.D.LXXXVII/1587)	
24.	Heiqitai 黑其泰	Kara Kithai (40)	
25.	Chawatai 察瓦泰	Zagatai (Ortelius 1570)	
26.	Maolinayi'er 貌力那亦尔	Mavrenaher (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Transoxiana
27.	Maolinanke'er 貌力南客尔	Mavrenaher (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Transoxiana
28.	Tu'erkesitang 土兒克私堂	Turchestan (40)	Kazakhstan
29.	Baiying 白營	Poin, Peim (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570); Pein visited by Marco Polo, ancient town to the east of Khotan	Modern Keriya, Xinjiang
30.	Yao'ergeng 藥尔耕	Ergimvl/Ergimul (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Evirghol? (Modern Araturk? Chinese Yiwu 伊吾)
31.	Hami 哈密	Camul (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Qumul
32.	Tulufan 土魯番	Turfan (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Turfan, Xinjiang
33.	Yanqi 焉耆	Calis (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Qarashahar, Xinjiang
34.	Dasigengdi 大廡耕諦	Taskent (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Tashkent, Uzbekistan
35.	Suye he 素葉河	By "Suiye he" most likely refers to the Sur or Syr river in Central Asia, anc. Jaxartes. In Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570, it bears its Kazakh name, Sirusion (=Syr Özen).	Syr-Darya
36.	Sama'erhan 撒馬兒罕	Samarchand (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni tÿpus 1570)	Samarqand, Uzbekistan

37.	Da Congling 大葱嶺	Monte Dalanguer (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	
38.	Xuandu shan 懸度山	Monte Vshonte (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	
39.	Gaogasuo shan 高葛娑山	Imaus mons qui & Caucashus (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	Caucasus Mountains
40.	Dagelisdan 大革里思旦	Tacalistan (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	Tokharistan ?
41.	Dibula 地布蠟	Tipvra (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	Tripura, India ?
42.	Sanguo 三國	Sim? (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	
43.	Yesaiba 耶塞拔	Iesel Bas (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	Qyzyl Bash (Read Head), Turkic name for Safavids
44.	Hejiaru 何加入	Ocrage (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
45.	Delili Dabolisitan 得力利大伯里私旦	Diar Taperistan (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
46.	Rulan 入蘭	Gilan (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Iran
47.	Ladasi 蠟大私	Tares (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
48.	Senouli 色耨利	Seriar (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
49.	Tabasidan 陀拔斯单	Taperistan (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Iran
50.	Jiasi 加私	Kax or Kath (Cante in the Jenkinson's map) (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	Beruniy, Karakalpakstan
51.	Rexisitu 惹西廝突	Sirisitvr (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
52.	Yixidiru 伊西帝宜入	Istigias (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	
53.	Gelazuoni 哥蠟作泥	Charassan (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Khorasan
54.	Yimu guo 一目國	Arimaspi (Sarmatia et Scythia Russia et Tartaria Europaea, 1697)	A legendary tribe of one-eyed people of northern Scythia who lived in the foothills of the Riphean Mountains, variously identified with the Ural Mountains or the Carpathians
55.	Nvren guo 女人國	Amazones (Sarmatia et Scythia Russia et Tartaria Europaea, 1697)	

56.	Bodiwu'erqi 伯帝兀尔祁	Petigorski (Jenkinson/Ortelius 1562)	Beshtau (Горы Пятигорья), Northern Cauca- sus
57.	Mohede hu 墨何的湖	Palus Meotis (Jenkinson/Ortelius 1562)	Sea of Azov
58.	Qilimoya 契利末牙	Crimea (Jenkinson/Ortelius 1562)	Crimea
59.	Gidaqi 蓋大期	Caitachi (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	Crimea
60.	Wachaliya 瓦茶里亞	Gazaria (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	
61.	Genaduole 葛捺多勒	Anadole (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	Turkey
62.	Bocu 波促	Bozoc (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	Turkey
63.	Borang 撥讓	Pegian (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	Turkey
64.	Runou 入耨	Genic (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	
65.	Yamaxiya 亞馬西亞	Amasia (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	Turkey
66.	Boliliuni 波里六泥	Bolli Roni (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	
67.	Suwasi 蘇襪斯	Svvas (Ortelius, Tvrcici Imperii Descriptio 1570)	Sivas, Turkey
68.	Fuluodeme'er 縛羅得抹尔	Volodemer (Jenkinson/Ortelius 1562)	Vladimir (Владимир-на- Клязьме)
69.	Ouluoba Sha'ermaqiya 歐邏巴沙尔馬齊亞	Sarmatia Europaea (Ptolemy's "World map"; Sarmatia et Scythia Russia et Tartaria Europaea, 1697). Detailed description of Sarmatia Europaea, see 39, lib. III, 167.	
70.	Yaxiya Sha'ermaqiya 亞細亞沙尔馬齊亞	Sarmatia Asiatica (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	
71.	Esugedaye 額索各荅耶	Scythia (see Peter Heylyn 1677, lib. III 161, 168; Sarmatia et Scythia Russia et Tartaria Europaea, 1697)	
72.	Mengriliya 孟日力里亞	Mengrelia	A historic prov- ince in the west- ern part of Geor- gia.
73.	Re'a'erruyana 熱阿尔入亞那	Georgiani (Ortelius, Tartariae Sive Magni Chami Regni typus 1570)	Georgia
74.	Danai he 大乃河	Tanais (Jenkinson/Ortelius 1562)	Russia
75.	Chilagaiya 赤蠟蓋亞	Erachaian (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
76.	Dalaba 打喇巴	Starabat (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Iran

77.	Moshantu 没善士	Mesandaran (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Iran
78.	Hulumosi 忽魯謨斯	Ormuz (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570); (also see 39, lib. III 147)	Iran
79.	Xi'erman 溪尔曼	Chirman (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Kerman, Iran
80.	Bosi 波斯	Farsi (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Iran
81.	Yadeborang 亞的伯讓	Adilbegian (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
82.	Ge'erdalan 葛尔打蘭	Caldaran (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
83.	Dige'erbo 帝葛兒伯	Diarbech (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
84.	Shawusi 沙勿私	Savas (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	
85.	Wade'er 瓦得尔	Gavadel (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Pakistan
86.	Gebu'er 葛步尔	Cabvl (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Kabul, Afghanistan
87.	Gandaga 甘打噶	Candahar (Ortelius, Persici Sive Sophorvm Regni Typus 1570)	Afghanistan
88.	Yindusitang 印度斯當	Indostan (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	India
89.	Yalagan 亞蠟敢	Aracam (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	
90.	Mengdao 孟道	Mandao (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	
91.	Banggela 榜葛刺	Bengala (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	Bangladesh
92.	Piniu 毘牛	Pegu (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	
93.	Ma'erdamang 馬兒大莽	Martabam (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	
94.	Jia'erddandan 加尔旦旦	Cardandan (Ortelius, Indiae Orientalis Insularvmqve Adiacientivm typus 1570)	

The Itil (Volga) Basin, Siberia, and Kazakh Steppe's Place Names in the Qing Dynasty (1644–1912) Maps

After the Qing-Zhunghar war, the Qing sought to expand its empire into Tibet and Zhungharia. The Qing dynasty took advantage of international changes in Central Asia. The geographical ambitions of the Qing dynasty in Central Asia led to the redrawing of the frontier boundaries between Russia and the Qing as well as to the crushing of the vassal state of Zhunghar Khanate in 1760 by Qing armies. The Qing dynasty produced important new maps of unprecedented scale and accuracy as political and ideological weapons in their struggle for control of Central Asia. The first was the Jesuit atlas of China: the famous “Kangxi Atlas” (Kangxi Huangyu quanlan tu 康熙皇與全覽圖 [Map with a Complete View of Imperial Territory]), drawn on

the basis of surveys conducted by European Jesuits using mathematical techniques and presented to the emperor in 1718. German scholar Walter Fuchs have made significant contributions in the study of the Kangxi Atlas, but the territory of the Atlas did not include the Central Asia and Kazakh Steppe [20]. The most widely known version of the map was that done by Jean-Baptiste d'Anville, printed by Jean-Baptiste du Halde in his *Description de la Chine*, published in Paris in 1735. In 1737, he published the full atlas of the Qing in The Hague. This map of d'Anville was the basis of the Asian map to the Russian and English geographical research of the nineteenth century. After his initial victory over Dawachi in 1755, the Qianlong emperor (r. 1736–1795) ordered the compilation of large-scale maps. It was finished in 1772 and are now known variously as the *Qianlong neifu yutu* 乾隆內府輿圖 (Terrestrial Map of the Imperial Repository of Qianlong Reign), *Qianlong huangyu quantu* 乾隆皇輿全圖 (Complete Atlas of the Empire from the Qianlong Reign), *Yudi quantu* 輿地全圖 (The Whole atlas of the Empire), *Qianlong shisan pai tu* 乾隆十三排圖 (Map of the Qianlong Reign in Thirteen Rows). The *Qianlong neifu yutu* appeared in many different editions and different formats. The title of the version of the Qianlong atlas in the 1966 reprint is *Qingdai yitong ditu* 清代一統地圖 (China's National Atlas of Ching Dynasty) [55; 52].

German scholar M.J. Klapproth translated the place names of Central Asia (*Asie centrale* on the BnF online digital library of Gallica, the website of the French National Library in Paris) in the *Qianlong neifu yutu* into French [27]. For the sake of comparison, here is a list of place names of the Central Asia, Volga Basin, and adjacent areas in the *Qianlong neifu yutu* and the *Asie centrale* as follows (note: Manchu place name object type: bira (bila) = river; hoton (hetun) = city; alin = mountain; omo (emo) = the sea; gashan (keshan) = country; sekiyen (siqin) = water source, source; dabakhan = pass or hill; in addition, the lacks place names from *Asie centrale* are marked with *; modern Cyrillic and Latin place names are filled in the “Remarks” column):

Table III:
The place names of Central Asia and the Itil Basin in Qianlong neifu yutu

№	<i>Qianlong neifu yutu</i> [52]	location on <i>Qianlong neifu yutu</i>	<i>Asie centrale</i>	Remarks
Fifth rows west 3 [五排西三]				
1.	E'erqisi bila 額爾齊斯必拉	west 34–35	F. Ertsiss F. Irtysh	Ertis River
2.	Duomu hala 多穆哈拉	west 35–36	Tom-khara	on the border of Russia–Kazakhstan
3.	Tailan Ha'erhai 台蘭哈爾海	west 33–34	Tairam khalkhai	
4.	Mosige bila 謨斯格必拉	west 36–37	F. Mossghé	

5.	Yiximusigui hetun 伊錫穆斯歸和屯	west 37–38	Ville Ischimskoi	Ишимский/Ishimsky
6.	Yisikemu bila 伊斯克穆必拉	west 38–39	F. Ischim	Ишим/Ishim River
7.	Bu'erhasutaibila 布爾哈蘇台必拉	west 38–39	F. Bourkhassoutai	
8.	Duola bila 多拉必拉	west 37–38	Tara*	Тара/Tara River
9.	Duola hetun 多拉和屯	west 39–40	Tara*	Тара/Tara city
10.	Bayan ha'er hana 巴彥哈爾哈納	west 39–40	Bayan-khara- khana	
11.	Yi'erdisi bila 伊爾底斯必拉	west 40–41	Ertsiss*	Ерpic/Ertis
12.	Dimuyansigui hetun 底穆彥斯歸和屯	west 39–40		Demianovsky
13.	Waga gashan 瓦噶噶珊	west 40–41	Vagay gashan*	Варай/Vagay
14.	Balake hetun 巴拉克和屯	west 41–42	Abalak*	Абалак/Abalak [41, Т. VI, p. 393]
15.	Tuobo'er hetun 托博爾和屯	west 42–43	Tobol*	Тобольск/Tobolsk
16.	Exi'er bila 額錫爾必拉	west 44–45	Esil*	Есил/Esil
17.	Tuobo'er bila 托博爾必拉	west 44–45	Tobol*	Тобыл/ Tobol
18.	Yizete bila 伊澤特必拉	west 46–47	Iset*	Исеть/Iset
19.	Dumen hetun 都捫和屯	west 46–47	Tumen*	Тюмень/Tyumen [41, Т. VI, p. 404]
20.	Dula bila 都拉必拉	west 45–46	Tura*	Тура/Tura
21.	Da'erlinsigui hetun達爾林斯歸和屯	west 44–45	Darlinskoi (ville)	
22.	Wudiduo'ersiga hetun烏底多爾斯噶和屯	west 45–46	Oudidorsga (ville)	
23.	Naiweyangsigui hetun 鼐衛陽斯歸和屯	west 48–49	Nayuiyangskoi (ville)	
24.	Naiwa bila 鼐瓦必拉	west 48–49	F. Naiwa	Нейва/Neiva/Nevya
25.	Wutega hetun烏特噶和屯	west 48–49	Outega (ville)	Утяк/ Utyakovo [13, p. 490]
26.	Jugu'er hetun 巨古爾和屯	west 52–53		

Fifth rows west 4 [五排西四]				
27.	Samara bila 薩瑪拉必拉	west 53–54	F. Samara	Самара/Samara River
28.	Samala hetun 薩瑪拉和屯	west 53–54	Samara (ville)	Самара/Samara city
29.	Dedu'er gashan 德都爾噶珊	west 54–55	Dedour (ville)	
30.	Badaya gashan 巴達雅噶珊	west 55–56		
31.	Mosikewa 墨斯克瓦	west 54–55	Kheskewa	Моркваша?
32.	Wusa keshan 烏薩克珊	west 54–55	Oussa (village)	
33.	Gama bila 噶瑪必拉	west 54–55		Кама/Камa. Also called as Cholman Idel [41, T. VI, p. 167]
34.	Wo'erga bila 倭爾噶必拉	west 54–55	F. Wolga	Волга/Volga
35.	Xishuan bila 錫栓必拉	west 54–55	Sitsiuen	Сызран/Syzran River?
36.	Gazan hetun 噶贊和屯	west 59–60	Kazan (ville)	Казан/Kazan
37.	Sula bila 蘇拉必拉	west 60–61		Сура/Sura or Сульча/Sulcha
38.	Ega bila 鄂噶必拉	west 61–62		
39.	Gelesima bila 格勒斯瑪必拉	west 63–64		
40.	Basiduofu hetun 巴斯多傅和屯	west 64–65		
41.	Mikehai hetun 密科亥和屯	west 64–65		
42.	Delatema hetun 德拉特瑪和屯	west 65–66		
43.	Sateguo hetun 薩特郭和屯	west 65–66		
44.	Sefei'a'siga gashan 色非阿斯噶噶珊	west 59–60	Sefiasga (village)	Свияжскъ/Sviyazhsk [41, T. VI, p. 180; 13, p. 489]
45.	Dula bila 都拉必拉	west 60–61		
46.	Dedusi hetun 德都斯和屯	west 57–58	Dedous (ville)	Tetus, Тетюши /Tetyushi

47.	Suzhawaya bila 苏扎瓦雅必拉	west 51–52	F. Soutchawaya	
48.	Guoleisi hetun 郭雷斯和屯	west 57–58		
49.	Laisuo'er hetun 来索尔和屯	west 57–58		Лаишево (тат. Лаеш)?
50.	Nisina hetun 尼斯纳和屯	west 60–61		Нижний (Новгород) /Nizhny (Novgorod)
51.	Guoluoguowaiside hetun 郭羅郭歪斯德和屯	west 61–62		Гороховец/ Gorokhovets
52.	Woluodimo'er hetun 倭羅底謨爾和屯	west 62–63		Володимирь/Vladimir (Владимир-на- Клязьме)
53.	Gelisima bila 格勒斯瑪必拉			Клязьма/Klзаума
54.	Mosikua hetun 謨斯誇和屯			Москва/Moscow
55.	Luosan hetun 羅散和屯			Рязань/Ryazan
56.	Danbofu hetun 丹博傅和屯			Тамбов/Tambov
Sixth rows west 3 六排西三				
57.	E'erqisi bila 额尔齐斯必拉	west 32–33	F. Ertiss	Ертіс/Ertis
58.	Dabusun nao'er 达布孙淖尔	west 31–32	Lac de Sel	
59.	Nanuyi bila 纳努衣必拉	west 30–31	F. Nay	
60.	Nanuyi seqin 纳努衣色钦	west 29–30	Source du Nay	
61.	Talong Ha'erhai 塔隆哈尔海	west 30–31	Taroung- kharkhai	
62.	Bogui Ha'erhai 博归哈尔海	west 31–32	Bogoui- kharkhai	
63.	Ha'erda'erjin Ha'erhai 哈尔达尔金哈尔海	west 31–32	Aldarghin- kharkhai	
64.	Chahan E'erbo 察汉鄂尔博	west 31–32	Tsachan-Olbo	Ақ Оба (Ақ Үбі)
65.	Kala E'erbo 喀拉鄂尔博	west 31–32	Khara-Olbo	Қара Оба (Қара Үбі)/Qara Oba
66.	Eluosi Xi'er bila 鄂罗斯锡尔必拉	west 32–33	Oross-Sirbi	
67.	Hailatu 海拉图	west 31–32	Khairatou	
68.	Hai'er kumen bila 海尔库打必拉	west 31–32	F. Khair koumun	

69.	Tulun gaiqi nao'er 图伦该奇淖尔	west 31-32	Lac Touloun gaighi	
70.	Ba'erqiketou 巴尔奇克图	west 32-33	Bartsiktou	
71.	Handahaitou 汉达海图	west 31-32	Khandakhaitou	
72.	Tuibo'er 推博尔	west 32-33	Tchouibor	
73.	Heyue'er kalonggu 和岳尔喀隆古	west 32-33	Khoyor Karoungou	
74.	A'erqituhan alin 阿尔齐图汉阿林	west 32-33	M. Artsitoukhan	
75.	Eluosi Buli'er 鄂罗斯布里尔	west 32-33	Oross Boulir	
76.	Eluosi Cenboluote 鄂罗斯参博罗特	west 32-33	Sempolot (ville Russe)	Семей/Semey [41, Т. VII, р. 22]
77.	Eluosi Jiange'er tula 鄂罗斯鑑格尔图拉	west 32-33	Gher-Toura (=Kenggher- Toura) Ville Russe Oustkamen- gorsk	Өскемен (Усть- Каменогорск)/ Öskemen
78.	Wuliyasutu 乌里雅苏图	west 32-33		Улиясуту/Uliyasutu
79.	Cha'er bila 察尔必拉	west 32-33	F. Tsar	Шар/Shar
80.	Kundulun Cha'er 坤都仑察尔	west 33-34	Koundouloun Tsar	
81.	Wulan Chuqian 乌兰楚迁	west 32-33	Oulian- Tchoutsian	
82.	Wuxun Chuqian 乌逊楚迁	west 32-33	Oussou- Tchoutsian	
83.	Tu'ergun 图尔根	west 32-33	Tourghen	
84.	Wulan Bulake 乌兰布拉克	west 32-33	Oulan boulak	
85.	Abu 阿布	west 32-33	Abou	
86.	Ebugen 鄂布根	west 32-33		
87.	Eluosi E'erboke 鄂罗斯鄂尔博克	west 32-33	Oross Obbok	
88.	Eluosi Hami'er 鄂罗斯哈密尔	west 32-33	Oross Kaningdsoung	

89.	Ke'ertuositai 科尔托斯台	west 32–33	Kortosotai	
90.	Abulaikeyi 阿布赖克衣	west 33–34	Ablai-kei	Абылайкит/Ablaykit (Ablayin Qiyid)
91.	A'ertai Mulu 阿尔台穆鲁	west 30–31	Altay Mourou (dos ou crête de l'Altai)	
92.	Hai'er kumen bila 海尔库扞必拉	west 31–32	F. Khair koumun	
93.	Buketulamu bila 布克图拉穆必拉	west 31–32	F. Bouktourma	Бұқтырма/Bukhtarma
94.	Bulu'er bila 布鲁尔必拉	west 31–32	F. Bouroul	Ақ Берел (Бергел)/ Aqberel
95.	Chui bila 吹必拉	west 31–32	F. Tchoui	
96.	Bu'ergake bila 布尔噶克必拉	west 31–32	F. Bourgak	
97.	Changjisitai bila 昌吉斯台必拉	west 31–32	F. Tchanghistai	Шыңғыстай/ Shyngghystay
98.	Changjisitai kalun 昌吉斯台喀伦	west 31–32	Tchanghistai Karaoul	
99.	Nalin bila 纳林必拉	west 31–32		Нарын/Naryn
100.	A'ershatai bila 阿尔沙台必拉	west 30–31	F. Archatai	
101.	Eyiman bila 鄂衣满必拉	west 30–31	F. Oiman	
102.	Kukewusu 库克乌苏	west 30–31	F. Koukèoussou	
103.	Hetuo'er dabahan 和托和尔达巴汉	west 29–30	M. Khotokhor Dabakhan	
104.	Zha'erman bila 扎尔满必拉	west 30–31	F. Dcharman	Жарма/Zharma
105.	Kuba dabahan 库布达巴汉	west 29–30	M. Koubou Dabakhan	
106.	Haji'er kumen bila 哈集尔库扞必拉	west 29–30	F. Khadsir Koumun	
107.	A'erhute bila 阿尔胡特必拉	west 29–30	F. Arkhout	
108.	Chahan wusu 察汉乌苏	west 29–30	F. Tsagan- oussou	
109.	Chui bila 吹必拉	west 29–30	F. Tchoui	

110.	Boluo Bu'ergasu bila 博罗布尔噶苏必拉	west 28-29	F. Boro- bourgassoutai	
111.	Da'erqintu bila 达尔钦图必拉	west 28-29	F. Darkintou	
112.	Zhasitai bila 扎斯台必拉	west 29-30	F. Dchastai	
113.	Na'erga bila 纳尔噶必拉	west 29-30	F. Narga	
114.	Wukeke bila 乌克克必拉	west 30-31	F. Oukek	Укок/Ukek
115.	A'erchatu bila 阿尔察图必拉	west 30-31	F. Archatai	
116.	Hala bila 哈拉必拉	west 30-31	F. Khara	
117.	Hezhuo'erbu'ergasutai 和卓尔布尔噶苏台	west 32-33	Khodcherbourk hasoutai	
118.	Kundatu 坤达图	west 32-33	Koundatou	
119.	Wuliyasutu 乌里雅苏图	west 32-33	Oulanyasoutai	
120.	Wulanqihusutu 乌兰齐胡苏图	west 32-33	Oulikhouso u	
121.	Jinjilike bila 金集里克必拉	west 37-38	F. Ghindsilik	
122.	Bacha bila 巴差必拉	west 37-38	F. Batchai	
123.	Mohe'ercha'er 莫和尔察尔	west 34-35	F. Mokhor-tsar	
124.	Cha'er seqin 察尔色钦	west 34-35	Source de Tsar	
125.	Alake alin 阿拉克阿林	west 34-35	M. Alak	
126.	Ta'ergusi Wuliyatai 塔尔古斯乌里雅台	west 33-34	F. Targous Ouliatai	
127.	Ahaitu 阿海图	west 33-34	Akhaitou	
128.	Ebeitu 额贝图	west 33-34	Ebeitou	
129.	Wudatu 乌达图	west 33-34	Outatu	
130.	Tulutai 图鲁台	west 33-34	Touloutai	
131.	Kalaguo'er 喀拉郭尔	west 33-34	R. Kara-koul	

132.	Kukuguo'er 库库郭尔	west 33–34	R. Koukou- koul	
133.	E'erqisi bila 鄂尔齐斯必拉	west 32–33	F. Ertsis	
134.	Kulan-aji'ergan bila 库兰阿集尔干必拉	west 32–33	F. Koulan- adsirkhan	
135.	Lebuxi bila 勒布锡必拉	west 37–38	F. Lebssi	
136.	Chahan wusu 察罕乌苏	west 37–38		Ақсу/Aqsu
137.	Kukuwusu 库库乌苏	west 37–38	F. Koukou- oussou	Көкүсү/Koksu
138.	Halata'er bila 哈拉塔尔必拉	west 38–39	F. Kharatal	Қаратал/Karatal
139.	Biji bila 毕集必拉	west 38–39	F. Bidsi	Быжы/Byzhy
140.	Cha'er bila 察尔必拉	west 39–40		
141.	Xila nao'er 锡拉淖尔	west 39–40	L. Sira-noor	
142.	A'erhui alin 阿尔辉阿林	west 40–41	M. Arkhouy	
143.	Kukesali bila 库克萨里必拉	west 40–41	F. Kouksari	
144.	Bahanasi bila 巴哈纳斯必拉	west 41–42	F. Bakhanas	Бақанас/Bakanas
145.	E'erkebuqi bila 额尔克布齐必拉	west 40–41	F. Ergheboutsu	
146.	Alaketu'a 阿拉克图阿	west 40–41	M. Alaktou	
147.	Ba'erkaxi nao'er 巴尔喀锡淖尔	west 40–41	L. Balkassi- noor	Балқаш/Balksh
148.	Cha'er bila 察尔必拉	west 39–40	F. Tsar	
149.	Cha'er bila 察尔必拉	west 40–41	F. Tsar	
150.	Cha'er bila 察尔必拉	west 41–42	F. Tsar	Char Gurban [41, T. VII, p. 24]
151.	Amanha'erhai 阿满哈尔海	west 41–42	Amankharkhai	Амақарағай/ Аманқарағай
152.	Xidete Eleimo alin 锡德特额壘谟阿林	west 42–43	M. Sidet- elouimo	Ереймен/Ereimen Ereimen Schidor in the Renat map [56, p. 686; 7, p. cciv]

153.	Bayan alin 巴彦阿林	west 41–42	Bayanaula	Bayan-Ola [56, p. 645; 50, IV, p. 117]
Sixth rows west 4 六排西四				
154.	Wenggun alin 瓮衮阿林	west 43–44	M. Ongoun	
155.	Hu'erha'erjin nao'er 胡尔哈尔金淖尔	west 44–45	F. Khourkhaldsin	Қорғалжын (көл)/ Korgalžyn
156.	Nula bila 努拉必拉	west 44–45	F. Noura	Нұра/Nura
157.	Yisete emo 伊色特鄂谟	west 47–48	L. Isset	
158.	Miyasi emo 米阿斯鄂谟	west 47–48	L. Miass	Миасс/Miass [41, Т. VI, p. 312]
159.	Halaguote'er 哈拉郭特尔	west 47–48	F. Khara-gochir	
160.	Eleke bila 额勒克必拉	west 47–48	F. Elek	
161.	Wula'ertu alin 乌拉尔图阿林	west 48–49	M. Oural tou	
162.	Kukuguote'er 库库郭特尔	west 48–49	Koukou-goter	
163.	Chahan bila 察罕必拉	west 48–49	F. Tsakhan	
164.	Taqi hetun 塔奇和屯	west 48–49	Taki	Орал/Ural in Kazakh- stan [41, Т. VI, p. 220]
165.	Gashun 噶顺	west 49–50	Gachun	Гашон/Gashon
166.	De'erteke'er alin 德尔特科尔阿林	west 50–51	M. Derdekor	
167.	Ebo hetun 鄂傅和屯	west 51–52	Ofou (ville)	Уфа/Ufa
168.	Saladuofu hetun 萨拉多傅和屯	west 53–54	Siratow (ville)	Саратов/Saratov
169.	Ha'ermisi 哈尔密斯	west 58–59		Qārmish (Карамышево?)
170.	Yi'errisi bila 伊尔日斯必拉	west 53–54	F. Yrjich	(Большой) Иргиз/ Irgiz River
171.	Galamen bila 噶拉扪必拉	west 52–53	F. Galamun	Karaman [41, Т. VI, p. 113]
172.	Wo'erga bila 倭尔噶必拉	west 54–55	F. Wolga	Волга/Volga
173.	Xilhamisi hetun 锡拉哈米斯和屯	west 55–56	Sherkamish* [43, Т. VI, p. 120]	Камыши/Kamyshin

174.	Teng 滕	west 57–58	Don*	Дон/Don
175.	Manacha 玛纳察	west 57–58	Manacha*	Manych [28, p. 52]
Sixth rows west 5 六排西五				
176.	Hala Tengjisi 哈拉腾吉斯	west 65–66	Qara Tengiz*	Black Sea
177.	Yisitanba'er hetun Kongka'er juchu 伊斯坦巴尔和屯控喀尔居处	west 66–67		Istanbul
Seventh rows west 3 七排西三				
178.	Nalin bila 纳林必拉	west 33–34	Narym	
179.	Sali alin 萨里阿林	west 31–32	M. Sari	Саур/Saur
180.	Hetongha'erhai kalun 和通哈尔海喀论	west 33–34	Khotongkarkha i-Kharaoul	Қатынқарағай/ Katonkaragay
181.	Zaisang nao'er 斋桑淖尔	west 32–33	L. Dsaisang- noor	Зайсан/Zaysan
182.	Edong bila 鄂东必拉	west 32–33	F. Etoung	Үйдене/Üydene
183.	Temu'erchuo'erhe alin 特穆尔绰尔和阿林	west 32–33	M. Tomour- dchor	
184.	Temu'erchuo'erhe bila 特穆尔绰尔和必拉	west 32–33	F. Temour- Tchorkho	Қандысу- Шорға/Qandysu- Shorgha
185.	E'erhechuo'er alin 鄂尔和绰尔阿林	west 32–33	M. Orkchodchor	Орқашар/Orqashar
186.	Ha'erba alin 哈尔巴阿林	west 34–35	M.Khalba	Қалба жотасы/ Qalba
187.	Kebukuketu alin 科布库克图阿林	west 34–35	M. Kobkouktou	Көкпекті /Kokpekty
188.	Abuta'ermoduo kalun 阿布塔尔漠多喀伦	west 33–34	Abtalmodo Kharaoul	
189.	Abuta'ermoduo bila 阿布塔尔漠多必拉	west 33–34	F. Abtalmodo	
190.	Boluonai alin 博罗鼐阿林	west 34–35	Boronai	
191.	Ha'erba dabahan 哈尔巴达巴汉	west 34–35	M. Khalba dabakhan	Қалба жотасы/ Qalba
192.	Kuliyetu 库里野图	west 35–36	Kourietou	
193.	Bukun bila 布坤必拉	west 34–35	F. Bougoun	Букен/Buken [41, T. VII, p. 25]

194.	Ta'erbahatai alin 塔尔巴哈台阿林	west 34–35	M. Tarbakhatai	Тарбағатай/Tarbagatay
195.	Baketu alin 巴克图阿林	west 34–35	M. Baktou	Бақты/Bakty
196.	Baketu kalun 巴克图喀伦	west 33–34	Baktou- Kharaoul	Бақты/Bakty
197.	Hama'er dabahan 哈玛尔达巴汉	west 33–34	M. Khamar dabakhan	Хамар асуы/Khamar
198.	Jimo'ersike kalun 集漠尔斯克喀伦	west 33–34	Dsimorsek Kharaoul	Жимерсек/Jimersek
199.	Wunahen Tuoluohui 乌讷狼托罗辉	west 33–34		Кунехен- Толохай/Kunekhen- Tolokhay
200.	Zhuluhuzhu bila 珠鲁胡珠必拉	west 32–33	F. Dchourou- khououchou	Жур-хужу/Zhur-khuzhu
201.	Zhuluhuzhu kalun 珠鲁胡珠喀伦	west 32–33	Dchourou- khououchou Kharaoul	Жур-хужу/Zhur-khuzhu
202.	Yu'er bila 玉尔必拉	west 34–35	F. Yur	Юр/Yur
203.	Ya'er bila 雅尔必拉	west 34–35	F. Yar	Яр/Yar
204.	Alaketuhu'er nao'er 阿拉克图胡尔淖尔	west 34–35	Alaq-Tughul nor [24, I, p. 401; 41, T. VII, p. 40]	Алакөл/Alakol
205.	Wenduketai A'ershan 温都克台阿尔善	west 34–35	Ooundouktai archan	Ундуктай/Unduktay
206.	Shaba'ertu Helai 沙巴尔图和赖	west 35–36	Shabartou- Kholai	Шабарты/Shabarty
207.	Emi'er bila 额密尔必拉	west 34–35	F. Emil	Емил/Emil
208.	Katun bila 喀屯必拉	west 34–35	F. Khatoun	Қатынсу/Qatynsu
209.	Yamatu bila 雅玛图必拉	west 34–35	F. Yamatou	Жаманты/Zhamanty
210.	Ya'erhatu bila 雅尔哈图必拉	west 34–35	F. Yarkhatou	Ырғайты/Yrghayty
211.	A'ergalingtu 阿尔噶灵图	west 35–36	Argalingtou	Арғанаты/Arghanaty [56, p. 148–149]
212.	Abulai Hasake 阿布赖哈萨克	west 37–38	Ablai-Khassak	
213.	A'erhui alin 阿尔辉阿林	west 36–37	M. Arkhouy	Арқат/Arqat [43, p. 61]

214.	Chahan buhutu alin察漢布胡圖阿林	west 35–36	M. Tsakhan- boukhoutou	
215.	E'erkebuqi gatu'erga 額爾克布齊噶圖爾噶	west 36–37	Erkebtsi- gatulga	
216.	Agusi 阿古斯	west 35–36	Agous	Аяғоз/Ауағоз
217.	Aitangsu 藹塘蘇	west 35–36	R. Aitangsou	Айтансу/Айтансу
218.	Zhaomoduо 詔謨多	west 36–37	Dchaomodo	Жао-Модо/Zhaomodo in Eastern Kazakhstan. According to Humboldt, Zhaomodo means “Hundred Trees” in Mongol. The Kazakh name Jüz-aghash also means “Hundred Trees” [24, II, p. 224]
219.	Chahan tuohui 察罕托輝	west 36–37		Шаған-Тоғай/ Shaghan-Toghay
220.	Heluosi bila 和羅斯必拉	west 36–37	F. Khoross	
221.	Bahanasi bila 巴哈納斯必拉	west 36–37	F. Bakhanass	Бақанас/Bakanas
222.	Kukusa'er bila 庫庫薩爾必拉	west 36–37	F. Koukou ssar	
223.	Chahan tuohui 察罕托輝	west 36–37	Tsakhan- tokhoui	
224.	Lebushi bila 勒布什必拉	west 36–37	F. Lebchi	Лепси/Lepsi
225.	Huchake alin 胡察克阿林	west 36–37	M. Khoudchak	
226.	Kukutuomu dabahan 庫庫托穆達巴漢	west 35–36		Көктұма/Koktuma
227.	Jinjilike dabahan 金集里克達巴漢	west 35–36		
228.	Bicha bila 必釵必拉	west 34–35	F. Bidcha	
229.	Jinjilike bila 金集里克必拉	west 34–35	F. Ghintsirik	Жүнжүрек/Zhunzhurek
230.	Lebuse xiqin 勒布色錫欽	west 35–36	Source du Lebchi	Lebsi sekiyen
231.	Bashigan bila 巴什干必拉	west 35–36	F. Bachkhan	Басқан/Baskan
232.	Sha'ergan bila 沙爾干必拉	west 35–36	F. Scharkan	Сарқан/Sarkan

233.	Chahan Wusu 察汉乌苏	west 35–36	F. Tsakhan-oussou	Чаган-усу/Chaghan-usu Ақсу/Aqsu [24, II, p. 224]
234.	Bomu Wusu 博穆乌苏	west 35–36	F. Boumou-oussou	Бум-усу
235.	Halazhekede bila 哈拉哲克德必拉	west 36–37	F. Khara Dchikte	Қаражиде/Qarajide [56, p. 198]
236.	Halata'er bila 哈拉塔尔必拉	west 37–38	F. Kharatal	Қаратал/Qaratal
237.	Talan Huduke 塔兰胡都克	west 37–38	Talan Khuduk	
238.	Wulan E'erji 乌兰额尔吉	west 37–38	Oulan-erghi	Ұлан-Ерхе/Ulan-Erkhe
239.	Qichenhala 齐陈哈拉	west 36–37	Tsitchin-khara	ШЫЖЫН/Shyjyng
240.	Modeyinwuhua 漠德因乌花	west 37–38	Motein-oukhua	
241.	Ba'erkashi nao'e 巴尔喀什淖尔	west 38–39	Balkhach-noor	Балқаш/Balqash
242.	Alaketu alin 阿拉克图阿林	west 38–39	M. Alaktou	Алатау/Alatau
243.	Talan Huduke 塔兰胡都克	west 37–38	Talan Khuduk*	
244.	Guobi 郭必	west 40–41	Gobi	
Seventh rows west 4 七排西四				
245.	Han alin 汉阿林	west 42–43	M. Khan	Хан тауы/Khan tau
246.	Gu'erban Hasuluke alin 古尔班哈苏鲁克阿林	west 43–44	M. Gourban khaslouk	Үш Қазылық/Üsh Qazylyq [50, IV, p.117]
247.	Zanbula alin 簪布拉阿林	west 43–44	M. Dsengboula	Жамбыл/Zhambyl
248.	Huma bila 胡玛必拉	west 44–45	F. Khouma	Құмақ/Khuma/Qumaq
249.	Beile gu'er 贝勒古尔	west 44–45	Lac Beile-noor ou Khochi koul	Билікөл/Beile-gul/ Peile noor. Also called Qabanqulaq or Khoschi-gul [24, II, p. 260]
250.	Guobi 郭必	west 44–45	Gobi	
251.	Yilakeluo bila 伊拉克罗必拉	west 45–46	F. Yroklo	
252.	Bei Hasake 北哈萨克	west 44–45		“Northern Kazakh” in Chinese

253.	Ama'er ji Hasake 阿玛尔吉哈萨克	west 45–46	Amargi Hasak*	“Northern Kazakh” in Manchu
254.	Guqingu'erban Tuoluohui 古沁古尔班托罗辉	west 45–46	M. Goutsingour- ban Tolokhai ou Les trente trois collines	Толағай/Tolaghay [56, p. 461]
255.	Akesaha'er Ba'erbei 阿克萨哈尔巴尔贝	west 45–46	Akssakhar Barbai	Ақсақал Бар- бы/Aqsaqal Barby [41, T. VII, p. 41]
256.	Xihe'erlike nao'er 锡赫尔里克淖尔	west 45–46	L. Sikhorlik	Sikirlik [7, Renat Map, no. 34]
257.	Seyiku bila 色衣库必拉	west 46–47	F. Seikou	Seiku [3, p. 181 (text), p. 191 (trans.); 47, Türkili Haritasi]
258.	Shunguo'erlu bila 顺郭尔鲁必拉	west 47–48	F. Schungorlou	Шыңғырлау /Shynggyrlau [28, p. 69; 56, p. 336]
259.	Suiku bila 绥库必拉	west 47–48	Suoikou	
260.	Gegen bila 格根必拉	west 47–48	F. Keghen	
261.	Ya'erkasi 雅尔喀斯	west 47–48		Сағыз/Saygis, Sakis [41, T. VII, p. 44] Alternatively, an error for Yrghyz [56, p. 132]
262.	Yinde'er alin 因德尔阿林	west 48–49	M. Yender	Индер/Inder [28, p. 70; 56, p. 270; 41, T. VII, p. 37]
263.	Eyi'er 鄂伊尔	west 48–49	Oir	Ойыл/ Oiyl [28, p. 69; 56, p. 116]
264.	Qi'er 奇尔	west 48–49	Gir	Қиыл/Qiyil [56, p. 106]
265.	Dapoxun nao'er 达珀逊淖尔	west 48–49	Lac de Sel	Индер көлі/Inder köli; Diuder-Tuz, Tuzdykul [41, T. VII, p. 41]
266.	Temu'er bila 特穆尔必拉	west 48–49	Temir*	Темір/Temir [41, T. VII, p. 45; 56, p. 124]
267.	Muhu'ertuo'er alin 穆呼尔托尔阿林	west 48–49	Mughalzhар*	Мұғалжар тауы/ Mugodzhар Hills [56, p. 114]
268.	Halaku'er 哈拉库尔	west 49–50	Qara köl* [9, p. 65; 28, p. 69]	

269.	Samu'er 萨穆尔	west 50–51	Samur*	Қамыс-Самар көлдері/Камышь- Самарь [41, p. 216, 221]
270.	Heyue'er ezhun 和岳尔额准	west 50–51	Hoyir Özen*	Perhaps Қиыл/Qiyil; also see Qi'er 奇尔 (above)
271.	Eyichuke hetun 鄂伊楚克和屯	west 50–51	Üyshik* [1, p. 98]	Атырау/Атырау Torghuts called it Узянь Балгазинь [41, T. VI, p. 219]
272.	Nalin elesu 纳林额勒苏	west 51–52	Naryn els*	Els= desert in Mongolian, Нарын/Naryn desert [56, p. 277; 41, T. VI, 211]
273.	Taben nao'er 塔奔淖尔	west 53–54		Taben nao'er means “Five lake” in Mongolian. Perhaps, Besköl in western Kazakhstan [56, p. 295]
274.	Halaku'er 哈拉库尔	west 49–50	Qara köl [9, p. 65; 28, p. 69]	
275.	Tu'ergute zhi Ayuxi han suoju zhi di 圖爾古特之阿裕錫汗所居之地	west 54–55	Ayuki Khan's Torghut state	Also called Ayuqi 阿欲奇, Ayuqi 阿玉奇, or Ayuqi 阿玉气, Eyueqi 鄂岳奇 in Chinese sources (Ayuki /Öyoki, 1640– 1724)
276.	Dabuxun nao'er 達布遜淖爾	west 54–55		Bogdan Dubassun (Bogdo lake) [41, T. VI, p. 136]
277.	Eji'er bila 額集爾必拉	west 55–56	Edil*	Волга/Volga
278.	Suo'erla gashan 索爾拉噶珊	west 56–57		
279.	Zali hetun 雜里和屯	west 56–57		
Seventh rows west 5 七排西五				
280.	Suochikesa'er gashan 索啻克薩爾噶珊	west 57–58		
281.	Re'ernuoza gashan 惹爾諾雜噶珊	west 57–58		
282.	Sa'er gashan 薩爾噶珊	west 57–58		
283.	Gulikesan gashan 古里克三噶珊	west 57–58		

284.	Akexi hetun 阿噶錫和屯	west 55–56	Akish/Akash* [41, T. VI, p. 128]	Волгоград/Volgograd (Tsaritsyn)
285.	Bukeda alin 布克達阿林	west 55–56	Ko Bogdo*[41, T. VI, p. 137]	Bogdo
286.	Yanggala hetun 楊噶拉和屯	west 55–56	Yankala/Yankh ala*[41, T. VI, p. 137]	Черный Яр/ Chyornyy Yar
287.	Shuo'erbo bila 朔爾博必拉	west 56–57	Sorpa/Shorba* [41, T. VI, p. 134]	
288.	Zhamubeiluke huizi deng juchu 札穆貝魯克回子等居處	west 55–56	Camboyluk (Jamboyluk) Nogais*	
289.	Se'erkesi hetun 色爾克斯和屯	west 55–56	Serkes*	
290.	Asidalahan hetun 阿斯達拉罕和屯	west 55–56	Astrakhan*	Astrakhan
291.	Eji'er bila 鄂集尔必拉	west 55–56	Edil*	Volga
292.	Yetesan huizi deng juchu 野特散回子等居處	west 57–58	Yedisan*	Yedi uruv, Zhetiru (Zhetiru in the Middle Zhuz) [47, p. 166]
293.	Kumo bila 庫墨必拉	west 58–59	Kuma*	Kumogol [41, T. VI, p. 88]
294.	Jilei Duonatesi bila 集壘多納特斯必拉	west 59–60	Seversky Donets*	
295.	Duan bila 端必拉	west 60–61	Don*	
296.	Aiduo'er bila 愛多爾必拉	west 63–64	Aydar*	Айдар/ Aydar [28, p. 38]
297.	Duo'er bila 多爾必拉	west 64–65		Торь/Tor [28, p. 36]
Seventh rows west 6 七排西六				
298.	Mo'edi emo 謨額底額謨	west 74–75		Maеotis or Māyūtiš
299.	Gelansa hetun 噶蘭薩和屯	west 68–69		Kalansse
300.	Damen hetun 達捫和屯	west 72–72		Тамань
301.	Fodelebisongda gashan 佛德勒必宋達噶柵	west 69–70		Aṭrabezunda/Trabzon
Eighth rows west 4 八排西四				
302.	Yili bila 伊犁必拉	west 37–38	F. Ily	Иле/Или

303.	Sha'erteke 沙爾特克	west 37–38	Sardek	
304.	Kukuwusu 庫庫烏蘇	west 36–37	F. Koukou- oussou	Көкcy/Koksu
305.	Boluohaji'er dabahan 博羅哈及爾達巴漢	west 36–37	Borokhoudsir dabakhan	Боро-хожир асуы/Borokhojir asuyi
306.	A'ertanemo'er dabahan 阿爾坦額謨爾達巴漢	west 36–37	M. Artan-emor dabakhan	Алтынemел/Altynemel
307.	Gu'erban Biji 古爾班必集		Gurban Bije	Быжы/Bizhe River
308.	Chalin bila 察林必拉	west 37–38	F. Tsaring	Шарын/Charyn
309.	Chunji kalun 椿集喀倫	west 35–36	Tchoundsi Kharaoul	Шонжы/Shonjy
310.	Tuoli kalun 托里喀倫	west 35–36	Toli-Kharaoul	
311.	Shabu'ertuohai kalun 沙布尔托海喀倫	west 35–36	Tchabour- dchechi- Karaoul	
312.	Ha'ergagatu'erga 哈尔噶噶圖爾噶	west 37–38	Khargagatur- ga	Khulgan gatulga [24, II, p. 225]
313.	Mingbulake 明布拉克	west 37–38	Mingboulak	Мыңбулак/Myngbulaq
314.	Nalin bila 纳林必拉	west 37–38	F. Narin	Нарын/Naryn
315.	Tamuhan kalun 塔穆漢喀倫	west 36–37	Tamkhan Karaoul	
316.	Tamutalike 塔穆干塔里克	west 36–37	Tamghantarik	
317.	Temu'erlike dabahan 特穆尔里克達巴漢	west 36–37	M. Temourik	Темірлік/Temirlik
318.	Temu'erlike kalun 特穆尔里克喀倫	west 36–37	Temourik- Karaoul	
319.	Gegen kalun 格根喀倫	west 36–37	Geghen	Кеген/Kegen
320.	Gegen bila 格根必拉	west 36–37		
321.	Hantengge'er alin 漢騰格爾阿林	west 36–37	M. Khantengher	Хан Тәңірі/ Khan Tengri
322.	Ha'erqila kalun 哈爾奇拉喀倫	west 36–37	Kharkira- Kharaoul	Қарқара/Karkara
323.	Ha'erqila bila 哈爾奇拉必拉	west 36–37	F. Kharkira	Қарқара/Karkara
324.	Tetu dabahan 特圖達巴漢	west 36–37	M. Tem- Dabakhan	

325.	Tekesi seqin 特克斯色欽	west 36–37	Source du Tekes	Текес/Tekes
326.	Kunakesa'er 庫納克薩爾	west 36–37	F. Kounouksar	
327.	Bayanzhu'erke 巴彥珠爾克	west 36–37	Bayandchouke	
328.	Habuqihai gatu'erga 哈布齊海噶圖爾噶	west 38–39	Kapchagai- gatulga	Қапшағай/ Kapshagay
329.	Sha'erbo'er 沙爾博爾	west 38–39	F. Schabor	Сарыбел/Sarybel?
330.	Saleke bila 撒勒克必拉	west 38–39	F. Salek	Шелек/ Shelek
331.	Tu'ergen bila 圖爾根必拉	west 38–39	F. Tourghen	Түрген/Türgen
332.	Gu'erban Chabuda'er bila 古爾班察布達爾必拉	west 38–39	F. Gourban- tsabdar	
333.	Eyigun alin 鄂衣袞阿林	west 38–39	M. Oigoun	
334.	Yixiketou bila 伊錫克圖必拉	west 38–39	F. Issiktou	
335.	Asu bila 阿蘇必拉	west 38–39	F. Assou	
336.	Asu dabahan 阿蘇達巴漢	west 38–39	M. Assou- dabakhan	
337.	Ta'erga'er bila 塔爾噶爾必拉	west 38–39	F. Talgar	Талғар/Talgar
338.	Mo'ergensali alin 謨爾根薩里阿林	west 39–40	M. Morghen- sari	
339.	Gu'erban Alimatu 古爾班阿里瑪圖	west 39–40	Gourban- Arimat	Алматы/Almaty
340.	Hashikeleng bila 哈什克楞必拉	west 39–40	F. Khachikleng	Қаскелен/Kaskeleng
341.	Chama'ergan bila 察瑪爾干必拉	west 39–40	F. Tsamargu	Шамалған/Shamalgan
342.	Kulutou bila 庫魯圖必拉	west 40–41	F. Kourtou	Күрті/Kurti
343.	Hashitake bila 哈什塔克必拉	west 40–41	F. Khachtak	Қастек/Kastek
344.	A'ergalingtu 阿爾噶靈圖	west 40–41	Argalingtou	Арғанаты/Arghanaty
345.	Hashitake dabahan 哈什塔克達巴漢	west 40–41	M. Khachtak- Dabakhan	Қастек/Kastek
346.	Ya'erhatu dabahan 雅爾哈圖達巴漢	west 41–42	M. Yarkhatou- Dabakhan	

347.	Chui bila 吹必拉	west 42–43	F. Tchoui	Шу/Chu
348.	He'erhetu bila 和爾和圖必拉	west 42–43	R. Khotkhatou	Құрағаты/Quraghaty [56, p. 360]
349.	Gu'erban Hayintu bila 古爾班哈因圖必拉	west 42–43	F. Gourban Khayntou	
350.	Ashaba'er bila 阿沙巴爾必拉	west 42–43	F. Khochabar	
351.	Botuomaitake 博托邁塔克	west 42–43	M. Botamaitak	Ботамойнак/Botamoy-naq [56, p. 347]
352.	Talasi bila 塔拉斯必拉	west 44–45	F. Talas	Талас/Talas
353.	Ashai alin 阿篩阿林	west 44–45	M. Achai	
354.	Heselate alin 河色拉特阿林	west 44–45	M. Khoserat	
355.	Boshi'ashimo 博什阿哈什謨	west 44–45	Bochakhachmo	
356.	Temo'erhabahake 特謨爾哈巴哈克	west 44–45	Temorkhabakhak	
357.	Asha bila 阿沙必拉	west 45–46	F. Acha	Aca/Asa
358.	Agu'er nao'er 阿古爾淖尔	west 45–46		
359.	Minbula 敏布拉	west 45–46		
360.	Biku'er nao'er 必庫爾淖爾	west 46–47		
361.	Halaha'erbake teheba 哈拉哈爾巴特赫巴	west 46–47	Qaraqalpaq tehe ba (Tehe ba means “homeland” in Manchu)	Қарақалпақстан /Karakalpakstan
362.	Suo'ertunyi nukete 索爾屯衣努克特	west 46–47		Solto?
363.	Baibisitan nukete 拜必斯坦努克特	west 47–48		
364.	Xi'er bila 錫爾必拉	west 47–48		Сырдария/ Syr Darya
365.	Minbula 敏布拉	west 45–46		Мыңбұлақ/Mingbulaq
Eighth rows west 5 八排西五				
366.	Haina'er bila 海納爾必拉	west 50–51		Қайнар/Qaynar [41, T. VII, p. 45; 56, p. 100]

367.	Tashigan 塔什干	west 48–49	Tashkent*	Ташкент/Tashkent
368.	Zhemu bila 哲木必拉	west 50–51	Jem*	Жем (Ембі)/ Emba
369.	Mang'axilu dabahan 莽阿錫魯達巴漢	west 50–51	Manggishlaq dabagan*	Мангы- стау/Manghystau
370.	Wa'erji Hasake zhecheng 瓦爾吉哈薩克哲成	west 50–51	Wargi Hasak jecen* (wargi means “west” in Manchu)	west Qazaq border
371.	Halazhake 哈拉扎克	west 53–54		
372.	Halaweng'er huduke 哈拉翁額爾胡都克	west 53–54		
373.	Tamangsumen huduke 塔莽蘇捫胡都克	west 53–54	L. Tapoun- ssoumoun- Khodouk	
374.	Buxun nao'er 布遜淖爾	west 53–54	Lac. Boussoun	
375.	E'erheji huizi hetun 鄂爾和集回子和屯	west 54–55		
376.	Tu'erkumen suoju zhidi 圖爾庫捫所居之地	west 52–53	Pays de Turkmen	Туркмен/Turkmen
377.	Dalintubo huduke 這林圖博胡都克	west 52–53	Source ou Lac Dserin Toubou	
378.	Hulamaji huduke 胡拉瑪集胡都克	west 52–53	Source ou Lac Khouramadsi	
379.	Dabuxun nao'er 達布遜淖爾	west 52–53	Lac de Sel	
380.	Qiawa hetun 恰瓦和屯	west 52–53	Ywa	Хива/Khiva
381.	Bokete'er huizi hetun 博克特爾回子和屯	west 51–52	Bokter ville des Boukhars	On the right bank of the Yaik, the name of Bagthiar occurs on Jenkinson's map. The Bakhtiari were relocated to the Turkoman frontier by Nadir Shah.
382.	Xilawate huizi hetun 錫拉瓦特回子和屯	west 51–52	Sirawat villes des Boukhars	A corruption of Shahri- Vezir. This “castle”, or fortified town, of Shaḡsure (Sellizure on Jenkinson's text) has been identified with Shahr, or Shehr Vezir (Shahr

				signifying town), now marked by the ruins of Dev-Kesken, or Dev Kesken qala, is an archaeological site in the Dashoguz region of northern Turkmenistan, 62 km west of Koneurgench [15, p. 69].
383.	Abalagazha han zhizi exianshi han suoju zhidi 阿巴拉噶扎漢之子額先什罕所居之地	west 51–52	Demeure de Enouchi khan fils d'Abla khodcha-khan	Ануша-хан/Anusha khan (1663–1686)
384.	Ala'ertuohui Esiboke deng suoju 阿拉爾托輝鄂斯博克等所居	west 50–51	Demeure de chef Aral- Tokhoui Ossbok	Арал Өзбектери/Aral Uzbeks [19, p. 651]
385.	Daligang'a emo 達里崗阿鄂謨	west 51–52	Lac Daliganga	Арал Теңізі/Aral sea [=Dari- yangya]
386.	Halakezi huizi hetun 哈拉科子回子和屯	west 51–52	Karakhodsu ville des Boukhars	Qara-Hajji? [19, p. 54–55]
387.	Wu'ergenqi huizi hetun 烏爾根齊回子和屯	west 51–52	Ourghenz, ville des Boukhars	Ургенч/Urgench
388.	Tengjisi emo 騰吉斯鄂謨	west 54–55		Теңіз/Tengiz Tatars called it Chagan Tengis (Чаганъ Тенгисъ), Kalmyks called it Kulsom Tengis (Кулсомъ Тенгисъ) [41, T. VI, p. 87]
389.	Sama'erhan 薩瑪爾罕	west 50–51	Samarkhan	Самарканд/Samarkand
390.	E'ertuba 鄂爾圖巴	west 49–50	Ortouba	Истаравшан /Istarawschan (Ura-Tjube)
391.	Hejiyan 和濟彥	west 48–49	Khodsiyan Khodchend	Худжанд/ Khujand
392.	Ajige buka'er zhecheng 阿濟格布喀爾哲成	west 49–50	Ville Adsigheb- chardche	Little Bukhara border [ajige means “little” in Manchu, “布喀尔=Bukhara; “哲 成=jecen (border)”]
393.	Naiman nukete 奈滿努克特	west 48–49	Nayman- Nouktè	Найман/Nayman pastoral area
394.	Dayate nukete 達雅特努克特	west 47–48	Tayat- Nouktè	Тейт/Teyit

395.	Jibuchake alin 吉布察克阿林	west 46–47	M. Kibdchak	Қыпшақ/Қыршақ
396.	Lianlabashi huizi deng juchu 連拉巴斯回子等居處	west 58–59		Mali bash
397.	De'erji hetun 德爾集和屯	west 58–59	Tarki*	Тарки/Tarki [the place referred to, evidently Terki, is at the mouth of the Terek, Dagestan, 28, p. 60]
398.	Te'erben hetun 特爾奔和屯	west 59–60	Derbent*	Дербент/Derbent
Eighth rows west 6 八排西六				
399.	Shamaji hetun 沙馬吉和屯	west 59–60		Shamakhi, Azerbaijan
400.	Gu'er bila 古爾必拉	west 60–61	Kur	Kura River
401.	Nashiwang bila 那什旺必拉	west 61–62		Nakhchivan
402.	Eliwang hetun 額裡旺和屯	west 62–63	Erivan	Yerevan
403.	Alasi bila 阿拉斯必拉	west 63–64	Aras	Aras or Araxes River
Eighth rows west 7 八排西七				
404.	Sahalian modeli 薩哈連墨德里	west 63–64	Sahaliyan mederi (Black Sea in Manchu)	Black Sea
405.	E'erselong hetun 額爾色隆和屯	west 76–77	Erserum	Erzurum
Eighth rows west 8 八排西八				
406.	Hongga'er guo zhi han suoju Gongsidangdinabole hetun 紅噶爾國之汗所居拱斯當底納伯 勒和屯	west 80–81	The city of Constantinople, where Khwand-kār or Khunkār Khan lived [3, p. 212 (text), p. 227 (trans.); 38, [I], p. 88–89, n. 258; 7, [II], p. 330]	Istanbul
407.	Mola hetun 謨拉和屯	west 87–88	Mora	
Ninth rows west 5 九排西五				
408.	Zhumute huizi suoju zhi buluo 珠穆特回子所居之部落	west 50–51	Horde Boukhare Dchoumte	Йомуд/Yomut (Yomud) Yomut or Yomud, one of the Turkmen tribes lived

				in Gorgan, Turkmenbashi, east coast of the Caspian, Khiva and Dashoguz [51, p. 353]
409.	Wulanguma elesu 烏蘭古瑪額勒蘇	west 51–52	Dessert [Wulan=Ulan means “red” in Mongolian +guma=qum (“desert” in Turkic) +elesu=els (“sand” in Mongolian)].	ҚЫЗЫЛҚҰМ/Quyylqum
410.	Teke huizi zhi buluo juchu 特克回子之部落居處	west 49–50	Horde Boukhare Tek	Takka [Teke] [51, p. 351]
411.	Anbabuka'er zhecheng 安巴布喀爾哲成	west 48–49	Anbabkardchè	Anba 安巴=amba in Manchu, means “Great”; “Buka'er 布喀尔=Bukhara; “zhecheng 哲成=jecen (border)”. Great Bukhara border”
412.	Duluma huizi zhi buluo juchu 都魯瑪回子之部落居處	west 49–50	Horde Boukhare Doulouma	Дурмен Durman?
413.	Kekelun huizi zhi buluo juchu 科克倫回子之部落居處	west 49–50	Horde Boukhare Kokrun	Гоклен/Goklen. The dwelling place of Goklen Muslims
414.	Zhanyisiba'er huizi hetun 瞻伊斯巴爾回子和屯	west 49–50	Ville Boukhare Dchensozubar	Sabzawār or Sabzevar Muslims city
415.	Hazha'erbashi hongmaozi deng juchu 哈扎爾巴什紅帽子等居處	west 53–54		The dwelling place of the Qyzylbash=Read Heads. Кизылбаш/Quyyl-bash [28, p. 71; 3, p. 211–215 (trans.); 19, p. 27–29]
416.	Nishai huizi zhi buluo juchu 尼篩回子之部落居處	west 49–50		The dwelling place of Nashay Muslim tribes. Nashay or Nesa, a town near Bagir (near mod. Ashkabad) [3, p. 226 (trans.); 19, p. 31, 554]
Ninth rows west 8 九排西五				
417.	Du'erjia guo 都爾佳國	west 82–83		Turkey

As we have seen above, the information of *Qianlong neifu yutu* map was obtained during the Jesuit-led survey of Qianlong period. However, the knowledge of the Aral Sea Basin, Volga valleys, Māwarā'an-nahr as well as some other areas west of the Xinjiang was based on information provided by local authorities. The western section of the *Qianlong neifu yutu* describes the general form of the Anatolia, Central Asia, and Siberia, Russia which stretches from Europe in the west to Xinjiang in the east; from the Russia in the north to India and the Persian Gulf in the south; and includes Persia, Badakhshan and Afghanistan.

Conclusion

Al-Idrīsī's Maps shows the creation of map images by medieval Arab geographers based on absorbing Ptolemaic geography. Influenced by the map of Al-Idrīsī, the geographic gaps and blind spots of the old continent on the European map were filled, reconstructed, and connected with the new world geographic knowledge, forming a relatively complete world map.

Al-Idrīsī's Maps also affected the geographical knowledge of Yuan-Mongol Empire geographers. The *Kitāb Nuzhat al-mushtāq fī ikhtirāq al-āfāq* (Entertainment for He Who Longs to Travel the World), composed in 1154 by al-Idrīsī, became significant sources for the mapmakers of Kangnido, drawn in 1402. The inclusion of Dasht-i Qipchaq and the Syr Darya Basin in the Kangnido provides clear evidence that the mapmakers consulted Al-Idrīsī's accounts for their geographical information. In addition to its pretty accurate contours, the Kangnido demonstrates knowledge about three places in Dasht-i Qipchaq, and more than ten in the Syr Darya-Talas Valley.

For example, Beisa'er was probably a corruption of Bašqurt or Bāshqarūd in Arabic sources, or refers to Bulghar, a town in modern Tatarstan; Beisu 北速 relates perhaps to the al-Baydā', the western city of the Ātil, all derived from al-Idrīsī.

At the end of the Ming and early Qing dynasties, a large amount of overseas geographic knowledge was introduced by Western missionaries entered China. Among them the most important are Matteo Ricci's (1552-1610) "Kunyu Wanguo Quantu" (Map of the Ten Thousand Countries of the Earth, 1602), Ferdinand Verbiest's (1623-1688) "Kun Yu Quan Tu World Map" and so on. In the middle of the Qing Dynasty, the "Map of the Emperor Yongzheng's Ten Pai Emperors" (Map of the Yongzheng reign in ten fascicles) and the *Qianlong neifu yutu* 乾隆內府輿圖 (Terrestrial map of the imperial repository of Qianlong), which were led by western missionaries and used modern cartographic techniques, enriched the geographic information of Central Asian countries and filled the gaps in contemporary European maps.

REFERENCES

1. Əbdirakhmanov A. *Toponomika zhəne Etimologiya* [Toponymy and Etymology]. Pavlodar, 2010. 238 p. (In Kazakh)
2. 'Abd al-Qādir ibn Muḥammad-Amīn. Majma' al-ansāb wa-l-ashjār. Vokhidov Sh.H. (tr.). *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Muminov A.K., Aminov B.B. (eds). Almaty: "Dayk-Press", 2005, vol. 2. 318 p. (In Russian)

3. Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân. *Histoire des Mongols et des Tatares*. Demaisons P.I. (tr.). Amsterdam: Philo, 1970. 393 p. (In French)
4. *A General History of the Turks, Moguls, and Tatars: Vulgarly Called Tartars. Together with a Description of the Countries They Inhabit*. In *Two Volumes*. London: J. and J. Knapton, J. Darby, A. Bettesworth, F. Fayram, J. Osborn and T. Longman, J. Pemberton, C. Rivington, F. Clay, J. Batley, and Aaron Ward, 1729, vol. 1. 374 p.
5. *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English Travelers in Muscovy in the sixteenth century]. Got'e Yu.V (tr.). Leningrad, 1937. 306 p. (In Russian)
6. d'Anville J.-P. *Carte la plus generale et qui comprend la Chine, la Tartarie chinoise, et le Thibet* (1737). National Library of Australia MAP RM 3521. Available at: <https://nla.gov.au/nla.obj-232293356> (accessed 23.11.2020). (In French)
7. Baddeley J.F. *Russia, Mongolia, China, Being some Record of the Relations between Them from the Beginning of the XVIIth century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A.D. 1602–1676, Rendered Mainly in the Form of Narratives Dictated or Written by the Envoys Sent by the Russian Tsars, or Their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China*. New York: Franklin, 1919, vol. 1. 265 p.
8. Bartold V.V. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Minorsky V., Minorsky T. (tr.). New Delhi: Munshiram Manoharlal, 1992. 513 p.
9. *Batys Qazaqstan Obylysynyng Taryhy* [The History of the West Kazakhstan Province]. Oral, 2015. 292 p. (In Kazakh)
10. Blaeu J. *Atlas Maior of 1665 "The Greatest and Finest Atlas Ever Published"*. Based on the Copy in the Österreichische Nationalbibliothek, Vienna. Cologne: Taschen Verlag, 2005. 511 p.
11. Cao Wanru 曹婉如 et al. (eds). *Zhongguo gudai ditu ji, Mingdai 明代* [An Atlas of Ancient Maps in China: The Ming Dynasty (1368–1644)]. Beijing: Wenwu, 1994. 143 p. 248 plates. (In Chinese)
12. Collins B.A. (tr.), Mohammad Hamid Alta'i (ed.). *The Best Divisions for Knowledge of the Regions = Ahsan al-Taqāsīm fī Ma'rifat al-Aqālīm, [by] Al-Muqaddasī*. Reading: Garnet, 1994. 424 p.
13. *Drevnie goroda i drugie bulgarsko-tatarskie pamyatniki v Kazanskoy gubernii* [Ancient Cities and Other Bulgar-Tatar Monuments in the Kazan Province]. Shpilevsky S.M (ed.). Kazan: Tipografiya Sergeya Buzukina, 2012. 585 p. (In Russian)
14. Duval P. *L'Asie*. Paris, 1664. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8469894b> (accessed 23.11.2020). (In French)
15. *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and Other Englishmen, with Some Account of the First Intercourse of the English with Russia and Central Asia by Way of the Caspian Sea*. Delmar Morgan E., Coote C.H. (eds). New York: B. Franklin, 1964, vol. 1. 176 p.
16. Elliot M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in imperial and national geographies. *The Journal of Asian Studies*. 2000, vol. 59, no. 3, pp. 603–646.
17. *Encyclopaedia of Islam*. Second edition. Bearman P.J. et al. (eds). Leiden: Brill, 1954–2005.
18. Elias N. (ed.), Denison Ross E. (tr.). *The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat: A History of the Moghuls of Central Asia. An English Version Edited with Commentary, Notes and Map*. London: Sampson Low, Marston & Company, 1895. 535 p.
19. *Firdaws al-Iqbāl, History of Khorezm*. Shir Muhammad Mirab Munis, Muhammad Riza Mirab Agahi (eds), Bregel Yu. (tr.). Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 718 p.
20. Fuchs W. *Der Jesuiten-Atlas der Kanghai-Zeit: seine Entstehungsgeschichte nebst Namensindices für die Karten der Mandjuren, Mongolei, Ostturkestan und Tibet, mit*

Wiedergabe der Jesuiten-Karten in Originalgroße. Peking: Fu-Jen University, 1943. 414 p. Available at: www.loc.gov/resource/g7820m.gct00265 (accessed 23.11.2020) (In German)

21. *Geographia Nubiensis, id est accuratissima totius orbis in septem climata divisi descriptio continens praesertim exactam universiae Asiae et Africae, rerumque in iis hactenus incognitarum explicationem*. Paris: Typographia Hieronymi Blageart, 1619. 328 p. (In Latin)

22. Guillaume de L'Isle. *Carte de Tartarie (1706)*. Available at: <http://www.davidrumsey.com/maps4457.html> (accessed 23.11.2020). (In French)

23. Hopkins J.F.P. (tr.), Levtzion N. (ed.). *Corpus of Early Arabic Sources for West African History*. Cambridge: Cambridge University, 1981. 492 p.

24. Humboldt A.V. *Central-Asien. Untersuchungen über die Gebirgsketten und die vergleichende Klimatologie*. 2 Vols. Berlin, 1844. (In German)

25. Jupp D.L.B. Determining projection and scale for maps in early atlases of China held by the National Library of Australia. *The Globe: Journal of the Australian and New Zealand Map Society Inc.* 2018, no. 84, pp. 1–24.

26. *Karta Antonio Dzhenkinsona 1562 goda* [Anthony Jenkinson's Map of 1562]. Available at: <https://www.kramola.info/blogs/letopisi-proshlogo/zapadnoevropeyskie-karty-na-russkom-anton-vid-antonio-dzhenkinson> (accessed 23.11.2020). (In Latin, Russian)

27. Klaproth J. von. *Cartographe présumé. Asie Centrale*. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b72002855> (accessed 23.11.2020). (In French)

28. *Kniga Bol'shomu chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva, ponovlennaya v Razryade i spisannaya v knigu 1627 goda* [The Book of the “Big Drawing” or Ancient Map of the Russian State Updated in Razryadny Prikaz and Copied in the Book of 1627]. St. Petersburg: Tipografiya RAN, 1838. 261 p. (In Russian)

29. Kramers J.H. (ed.). *Opus geographicum* [i. e. *Kitāb Šūrat al-arḍ*] auctore ibn Haukal (Abū 'l-Kāsim ibn Haukal al-Naṣībī): *secundum textum et imagines codicis Constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui Palatii n. 3346 cui titulus est “Liber imaginis terrae”*. 2 vols. Leiden: Brill, 1938–1939 [rpt. 1967]. (In Latin)

30. Kramers J.H., Wiet G. (trs). *Ibn Hauqal: Configuration de la terre (Kitāb Šūrat al-arḍ): introduction et traduction, avec index*. 2 vols. Paris: Maisonneuve and Larose, 1964. (In French)

31. *Kunyu wanguo quantu (Complete Geographical Map of Ten Thousand Countries), 1602*. Available at: <https://www.wdl.org/zh/item/4136/view/1/1/> (accessed 23.11.2020). (In Chinese)

32. Mercator G. *Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura, 1595*. Digital reproduction of the copy held at the Lessing J. Rosenwald Collection. Oakland, Calif.: Octavo, digital edition, 2000. (In Latin)

33. Miller K. (ed.). *Mappae Arabicae: Arabische Welt- und Landerkarten des 9.–13. Jahrhunderts in arabischer Urschrift, lateinischer Transkription und Übertragung in neuzeitliche Kartenskizzen. Mit einleitenden Texten. [IV:] Asia II. Nord- und Ostasien; [VI:] Idrisi-Atlas. 336 photographische Wiedergaben aller bis jetzt bekannten geographischen Tafeln in den Manuskripten des Idrisi auf 82 Lichtdruck-Tafeln*. Stuttgart, 1927. iv + 96 p.; vi + 82 plates. (In German)

34. Minorsky V. (tr.). *Hudūd al-'Ālam, “The Regions of the World”: A Persian Geography, 372 A.H. – 982 A.D.* Oxford: Oxford University, 1937. 524 p.

35. Morar. F.-S. Relocating the Qing in the global history of science: The Manchu translation of the 1603 World Map by Li Yingshi and Matteo Ricci. *Isis*. 2018, vol. 109, no. 4, pp. 673–694.

36. *Oblectatio desiderantis in descriptione civitatum principalium et tractuum et provinciarum et insularum et urbium et plagarum mundi*. Romae, 1592. (In Arabic)

37. Ortelius A. *Theatrum orbis terrarum*. Antwerpen: Apud Aegid, Coppennium Diesth, 1570. 53 maps. Copy held at the Newberry Library, Chicago. (In Latin)
38. Pelliot P. *Notes critiques d'histoire Kalmouke*. Paris: Maisonneuve, 1960, vol. 1. 235 p. (In French)
39. Peter Heylyn. *Cosmography in Four Books: Containing the Chorography and History*. London, 1677.
40. Plancius P. *Orbis terrarum typus de integro multis in locis emendates*. Engraved by Jan van Doetecam. Amsterdam, 1594. Available at: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/69939/orbis-terrarum-typus-de-integro-multis-in-locis-emendatus-au-plancius> (accessed 23.11.2020). (In Latin)
41. *Polnoye sobraniye uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavayemoye Imperatorskoyu Akademiyu Nauk, po predlezheniyu Yeya Prezidenta* [Complete Collection of Scientific Travels in Russia Published by the Imperial Academy of Sciences, at the Suggestion of Its President]. St. Petersburg, 1824, vol. 6. 560 p. (In Russian)
42. *Qazaqstan Tarihy, T. 2: Qazaqstan Songghy Orta Ghasyrlar Dawirinde* [The History of Kazakhstan, Vol. 2: Kazakhstan during the Late Medieval Period]. Almaty: Atamura, 1998. 636 p. (In Kazakh)
43. Qurbān-‘Alī Khālidī. *An Islamic Biographical Dictionary of the Eastern Kazakh Steppe 1770–1912*. Franke A.J., Usmanov M.A. (eds). Leiden: Brill, 2005. 179 p.
44. Smith G.R. (tr.). *The Conquest of Iran (= The History of al-Ṭabarī [Ta’rīkh al-rusul wa’l-mulūk])*. New York: University of New York, 1985 [rpt. 1994]. 216 p.
45. Szykuła K. Anthony Jenkinson’s unique wall map of Russia (1562) and its influence on European cartography. *Belgeo*. 2008, no. 3–4, pp. 325–340.
46. Szykuła K. *Unexpected 16th century Finding to Have Disappeared Just After Its Printing – Anthony Jenkinson’s Map of Russia, 1562*. [Sine loco]: IntechOpen 2012. 152 p.
47. Togan A.Z.V. *Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi*. İstanbul: Arkadaş, İbrahim Horoz ve Güven Basımevleri, 1942–1947. 696 p. (In Turkish)
48. Tolmacheva M. The Medieval Arabic geographers and beginnings of Modern Orientalism. *International Journal of Middle East Studies*. 1995, vol. 27, no. 2, pp. 141–156.
49. Tynyshpayev M. *Materialy k istorii kirgiz-kazakskogo naroda* [Materials for the History of the Kyrgyz-Kazak People]. Tashkent, 1925. 88 p. (In Russian)
50. Valikhanov Sh. *Köp Tomdyq Shygharmalar Zhynaghy* [Collected Works of Choqan Valikhanov in Many Volumes]. Almaty, 2010, vol. 4. 495 p. (In Kazakh)
51. Vambéry A. *Travels in Central Asia*. New York, 1865. 195 p.
52. Wang Qianjin 王前进 and Liu Ruofang 刘若芳(eds). *Qing ting san da shi ce quan tu ji* 清廷三大实则全图集. Beijing: Wai wen chu ban she, 2007. 688 p. Available at: <https://qingmaps.org/> (accessed 23.11.2020). (In Chinese)
53. *World Map on Ptolemy’s Conic Projection, 1560 by Pietro de Nobile (1560–1579)*. Rome: Petri de Nobilibus formis, 1560.
54. Zhang Qiong. *Making the New World Their Own: Chinese Encounters with Jesuit Science in the Age of Discovery*. Leiden: Brill, 2015. 435 p.
55. Zhang Qiyun [Chang Ch’i-yun] 張其昀 (ed.). *Qingdai yitong ditu* 清代一統地圖 [China’s National Atlas of Ching Dynasty]. Qianlong 乾隆 25th year (1760). Taipei: Guofang yanjiuyuan, 1966 [rpt. of the facsimile edition of the original block-prints published by the National Palace Museum in 1932 under the title: *Qing Qianlong neifu yutu* 清乾隆内府輿圖 (Imperial atlas of the Imperial Secretariat from the Qianlong Reign)]. (In Chinese)
56. *Zheringning Aty, Elingning Haty: Encyclopediyalyq Anyqtama*. Almaty, 2010. 807 p. (In Kazakh)

About the authors: Nurlan Kenzheakhmet – Ph.D. (History), Professor of the Abai Kazakh National Pedagogical University (13, Dostyk ave., 050010 Almaty, Kazakhstan). E-mail: nurlanken@hotmail.com

Alpamys Zhalghas-uly Abu – Ph.D. candidate (Arhaeology), doctorant, Faculty of History, Arhaeology and Ethnology, al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi ave., 050040 Almaty, Kazakhstan). E-mail: alpamys79@gmail.com

*Received March 10, 2021 Accepted for publication May 28, 2021
Published September 29, 2021*

НЕКОТОРЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ И ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКИЕ ГОРОДА ИТИЛЬСКОГО (ВОЛЖСКОГО) И СЫР-ДАРЬИНСКОГО БАССЕЙНОВ СОГЛАСНО АРАБСКИМ И КИТАЙСКИМ КАРТАМ

Нурлан Кенжеахмет¹, Алпамыс Абу²

¹ *Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Алматы, Казахстан
nurlanken@hotmail.com*

² *Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан
alpamys79@gmail.com*

Цель исследования: наиболее ранние изображения городов Итильского (Волжского) и Сыр-Дарьинского бассейнов в средневековой картографии встречаются на карте Идриси (1154 г.). Постзолотоордынские города в этой области указаны на карте Дженкинсона и на «Карте десяти тысяч стран земли» (1602 г.) Маттео Риччи. В 1772 году «Карта Императорского хранилища Цяньлуна», в которой использовались современные картографические методы, обогатила географическую информацию о странах Центральной Азии и заполнила пробелы в современных европейских картах.

Материалы исследования: под влиянием карты аль-Идриси географические пробелы и слепые пятна на европейских картах были заполнены и реконструированы. Будучи основанными на новых географических знаниях мира, они сформировали относительно полную карту мира. В конце правления династии Мин и в начале династии Цин западные миссионеры, прибывшие в Китай, представили большой объем зарубежных географических знаний.

Результаты и новизна исследования: анализ арабских, европейских и китайских карт позволил оценить степень точности их сведений о постзолотоордынских городах Итильского (Волжского) и Сыр-Дарьинского бассейнов. Авторам удалось определить представления арабских, европейских и китайских географов о Центральной Азии. В частности, в данной статье были рассмотрены топонимы Итильского бассейна (включая Западную Сибирь) и казахской степи (включая прилегающие районы) на европейско-российских имперских картах и на китайских картах Цин. Исторические карты предоставляют идеальную возможность для определения графически кодированной информации о состоянии части реального мира в определенный момент времени.

Ключевые слова: карта аль-Идриси, европейские карты, «Карта Императорского хранилища Цяньлуна», Итильский бассейн, Центральная Азия, казахская степь

Для цитирования: Kenzheakhmet N., Abu A. Some Medieval and Post-Golden Horde's Towns of the Itil (Volga) and Syr-Darya Basins According to the Arabic and Chinese Maps // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 611–653. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.611-653

Сведения об авторах: Нурлан Кенжеахмет – Ph.D., профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, пр. Достык, 13, Алматы, Казахстан). E-mail: nurlanken@hotmail.com

Алпамыс Жалгас-улы Абу – Ph.D. кандидат (археология), докторант, исторический факультет, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби (050040, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан). E-mail: alпамыс79@gmail.com

*Поступила 10.03.2021 Принята к публикации 28.05.2021
Опубликована 29.09.2021*

УДК 930.253

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.654-663

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ХРАНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Е.М. Болдырева

*Государственный исторический музей
Москва, Российская Федерация
embold@mail.ru*

Цель исследования: основная идея данной статьи – отразить историю формирования и развития фонда Золотой Орды в хранении Государственного исторического музея. Необходимо собрать и систематизировать все коллекции, поступившие в музей с момента его основания, рассмотреть, как по мере наполнения фонда коллекциями формировались научные представления об этом историческом периоде. Нужно изучить вопрос того, как личности археологов, их полевые исследования и находки, сделанные ими, создали основу для идей освещения истории и археологии Золотой Орды в экспозиционном поле.

Материалы исследования: работа проведена на основе анализа коллекционных описей отдела археологических памятников Исторического музея, Главной инвентарной книги музея, предметов из коллекций фонда Золотой Орды отдела археологических памятников.

Результаты и научная новизна: были выделены следующие способы пополнения коллекций: сборы частных лиц, 2-й половины XIX века, собрание известных коллекционеров (П.И. Щукин), археологические сборы и раскопки основателей музея (П.С. Уварова), раскопки, проведенные по заданию Императорской археологической комиссии (Д.Я. Самоквасов, Н.И. Веселовский, В.А. Городцов, А.А. Спицын и др.), передачи из других музеев (Румянцевский музей, Эрмитаж), исследования сотрудников музея (Е.В. Веймарн, В.П. Левашева, В.Л. Егоров, Л.Л. Савченкова, Н.И. Шишлина и др.), поступления из государственных органов советского периода (Симферопольский клад), раскопки археологов дружественных научных организаций (Г.А. Федоров-Давыдов, М.Г. Крамаровский и др.). Многие предметы из этих коллекций заняли свое место в экспозиционном пространстве. Само экспозиционное пространство было построено с учетом базы информации и публикаций исследователей. Так, благодаря коллекциям, привезенным Поволжской экспедицией, в экспозиции удалось отразить основные аспекты государственности Золотой Орды: ее архитектурных традиций, культуры и всех видов ремесел. В экспозиции представлено и вооружение, как главная составляющая кочевого компонента ордынской цивилизации, а также две пайцзы периода расцвета Золотой Орды. Безусловно, не все аспекты золотоордынской цивилизации отражены в экспозиционном поле, но главные (кочевой и оседлый компоненты) все же продемонстрированы.

Ключевые слова: Государственный исторический музей, Золотая Орда, археология, Г.А. Федоров-Давыдов, археологические фонды

Для цитирования: Болдырева Е.М. История формирования фондов Золотой Орды в хранении Государственного исторического музея // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 654–663. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.654-663

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-09-00240 «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского университета и Государственного исторического музея».

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE GOLDEN HORDE FUNDS IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM

E.M. Boldyreva

*State Historical Museum
Moscow, Russian Federation
embold@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study the composition and geography of the Golden Horde collections conserved in the State Historical Museum. It is necessary to demonstrate: how museum collections are used as an essential tool of the modern researcher; how the attitude towards this source of information changes in a chronological perspective; how the absence of any types of sources' information encourages researchers to discover new directions and develop new archaeological aspects of their study. Additionally, attention should be paid to the question of key events that became starting points for the beginning of archaeological research of the Golden Horde cities.

Research materials: The lists of the collections of archaeological department of the State Historical Museum, the main inventory book of the museum, and archaeological items from the the Golden Horde collections of the archaeological department.

Results and novelty of the research: The author identified the following methods of replenishing the collections: finds of private individuals of the second half of nineteenth century, items of famous collectors (P.I. Shchukin), archaeological finds of the founders of the museum (P.S. Uvarova), excavations on the instructions of the Imperial Archaeological Commission (D.Ya. Samokvasov, N.I. Veselovsky, V.A. Gorodtsov, A.A. Spitsyn, etc.), transfers from other museums (Rumyantsev Museum, Hermitage), research by museum staff (E.V. Weimarn, V.P. Levasheva, V.L. Egorov, L.L. Savchenkova, N.I. Shishlina, etc.), receipts from the state bodies of the Soviet period (the Simferopol hoard), excavations by archaeologists from friendly research organizations (G.A. Fedorov-Davydov, M.G. Kramarovsky, etc.). Many items from these collections have taken their place in the exhibition space. The exhibition space itself was built with the database of information and publications of researchers being taken into account. Thus, the finds of the Volga expedition made it possible to display the main aspects of the statehood of the Golden Horde: its architectural traditions, culture, and all types of crafts. Also, the exposition contains items of armament – that is, the main nomadic component of the Golden Horde civilization – as well as two paizas of the heyday of the Golden Horde. Although the exposition cannot reflect all aspects of the Golden Horde civilization, the main (nomadic and sedentary) components are still demonstrated.

Keywords: State Historical Museum, Golden Horde, personalities of the archaeologists, G.A. Feodorov-Davydov, archaeological funds

For citation: Boldyreva E.M. The History of the Formation of the Golden Horde Funds in the State Historical Museum. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 654–663. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.654-663

Acknowledgments: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-09-00240 “Tsarevskoe settlement: research of materials from excavations in 1961–1968 from the funds of the Archaeological Museum of Kazan University and the State Historical Museum”.

Введение

Музейные собрания археологических предметов – важный инструмент для современного исследователя. Они представляют собой сохранный источник информации, который может быть использован не одним поколением исследователей. По мере развития знаний, навыков и подходов к источнику из него может быть повторно извлечено все большее количество информации. Также отсутствие в коллекциях какого-то комплекса источников информации побуждает исследователей обращаться к археологическому изучению и накоплению тех или иных видов археологических материалов. Это может быть как блок находок, так и одна выдающаяся находка, которая пробуждает интерес исследователя к тому или иному памятнику. Так было и с памятниками периода Золотой Орды. До начала деятельности Поволжской археологической экспедиции, работавшей на трех крупнейших золотоордынских столичных памятниках на протяжении сорока лет, во многих музеях были представлены лишь единичные находки золотоордынского периода. Они не представляли из себя тот источник информации, который мог бы донести до широкой аудитории историю Золотой Орды сквозь историю повседневности, отраженную в археологических находках. В период после завершения Второй Мировой войны стал особенно актуальным вопрос археологического изучения золотоордынских городов. Этим занялась, сформированная в 1959 году Поволжская археологическая экспедиция.

Основным источником информации для данной публикации послужили коллекционные описи археологических находок, общемузейная документация и сами предметы, находящиеся в фонде Золотой Орды. В сравнении представлены археологические коллекции и археологические исследования.

Археологическое изучение золотоордынских городов развивалась так же стремительно, как и сами города в нижневолжской степи. Все исследователи единодушны во мнении, что отправной точкой, своеобразным толчком к этому процессу послужила программная статья Г.А. Федорова-Давыдова и А.П. Смирнова: «Задачи археологического изучения Золотой Орды», опубликованная в 1959 году в журнале «Советская археология» [8, с. 128–134]. В этой работе авторы говорят не только о важности и необходимости изучения материальных памятников джучидского периода. Герман Алексеевич и Алексей Петрович ставили во главу угла изучение процессов внутреннего социально-экономического развития этого государства, его культуры, ремесел, производственных центров и архитектуры, причем как дворцов, так и рядовых жилищ, улиц, бань, водопроводов, мастерских. Их исследования позволили создать и развить практически с нуля археологию золотоордынского города, которая к настоящему времени вошла во все учебники истории и археологии.

Поволжская археологическая экспедиция работала непрерывно с 1959 года до 90-х гг. прошлого столетия на трех крупнейших памятниках периода Золотой Орды: Селитренном, Царевском и Водянском городищах. Базовой задачей экспедиции были работы широкими площадями, которые дали возможность изучить особенности архитектуры и планировочных решений целых золотоордынских кварталов в узком хронологическом разрезе. Результатом таких масштабных работ стали не менее масштабные коллекции. Силами экспедиции была собрана огромная коллекция находок, базовая часть которых хранится в фондах Государственного исторического музея. В работах

Поволжской экспедиции принимали участие археологические отряды разных городов, и коллекции оказались разбросаны в разных музеях нашей страны. В современном научном пространстве представляется возможным объединить данные коллекции в едином научном поле истории и археологии.

Первый памятник, куда отправилась экспедиция – это Царевское городище. Этот выбор не был случайным. Городище не раз привлекало внимание исследователей, путешественников, собирателей древностей еще с 50-х гг. XIX века степенью сохранности своей архитектуры и находимыми там артефактами. Одним из таких предметов стала хорошо известная в отечественной и зарубежной историографии «корона Джанибека». И хотя история находки и судьба этого предмета вызывает много вопросов, его можно назвать первым толчком к переходу от собирательства древностей на памятниках Золотой Орды к профессиональному археологическому изучению (прогрессивному по меркам того времени) золотоордынских городов. История «короны Джанибека» была широко освещена в отечественной и зарубежной историографии [7, с. 67–76]. находка и вывоз за границу именно этого предмета подтолкнули российское правительство начать раскопки на Царевском городище в Нижнем Поволжье [7, с. 67]. Первые археологические исследования на памятнике в рамках государственного задания Министерства внутренних дел были произведены А.В. Терещенко в 1840–1850 гг. [8, с. 128]. Коллекция попала в Государственный Эрмитаж, но в 1956 году ее часть была передана в Государственный исторический музей¹. Однако, история золотоордынского фонда в отделе археологических памятников ГИМ начинается гораздо раньше, и связана она все с тем же Царевским городищем.

Первые золотоордынские находки в фондах – это коллекции, привезенные А.А. Спицыным в ходе поездки в 1893 году на «развалины Нового и Старого Сарая». Результаты этих раскопок были изданы в отчете Императорской Археологической комиссии за 1893 год [6, с. 76–97]. В ходе работ А.А. Спицына было собрано в качестве подъемного материала или куплено у местных жителей около 95 предметов². Эти предметы и стали первыми золотоордынскими древностями Нижнего Поволжья в хранении ГИМ, который в тот момент именовался Императорским Российским Историческим музеем. Коллекция представлена находками из Царевского и Селитренного городищ, а также деревни Колобово и нескольких бугров в Икрянинском и Енотаевском районах Астраханской области.

Следующим этапом в пополнении золотоордынского фонда следует считать экспедицию В.А. Городцова на городище Маджары в 1907 году [1, с. 25–30]. Многочисленные описания и зарисовки хорошо сохранившихся вплоть до XVIII века руин города побудили Императорское Московское Археологи-

¹ Инв. № ГИМ 91507, оп. В 1779/32 предмета. Раскопки А.В. Терещенко, 1840-е гг. Сталинградская область, Ленинский район (бывш. Саратовская губерния, Царицынский уезд), городище Сарай Берке.

² Инв. № ГИМ 34570, оп. В 42/35 предметов. Астраханская губерния, Царевский уезд, с. Колобово. Покупка А.А. Спицына, 1893 г.; оп. В 43/8 предметов. Астраханская губерния, Астраханский уезд, река Бертюль, дер. Семирублевая, Приставской бугор. Раскопки А.А. Спицына, 1893 г.; оп. В 44/19 предметов. Астраханская губерния, Енотаевский уезд, с. Селитренное. Сборы А.А. Спицына, 1893 г.; оп. В 45/3 предмета. Астраханская губерния, Царевский уезд, гор. Царев. Сборы А.А. Спицына, 1893 г.

ческое общество отправить Василия Алексеевича провести исследования на этом памятнике. Результаты работ были освящены на XIV археологическом съезде в Чернигове в 1909 году [2, с. 70–116], а коллекция была сдана в ГИМ³. Это более 700 предметов, малая часть из которых принадлежит погребениям сарматского периода, а большая часть – предметы быта, украшения и элементы архитектурного убранства золотоордынских сооружений.

Большим шагом в расширении географии памятников периода Золотой Орды в фондах стали материалы экспедиций Е.В. Веймарна в 1928–1929 гг. Активная деятельность Евгения Владимировича на территории юго-западного Крыма привела не только к созданию новой экспозиции Бахчисарайского музея [13], но и к значительному увеличению золотоордынского фонда ГИМ. В результате его работ 1928–1931 гг. в фонды ГИМ поступило более 6000 предметов из раскопок Генуэзской крепости в Судак и его окрестностях⁴. Коллекции представлены в основном керамикой и черепицей, но встречаются и украшения, монеты, стеклянные сосуды и архитектурные детали. Собрание Е.В. Веймарна преобладает в блоке коллекций из золотоордынского Крыма, однако им не ограничивается: есть и более ранние по времени попадания в музей предметы, происходящие из случайных сборов в районе Алушты, Керчи, Коктебеля, Симферополя, Судака и Ялты, переданные в музей через Императорскую археологическую комиссию в 80-х–90-х гг. XIX века. Данный блок находок состоит из нескольких крестов-энколпионов, фрагментов фресок, предметов вооружения и более поздних предметов Османского периода в истории Крыма.

В число условно «случайных находок» золотоордынского Крыма входит и клад, обнаруженный близ г. Симферополя в 1960-х гг. XX века, поступивший в фонды ГИМ из Государственного хранилища при министерстве финансов СССР⁵. Этот, широко известный научной общественности и неоднократно опубликованный комплекс [3, с. 195–209; 9, с. 288–335], состоящий из 328 золотых и серебряных предметов как золотоордынского производства, так и западноевропейского, центральноазиатского и даже китайского, не нуждается в дополнительном описании. Он лишь демонстрирует еще один способ пополнения золотоордынских фондов.

Также следует отметить работы 1984–1986 гг. на городище Солхат под руководством М.Г. Крамаровского и Л.Л. Савченковой⁶. В этом блоке находок примечательны материалы раскопок из могильника около христианской базилики, которые дополняют христианскими древностями картину религиозной составляющей культуры Золотой Орды.

³ Инв. № ГИМ 45439, оп. В 184/646 предметов. Ставропольская губерния, Святой Крест (городище Маджары). Раскопки В.А. Городцова, 1907 г.

⁴ Инв. № ГИМ 76191, оп. В 697-699/6264 предмета. Крымская область, Судак. Раскопки Е.В. Веймарна, 1928–1931 гг.

⁵ Инв. № ГИМ 99264, оп. В 2013/328 предметов. Клад близ города Симферополя. Время поступления март 1965 г.

⁶ Инв. № ГИМ 107334, оп. В 2614/68 предметов. Крымская область, Кировский район, с. Старый Крым, городище Солхат, могильник около христианской базилики. Раскопки Л.Л. Савченковой, 1986 г.; Инв. № ГИМ 107199, оп. В 2619/82 предмета. Крымская область, Кировский район, с. Старый Крым, городище Солхат. Раскопки М.Г. Крамаровского, 1984, 1986 гг.

При поступлении на работу в музей золотоордынскими памятниками занялась и В.П. Левашева. Варвара Павловна с 1946 года более 20 лет проработала в Государственном историческом музее. Была одной из учениц В.А. Городцова – одного из со основателей и сотрудников первого штатного состава ГИМ. Ею в 1947–1948 гг. были проведены разведки и раскопки золотоордынских мавзолеев и горна для обжига кирпичей у хутора Красный и в его окрестностях, на территории современной Воронежской области⁷. В результате в фонды ГИМ поступили золотоордынские изразцы, элементы архитектуры, строительные материалы, керамика и украшения с северных окраин территорий Золотой Орды [5, с. 175–185; 12, с. 197]. Немаловажным аспектом деятельности В.П. Левашевой было изучение уже существующих в музее коллекций. Так, она впервые на высоком для того времени научном уровне систематизировала и опубликовала комплексы находок из Белореченских курганов из раскопок Н.И. Веселовского рубежа XIX–XX вв. [4, с. 165–213]. В целом, в фонде более 160 коллекций, относящихся к памятникам Северного Кавказа, преимущественно Кубанской и Терской областей. Наиболее ранние по времени проведения работ в этом блоке находок – это материалы раскопок Н.Г. Керцелли в Терской области в 1877 году. К следующему десятилетию относятся коллекции из раскопок Д.Я. Самоквасова в колониях Каррас и Константиновка и других памятниках Пятигорского округа в 1881–1882 гг. В этот же период древности Владикавказского округа исследовались графом А.А. Бобринским. С 1894 года многочисленные курганы вблизи станиц Кубанской области по заданию Императорской археологической комиссии были изучены Н.И. Веселовским. В 1917–1920-е гг. в фонды музея поступил большой блок предметов из собрания П.С. Уваровой. В 1930-е гг. этот раздел был расширен благодаря работам Е.И. Крупнова на разновременных памятниках Владикавказского округа. Коллекции с этих памятников представлены предметами быта, оружием, украшениями, элементами погребального инвентаря, которые датируются исследователями от золотоордынского времени вплоть до XVIII века.

Работы сотрудников отдела археологических памятников под руководством Н.И. Шишлиной на территории Калмыкии и Ростовской области в 1990-х – 2000-х гг. привнесли в фонд интереснейшие коллекции из кочевнических погребений золотоордынского времени и сопутствующего им инвентаря⁸.

Кроме вышеупомянутых исследователей в золотоордынские фонды ГИМ регулярно поступали предметы, переданные в дар от местных жителей или приобретенные Императорской археологической комиссией, предметы из коллекций купца П.И. Щукина или Румянцевского музея, расформированного в раннее советское время.

⁷ Инв. № ГИМ 82420. Оп В. 1109-1113/70 предметов. Воронежская область, Хреновский и Лосьевский районы. Разведки В.П. Левашевой, 1947 г.; Инв. № ГИМ 82835, оп. В. 1141-1142/235 предметов. Воронежская область, Хреновский район, Красный Хутор. Раскопки В.П. Левашевой, 1948 г.

⁸ Инв. № ГИМ 110326-110328, оп. В 2743, 2753, 2754 и др./325 предметов. Калмыкия, Ики-Бурульский район. Ростовская область, Ремонтненский район. Раскопки Н.И. Шишлиной, 1999–2016 гг.

Однако по-настоящему неопределимый вклад внесла Поволжская археологическая экспедиция и коллекции, переданные Г.А. Федоровым-Давыдовом. Работы экспедиции на ключевых золотоордынских памятниках: Царевском, Водянском и Селитренном городищах привнесли в фонд более 8000 предметов.

Самыми ранними по времени поступления были материалы из раскопок Царевского городища – предметы из раскопов №I и №II, переданные после полевых работ 1959 года⁹. Затем они были дополнены материалами раскопа №III 1962 и 1972 года исследований и раскопа №II 1961 и 1968 гг. Коллекция Царевского городища состоит в основном из глазурованной и неглазурованной керамики, фрагментов изразцов, чугунной посуды и остатков бронзолитейного производства.

Коллекция Водянского городища представлена материалами 1967–1971, 1973, и 1974 гг. исследований – это предметы из раскопов №I и №II, состоящие из шелковых тканей, архитектурных деталей, изразцов, керамики, предметов быта и украшений¹⁰.

Самая масштабная по количеству и разнообразию наполнения – это коллекция Селитренного городища. В фонде находятся предметы из раскопок с 1967 по 1971 и с 1975 по 1990¹¹, а также небольшие поступления 1995, 1997 и 1999 годов из раскопок Э.Д. Зиливинской¹². Представлены материалы из раскопов №№ II, VIII–XV, XVIII. В общей сумме – это более 6,5 тысяч предметов, иллюстрирующих вещественную среду и древний быт населения нижневолжских золотоордынских городов. Эти предметы помогли понять, как жил, украшал свой дом, одевался и какими вещами окружал себя человек золотоордынского города. Герман Алексеевич ставил во главу угла своих исследований не политическую историю государства, а внутреннее социально-экономическое развитие, которое базировалось на ремеслах, торговле и организации. Поэтому для него было важно собирать информацию из всех

⁹ Инв. № ГИМ 97279, оп. В 1838/508 предметов. Сталинградская область, Ленинский район, Царевское городище. Сборы и раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1959 г.

¹⁰ Инв. № ГИМ 102587, оп. В 2120/7 предметов. Волгоградская область, Дубовский район, д. Дубовка, Водянское городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1967, 1971 гг.; Инв. № ГИМ 115084, оп. В 2763/55 предметов. Волгоградская область, Дубовский район, д. Дубовка, Водянское городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, 1967–1974 гг.; Инв. № ГИМ 115240, оп. В 2939/128 предметов. Волгоградская область, Дубовский район, д. Дубовка, Водянское городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1971 г.; Инв. № ГИМ НВ 6394, оп. В 2757/192 предмета. Волгоградская область, Дубовский район, д. Дубовка, Водянское городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1974 г.

¹¹ Инв. № ГИМ 110997-111009, оп. В 2662, 2664, 2666-2668, 2670-2672, 2675-2679/2395 предметов. Астраханская область, Харабалинский район, Селитренное городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1967–1971 гг.; Инв. № ГИМ 111016, оп. В 2680/432 предмета. Астраханская область, Харабалинский район, Селитренное городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1983 г.; Инв. № ГИМ НВ 7152, оп. В 2681/1572 предмета. Астраханская область, Харабалинский район, Селитренное городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова; Инв. № ГИМ 111010-111015, оп. В 2692-2698/2562 предмета. Астраханская область, Харабалинский район, Селитренное городище. Раскопки Г.А. Федорова-Давыдова, 1984–1990 гг.

¹² Инв. № ГИМ 111418, оп. В 2795/21 предмет. Астраханская область, Харабалинский район, Селитренное городище. Раскопки Э.Д. Зиливинской, 1995, 1997, 1999 гг.

видов археологического материала: железа, бронзы, камня, кости, глины и т.д. Все его наработки в этой области еще до сдачи коллекции в музей отразились во множестве публикаций. Базовыми из которых следует считать монографию «Золотоордынские города Поволжья» [10, 229 с.] и «Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт» [11, 256 с.], вышедшие в 1994 и 2001 гг. В первом издании рассматривалась городская золотоордынская цивилизация с ее синкретичными традициями культуры и ремесла. На основе собранных материалов ему удалось проследить традиции строительства, изготовления керамики и архитектурного декора, а также стеклоделия, косторезного производства, камнерезного ремесла, железодельного и бронзолитейного производств и ювелирного искусства. Во втором томе монографии рассматривается самая массовая категория археологического материала – неполированная керамика. Исследователем предлагается детальная классификация неполированной керамики и делаются выводы происхождения различных типов посуды и влиянии керамических традиций сопредельных территорий. Исследования Г.А. Федорова-Давыдова базировались на материалах Селитренного, Водянского и Царевского городищ. Выводы и идеи, предложенные им, построили историю и археологию золотоордынского города, которая не только стала базой для исторического образования, но и стала основой для построения экспозиций многих музеев.

Заключение: Все рассмотренные выше исследователи и привезенные ими материалы построили золотоордынский фонд в хранении Государственного исторического музея.

Выделяются следующие способы пополнения коллекций: сборы частных лиц, 2-й половины XIX века, собрание известных коллекционеров (П.И. Щукин), археологические сборы и раскопки основателей музея (П.С. Уварова), раскопки, проведенные по заданию Императорской археологической комиссии (Д.Я. Самоквасов, Н.И. Веселовский, В.А. Городцов, А.А. Спицын и др.), передачи из других музеев (Румянцевский музей, Эрмитаж), исследования сотрудников музея (Е.В. Веймарн, В.П. Левашева, В.Л. Егоров, Л.Л. Савченкова, Н.И. Шишлина и др.), поступления из государственных органов советского периода (Симферопольский клад), раскопки археологов дружественных научных организаций (Г.А. Федоров-Давыдов, М.Г. Крамаровский и др.).

Многие предметы из этих коллекций заняли свое место в экспозиционном пространстве. Само экспозиционное пространство было построено с учетом базы информации и публикаций исследователей. Так, благодаря коллекциям, привезенным Поволжской экспедицией в экспозиции удалось отразить основные аспекты государственности Золотой Орды: ее архитектурных традиций, культуры и всех видов ремесел. Наполнение золотоордынских витрин хорошо отражает различные виды ремесел, существовавших в Орде, архитектурное убранство золотоордынских строений, богатство и торговые отношения в тот период. В экспозиции представлено и вооружение, как главная составляющая кочевого компонента ордынской цивилизации, а также две пайцзы периода расцвета Золотой Орды. Безусловно, не все аспекты золотоордынской цивилизации отражены в экспозиционном поле, но главные (кочевой и оседлый компоненты) все же продемонстрированы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырева Е.М.* Предметы из раскопок В.А. Городцова на городище Маджары в 1907 г. (по материалам Исторического музея) // *Археология Евразийских степей.* Казань, 2018. № 5. С. 25–30.
2. *Городцов В.А.* Результаты Археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 году // *Труды XIV археологического съезда в Чернигове, 1909 год.* М., 1911. Т. III. С. 70–116 (отдельный оттиск).
3. *Крамаровский М.Г.* «Симферопольский клад»: первые владельцы и гипотеза стоимости сокровищницы в XIV в. // *Античная древность и средние века.* Екатеринбург, 2019. Т. 47. С. 195–209.
4. *Левашева В.П.* Белореченские курганы // *Труды Государственного исторического музея.* Москва: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1953. Вып. XXII. С. 165–213.
5. *Левашева В.П.* Золотоордынские памятники Воронежской области // *Труды Государственного исторического музея.* Москва: «Советская археология», 1960. Вып. 37. С. 175–185.
6. Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 год. Санкт-Петербург: «Типография главного управления Уделовъ», 1895. С. 76–97.
7. *Савельев Н.И.* «Корона Джанибека» в отечественной и зарубежной историографии // *Российская археология.* Москва: «Наука», 2013. № 2. С. 67–76.
8. *Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А.* Задачи археологического изучения Золотой Орды // *Советская археология.* Москва: «Наука», 1959. № 4. С. 128–134.
9. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: «Славия», 2000. С. 288–335.
10. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Издательство Московского университета, 1994. 229 с.
11. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.: Издательство Московского университета, 2001. 256 с.
12. *Цыбин М. В.* Археологические памятники золотоордынского периода в Побитюжье // *Археология Евразийских степей.* Казань, 2018. № 4. С. 197–200.
13. *Стойкова О.* К 100-летию Музея. На службе крымской археологии. Режим доступа: <http://handvorec.ru/novosti/k-100-letiyu-muzeya-na-sluzhbe-krymskoj-arheologii> (дата обращения: 3.6.2020).

Сведения об авторе: Екатерина Михайловна Болдырева – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (109012, Красная пл., 1, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2190-4490. E-mail: embold@mail.ru

*Поступила 08.03.2021 Принята к публикации 27.06.2021
Опубликована 29.09.2021*

REFERENCES

1. Boldyreva E.M. The archaeological finds from V.A. Gorodtsov's excavations in 1907 (based on the materials of the State Historical museum). *Archaeology of the Eurasian Steppes.* Kazan, 2018, no. 5, pp. 25–30. (In Russian)
2. Gorodtsov V.A. The results of archaeological excavations at the site of Major's ruins in 1907. *Proceedings of the XIV Archaeological Congress in Chernigov, 1909.* Moscow, 1911, vol. 3, pp. 70–116. (In Russian)

3. Kramarovskiy M.G. “The Simferopol hoard”: Its first owners and an interpretation of the value of this hoard in the fourteenth century. *The Antiquity and the Middle Ages*. Ekaterinburg, 2019, vol. 47, pp. 195–209. (In Russian)
4. Levasheva V.P. The Belorechenskie burial graves. *Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'skoy literatury, 1953, vol. 22, pp. 165–213. (In Russian)
5. Levasheva V.P. The Golden Horde monuments from the Voronezh region. *Proceedings of the State Historical Museum*. Moscow: Sovetskaya arkhеologiya, 1960, vol. 37, pp. 175–185. (In Russian)
6. *The Report of the Imperial Archaeological Commission for 1893*. St. Petersburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1895, pp. 76–97. (In Russian)
7. Savel'ev N.I. The “crown of Janibek” in Russian and foreign historiography. *Russian Archaeology*. Moscow: Nauka, 2013, no. 2, pp. 67–76. (In Russian)
8. Smirnov A.P., Feodorov-Davydov G.A. The tasks of Golden Horde's archaeological research. *Soviet Archaeology*. Moscow: Nauka, 1959, no. 4, pp. 128–134. (In Russian)
9. *The Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue*. St. Petersburg: Slaviya, 2000, pp. 288–335. (In Russian)
10. Feodorov-Davydov G.A. *The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1994. 229 p. (In Russian)
11. Feodorov-Davydov G.A. *The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region. Pottery. Trade. Life*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 256 p. (In Russian)
12. Tsybin M.V. Archaeological monuments of the Golden Horde period in the Bityug river region. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. Kazan, 2018, no. 4, pp. 197–200. (In Russian)
13. Stoykova O. *To the 100th Anniversary of the Museum. In the Service of Crimean Archaeology*. Available at: <http://handvorec.ru/novosti/k-100-letiyu-muzeya-na-sluzhbe-krymskoj-arheologi> (accessed: 3.6.2020). (In Russian)

About the author: Ekaterina M. Boldyreva – Cand. Sci. (History), researcher of the archaeological department, State Historical Museum (1, Red Square, Moscow 109012, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2190-4490. E-mail: embold@mail.ru

*Received March 8, 2021 Accepted for publication June 27, 2021
Published September 29, 2021*

**ФРОНТИР И КОММУНИКАЦИЯ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ,
КРЫМСКОГО ХАНСТВА И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СЕНЬ Д.В. РУССКО-КРЫМСКО-
ОСМАНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПРОСТРАНСТВО, ЯВЛЕНИЯ,
ЛЮДИ (КОНЕЦ XVII – XVIII В.): ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ**

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
rpochekaev@hse.ru*

В рецензии дается обзор новой книги известного специалиста по истории казачества и русско-крымских отношений Д.В. Сенья, посвященной проблемам взаимоотношений на границе России, Крымского ханства и Османской империи за период с конца XVII до второй половины XVIII века. Несмотря на то, что книга определяется самим автором как «избранные труды», по сути, она представляет собой монографию, в которой последовательно рассмотрен целый ряд важнейших аспектов взаимоотношений указанных государств. Новаторство авторского подхода заключается в весьма продуктивном сочетании методов источниковедческого исследования, теории фронта и анализа средств коммуникации, который осуществляется на примере взаимодействия конкретных государственных деятелей и других участников из трех государств. Наряду с общей характеристикой содержания книги в рецензии дается оценка ее структуры, выявляются сильные стороны, также обращается внимание на дискуссионные вопросы и перспективы исследования.

Ключевые слова: Российская империя, Крымское ханство, Османская империя, донские казаки, фронт, политическая коммуникация

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. Фронт и коммуникации в отношениях России, Крымского ханства и Османской империи. Рецензия на книгу: Сень Д.В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): Избранные труды // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 664–670. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.664-670

**FRONTIER AND COMMUNICATION IN THE RELATIONS OF RUSSIA,
CRIMEAN KHANATE, AND OTTOMAN EMPIRE.
BOOK REVIEW: SEN' D. RUSSIAN-CRIMEAN-OTTOMAN BORDERLAND:
AREAS, PHENOMENA, PEOPLE (END OF THE SEVENTEENTH
AND EIGHTEENTH CENTURIES): SELECTED WORKS**

Roman Yu. Pochekaev

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
rpochekaev@hse.ru*

The article contains a review of the new book by Dmitry V. Sen', a famous historian specialized on history of Cossacks and Russian-Crimean relations. The research object of the book are problems in the relations of Russia, Crimean Khanate, and the Ottoman Empire from the end of seventeenth to second half of eighteenth centuries. The author calls his book "selected works" but, in fact, it is fundamentally a monograph with a study of important aspects in the relations of mentioned states. The novelty of the book is in author's approach which combines source study with the frontier theory and analysis of communication instruments on the basis of the activity of specific persons, including statesmen as well as other representatives of the three states. The review contains the basic survey of structure and content of the book, characteristics of its strengths and disputable questions, as well as possible perspectives for further research.

Keywords: Russian Empire, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Don Cossacks, frontier, political communication

For citation: Pochekaev R.Yu. Frontier and Communication in the Relations of Russia, Crimean Khanate, and Ottoman Empire. Book Review: Sen' D. Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Areas, Phenomena, People (end of the seventeenth and eighteenth centuries): Selected Works. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 664–670. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.664-670

Дмитрий Владимирович Сень, доктор исторических наук и профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), является одним из крупнейших специалистов по истории южнорусских пограничных регионов, казачьих войск этих регионов, русско-крымских отношений XVII–XVIII вв. Рецензируемая книга [5] является промежуточным итогом его изысканий и в какой-то мере продолжением его предыдущей монографии «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья» [4].

Новое исследование не только расширяет предыдущую книгу в хронологическом и географическом отношении, но и существенно углубляет некоторые аспекты. Это стало возможным благодаря введению в оборот новых источников, а также конструктивному сотрудничеству Д.В. Сень с рядом коллег-исследователей (в книгу вошли, в частности, публикации, написанные в соавторстве с П.А. Аваковым и Н.И. Швайба).

Книга снабжена предисловием ее ответственного редактора В.В. Трепавлова, которое, по сути, также представляющее своего рода рецензию, в которой весьма положительно охарактеризованы структура и содержание книги,

актуальность ее тематики, специфика авторского подхода, определены возможные перспективы будущих исследователей (с. 11–15).

Сам автор рецензируемой книги достаточно скромно определил ее жанр как «Избранные труды». В самом деле, в нее вошли 22 публикации Д.В. Сень, которые уже были опубликованы в виде отдельных статей или текстов (и тезисов) докладов в период с 2010 по 2020 гг. Однако, во-первых, далеко не все из этих публикаций были обнародованы в доступных для широкой читательской аудитории изданиях. Во-вторых, одно дело, когда знакомишься с отдельной научной статьей или докладом, и совсем другое, когда они представлены в виде целого комплекса публикаций. Наконец, в-третьих, одна из крупнейших работ, вошедших в книгу – ««А что в тех письмах писано... того нам не ведомо»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII – начало XVIII в.)» – публикуется в рецензируемой книге впервые¹.

Более того, по ознакомлению с книгой не возникает ни малейшего сомнения, что перед нами – монография, в которой весьма последовательно рассмотрены важные и сложные аспекты выбранной темы благодаря четкой и логичной сгруппированности публикаций в три тематических раздела.

Первый раздел, состоящий из шести публикаций (которые можно рассматривать как главы или параграфы), посвящен истории противостояния Российского государства, с одной стороны, и Крымского ханства и Османской империи, с другой, в борьбе за контроль над Азовом на рубеже XVII–XVIII вв.

Во втором разделе (восемь публикаций) поднимается проблема политических отношений в регионе в связи с изменением границ сопредельных государств. Сложность темы обусловила существенное расширение хронологических рамок исследования: в некоторых главах Д.В. Сень анализирует события конца XVIII и даже начала XIX в., прослеживая судьбу территорий Крымского ханства, вошедшего в состав Российской империи, и казачьих войск южнорусских регионов; статус и политические ориентации существенно изменились по сравнению с более ранними периодами, исследованными в книге.

Завершающий раздел книги посвящен одной из самых популярных и при этом актуальных проблем в исторических исследованиях – роли конкретных личностей в истории. Из вошедших в него восьми публикаций пять непосредственно посвящены личности и деятельности одного из значительных представителей крымского правящего рода Гиреев – Бахты-Гирею, занимавшему в разное время посты калга-султана и сераскер-султана кубанских ногайцев, а также рассматривавшегося в качестве реального претендента на крымский трон и даже потенциального правителя самостоятельного государства на Кубани². Завершающая раздел (а также и всю книгу) публикация в какой-то мере продолжает исследование биографии этого деятеля, поскольку в ней значительное место уделяется судьбе потомков Бахты-Гирея.

¹ Кроме того, как подчеркивает сам автор книги во введении, ряд статей представлен в первоначальной редакции, а не в той, в какой они были включены в сборники, редакторами которых были «произвольно опущены» некоторые их фрагменты (с. 22).

² Изучение биографии этого деятеля Д.В. Сень начал с 2010 г. и вплоть до 2016 г. осуществлял его в сотрудничестве с украинским исследователем В.В. Грибовским (с. 308).

Как совершенно справедливо отмечает в предисловии В.В. Трепавлов, в книге Д.В. Сеня «своего рода центральным персонажем является пограничная зона – фронт» (с. 13). В самом деле, центральным предметом исследования является пространство взаимодействия граничащих государств и представителей их соприкасающихся регионов – от прямого военного противостояния до эффективных дипломатических отношений.

Следует отметить, что само понятие «фронт», являющееся краеугольным камнем исследований Д.В. Сеня и прежде вызывавшее неоднозначную реакцию в научном сообществе [см., напр.: 1, с. 202], на сегодня в полной мере принимается, а сам Дмитрий Владимирович признается экспертом в области фронтальных исследований. Это находит отражение в публикации им, можно сказать, «программных» статей по фронтальной тематике [5], которые вызывают конструктивные обсуждения с участием ученых, в т.ч. и мирового уровня [2].

Безусловно, автор книги уделяет значительное внимание политике российских властей в пограничных регионах, что вполне объяснимо: источниковую базу его исследований составляют документы российского происхождения. Д.В. Сенем проанализированы и впервые введены в оборот многочисленные неопубликованные источники из российских архивов – Российского государственного архива древних актов (Москва), Архива внешней политики Российской империи (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Отдела рукописей библиотеки Академии наук (Санкт-Петербург), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Российского государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург), Государственного архива Воронежской области, Государственного архива Краснодарского края, Научного архива Ростовского областного музея краеведения; не игнорирует он и многочисленные опубликованные источники. Тем не менее, мы полностью согласны с ответственным редактором книги, что автору удалось избежать руссоцентристского подхода и объективно рассмотреть анализируемые тенденции и действия участников событий без однозначного навешивания оценочных ярлыков на представителей тех или иных государств, имевших политические интересы в пределах южнорусского фронта.

Еще одним важнейшим аспектом исследования Д.В. Сеня, обеспечивающих новизну книги и, полагаем, способным вызвать интерес читателей, является глубокий и разносторонний анализ процессов политической коммуникации, осуществившихся между участниками фронтальных отношений. Автор книги подробно рассматривает такие ее элементы как официальный переговорный процесс, «бюрократическую» и неформальную устную и письменную коммуникацию, «медиацию» торговцев (в т.ч. и из представителей «нейтральных» народов, например, армян), представителей казачества по обе стороны фронта, проблемы перевода посланий и пр. Как представляется, это направление исследований Д.В. Сеня является очень актуальным и перспективным не только в фактологическом, но и в методологическом отношении: подходы в изучении политической коммуникации, примененные в рамках

рецензируемой книги могут быть эффективно использованы исследователями и при изучении аналогичных практик в других регионах и в другие эпохи.

Очень выигрышным подходом, используемым в книге, является «персонализация» исследуемых политических процессов за счет привлечения сведений о действиях и даже словах конкретных представителей эпохи – правителей и администраторов, дипломатов и торговцев, рядовых казаков и пр. Благодаря этому описываемые в книге события в глазах читателя предстают не как некая абстракция, связанная с указами монархов, подписанием договоров, чередой дат и событий, а как жизнь конкретных людей с их собственными проблемами, ценностными ориентациями (которые, к тому же, могли меняться), субъективными обстоятельствами, влиявшими даже на глобальную ситуацию в регионе. С одной стороны, такой подход позволяет оценить влияние происходивших в регионе политических процессов на судьбу представителей его простого населения, с другой, мы можем фактически погрузиться в реалии описываемой исторической эпохи, ощутив ее своеобразие.

Считаем целесообразным сказать несколько слов и о том, что, по нашему мнению, относится к числу дискуссионных моментов книги. Так, несмотря на отмеченный выше монографический характер рецензируемого издания, в нем все же присутствуют некоторые детали, видимо, и побудившие автора назвать его «Избранные труды».

В первую очередь, не может не броситься в глаза, что в ряде публикаций, вошедших в книгу, периодически повторяются одни и те же тезисы, причем практически дословно. Например, утверждение о том, что «падение Азова было воспринято кубанскими ногайцами болезненно и даже панически» и их последующей откочевке в Крым и Черкесию присутствует на с. 29, 71 (прим. 41), 130, 190. Эти повторения можно считать отражением последовательности авторской концепции, тем более, что они появляются в сравнительно разных контекстах. Однако, как представляется, в рамках единой книги можно было бы изложить эту мысль в более вариативном виде.

Некоторые вошедшие в книгу публикации можно охарактеризовать как своеобразные анонсы: в них автор не столько осуществляет исследование, сколько в краткой форме определяет направления и методы исследований предстоящих. К таковым можно отнести следующие из них: «Администрация российского Азова и население ногайской Кубани: пограничные отношения в конце XVII – начале XVIII в.» (с. 51–53), «Новые данные о представителях потестарных структур кубанского казачества (конец XVII–XVIII в.)» (с. 271–274) и «Кубанский султан Бахты-Гирей: историческое пространство индивидуальной биографии и его реконструкция» (с. 304–307). Вероятно, по мысли Д.В. Сеня, они должны были бы сыграть роль связующих и переходных элементов от главы к главе и от аспекта к аспекту. Однако, как представляется, в других публикациях соответствующих разделов их содержание представлено в более расширенном и детализированном виде. Уместно смотрящиеся в виде тезисов докладов или вводных разделов коллективных монографий, эти тексты создают впечатление до некоторой степени «инородных элементов» в рамках монографического исследования. Возможно, автору следовало бы отказаться от их включения в эту книгу и подготовить на их основе расширенные главы или параграфы в рамках своих последующих трудов.

По мнению рецензента, автору книги следовало бы больше внимания уделить проблеме восприятия крымскими и османскими властями своих христианских подданных («ахреян», «некрасовцев» и т.д.) в отношениях с российской администрацией, вопросам об их выдаче в случае пленения и пр. Хотя, скорее всего, подобная информация (если она и есть), должна была бы содержаться в восточных источниках; соответственно, для проработки этого вопроса необходимо взаимодействие со специалистами по истории Крымского ханства и Османской империи – историками и источникововедами.

Несколько завышенной представляется рецензенту оценка политической роли султана Бахты-Гирея, к которому российские администраторы, по мнению Д.В. Сень проявляли «повышенный интерес», который нашел отражение даже на страницах газеты «Ведомости» (см., напр., с 295). Думается, для обоснования своей позиции автору книги следовало бы провести контент-анализ и официальной документации, и российской прессы того времени, чтобы увидеть, каков был истинный «удельный вес» сообщений о Бахты-Гирея по сравнению с другими сведениями о событиях на южнорусских рубежах. Впрочем, подобное некоторое преувеличение роли исследуемого деятеля в политических представляется вполне понятным и извинительным: несомненно, для биографа его персонаж всегда представляется ключевой фигурой в истории, в чем автору этих строк приходилось убеждаться и на собственном опыте.

Также рецензенту не хватило в книге научного аппарата: указателя имен и географических названий, списка источников и литературы. Возможно, что и их отсутствие побудило автора книги подчеркнуть, что она является всего лишь собранием избранных работ, а не монографией.

Однако высказанные замечания или, скорее, пожелания, носят исключительно субъективный характер и совершенно не влияют на высокий научный уровень рецензируемой книги, которая, конечно же, является весьма ценным вкладом в изучение русско-крымско-османских отношений конца XVII – XVIII в. и обязательно окажется востребованной для всех специалистов, занимающихся данной и смежными тематиками.

В заключение отметим, что, несмотря на то, что Д.В. Сень известен, в первую очередь, своими изысканиями как раз по тематике, которая нашла отражение в рецензируемой книге, однако сфера его интересов далеко ею не исчерпывается, о чем свидетельствуют его публикации, связанные с имперским дискурсом, «войнами памяти» и даже геральдическими изысканиями. Если же говорить непосредственно о продолжении и развитии «фронтирной» тематики, то мы, вслед за ответственным редактором книги, полагающим, что «очевидно, настало время для написания научной биографии Бахты-Гирея» (с. 15), также выражаем надежду, что Д.В. Сень в ближайшее время сочтет целесообразным обратиться к жизнеописанию этого интересного и значительного участника международных отношений первой трети XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зайцев И.В.* Новые книги об исламе в Восточной Европе // *Pax Islamica*. 2010. 1(4). С. 192–202.
2. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2020. № 1 (27). С. 81–105.
3. *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 280 с.
4. *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII в. – XVIII в.): Избранные труды / Отв. ред. В.В. Трепавлов. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. 420 с.
5. *Sen' D.V.* Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue // *Петербургские славянские и балканские исследования*. 2020. № 1 (27). С. 66–80.

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Поступила 21.06.2021 Принята к публикации 22.08.2021
Опубликована 29.09.2021*

REFERENCES

1. Zaytsev I.V. New books on Islam in Eastern Europe. *Pax Islamica*. 2010, no. 1(4), pp. 192–202. (In Russian)
2. How to study frontiers today? Discussion on the article by D.V. Sen'. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020, no. 1(27), pp. 81–105. (In Russian)
3. Sen' D.V. *Cossacks of the Don and Northwestern Caucasus in the Relations with Islamic States of the Black Sea Region (second half of seventeenth and beginning of eighteenth centuries)*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2009. 280 p. (In Russian)
4. Sen' D.V. *Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Areas, Phenomena, and People (end of seventeenth and eighteenth centuries)*. *Selected Works*. Trepavlov V.V. (ed.). Rostov-on-Don: Altair, 2020. 420 p. (In Russian)
5. Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020, no. 1(27), pp. 66–80. (In Russian)

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University “Higher School of Economics” in St. Petersburg (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Received June 21, 2021 Accepted for publication August 22, 2021
Published September 29, 2021*

ХРОНИКА

УДК 94(47).01/031

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.671-674

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКО-ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ТРИПТИХ

Л.С. Гиниятуллина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

lusiia@mail.ru

В начале 2021 г. Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ была запланирована Международная научная конференция: «Трансформация политико-этнической карты Восточной Европы». Вопросы, формирующие основные ее направления, оказались весьма востребованными и актуальными, а число специалистов, пожелавших принять участие в конференции, как и в предстоящем обсуждении, столь значительным, что организаторы конференции приняли решение провести планируемую конференцию в трёхчастной форме, придав ей необычную для подобных научных мероприятий структуру – триптиха. Общая картина реконструкции исторической реальности происходивших в средневековое время политико-этнических трансформаций удачно сложилась из трёх основных формирований: Великие Венгры, Волжские Булгары, Татары Золотой Орды.

Внедрение карантинных и профилактических мер для противодействия новой коронавирусной инфекции Covid-19 и, как следствие, распространение широкой практики применения современных технологий видео-конференций позволили провести три планируемых заседания в расширенном очном формате с частичным онлайн участием. Благодаря этому удалось привлечь широкий спектр специалистов по трём определённым заранее направлениям изучения истории политико-этнических трансформаций, происходивших на территории Восточной Европы в средневековый период, с учётом миграционного фактора в их основании и развитии.

На заседаниях сотрудники Центра вместе с коллегами из других научных центров Российской Федерации и зарубежных стран обсудили ряд очень значимых вопросов вышеозначенной тематики по историческому пути Великих Венгров, Волжских Булгар и Татар Золотой Орды. По итогам научное собрание пришло к неоднозначным результатам по, казалось бы, разрешенным ранее проблемам.

Ключевые слова: международная научная конференция, триптих, Великая Венгрия, Волжская Булгария, Золотая Орда, Восточная Европа, политико-этнические трансформации

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Трансформация политико-этнической карты Восточной Европы: триптих // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 3. С. 671–674. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.671-674

TRANSFORMATION OF THE POLITICAL AND ETHNIC MAP OF EASTERN EUROPE: A TRIPTYCH

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

At the beginning of 2021, the Usmanov Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates (Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences) planned an international research conference: “Transformation of the Political and Ethnic Map of Eastern Europe”. The main issues of the conference turned out to be very popular and relevant, and extremely numerous specialists expressed a desire to take part in it. Therefore, the organizers of the conference decided to hold the planned conference in the form of a triptych. The general picture of medieval political-ethnic transformations was successfully divided into three main formations: the Great Hungarians, Volga Bulgars, and Tatars of the Golden Horde.

Quarantine and preventive measures to counter the new coronavirus infection Covid-19 have resulted in the proliferation of online conferences. Thus, the three planned meetings were held in an extended face-to-face format with partial online participation. Thanks to this, a significantly larger number of specialists were able to take part in meetings with presentations on the history of political and ethnic transformations in the territory of medieval Eastern Europe under the influence of the migration factor.

The staff of the Center discussed a number of very significant issues of the history of the Great Hungarians, Volga Bulgars, and Tatars of the Golden Horde with colleagues from other research centers of the Russian Federation and foreign countries. As a result, the academic meeting led to ambiguous results on seemingly resolved problems.

Keywords: International research conference, triptych, Hungaria major, Volga Bulgaria, Golden Horde, Eastern Europe, political and ethnic transformations

For citation: Giniyatullina L.S. Transformation of the Political and Ethnic Map of Eastern Europe: A Triptych. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 671–674. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-3.671-674

На первом заседании международной научной конференции «Трансформация политико-этнической карты Восточной Европы: Великая Венгрия, Волжская Булгария и образование Золотой Орды», прошедшем 18 февраля 2021 г. в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ, были обсуждены проблемы изучения средневековых венгров, а также рассмотрены вопросы о присутствии протовенгерских групп в Приуралье и Поволжье. В первом заседании триптиха приняли участие историки, археологи и лингвисты из научных центров Российской Федерации и зарубежных стран. С докладами выступили: д.и.н., член-корр. В.В. Напольских (г. Казань, РФ); к.и.н., доцент хабилитированный Габор Дьёни (г. Будапешт, Венгрия); д.и.н., профессор А.М. Белавин (г. Пермь, РФ); д.и.н., профессор В.А. Иванов (г. Уфа, РФ); д.и.н. Н.Б. Крыласова (г. Пермь, РФ); д.и.н., Е.П. Казаков (г. Казань, РФ); д.и.н., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузин (г. Казань, РФ); Е.В. Круглов (г. Волгоград, РФ); Ph.D. (история) Роман Хаутала (г. Оулу, Финляндия); д.и.н.

И.Л. Измайлов (г. Казань, РФ); к.и.н., доцент Д.Н. Маслюженко (г. Курган, РФ); д.и.н., профессор А.К. Кушкумбаев (г. Нур-Султан, Казахстан).

В результате ученые обсудили проблемы изучения угро-мадьярских общностей в Приуралье VIII–XIV в. и их связи с венграми Паннонии. Опираясь на широкий круг письменных источников, данные археологии и лингвистики исследователи пришли к выводу о существовании в этот период в Приуралье этно-политического объединения, известного как Великая Венгрия. Основным населением этой исторической области были кочевые и/или полукочевые угры, исповедовавшие языческие верования. По своей культуре они были близки к венграм Паннонии, что свидетельствует об их общем происхождении. Проходя свой исторический путь, венгры-мадьяры оставляли следы в археологии, письменных источниках, языке. Можно говорить о существовании лингвистических параллелей в языках народов Предуралья, но с осторожностью о наличии прапермских (доудмуртских) заимствований в древневенгерском языке. При всем наличии разных интерпретаций и версий, исследователи полагают, что Предуралье можно считать колыбелью венгерской государственности, сформировавшейся уже в IX в.

Непосредственно болгарской тематике было посвящено второе заседание триптиха, прошедшее 27 мая 2021 г. Доклады вызвали огромный интерес, как у отечественных, так и у зарубежных исследователей. На втором заседании триптиха выступили: к.и.н. Е.В. Суханов (Москва, РФ); к.и.н. Н.А. Лифанов (г. Самара, РФ); профессор Н.А. Николов (г. София, Болгария); д.и.н., член-корр. РАН В.В. Напольских (г. Казань, РФ); д.и.н., профессор А.М. Белавин (г. Пермь, РФ); д.ф.н. Ф.С. Хахимзянов (г. Казань, РФ); к.и.н. Д.Г. Мухаметшин (г. Болгар, РФ); д.и.н. И.Л. Измайлов (г. Казань, РФ). В основном речь шла о формировании болгарской этнической общности и ее влиянии на соседние финно-угорские народы. Широкое обсуждение получила проблема интерпретации археологических материалов при определении болгарских «этнических маркеров». Исследователи обозначили структурообразующую роль ислама в политической и социокультурной сферах жизни Волжской Булгарии.

21 сентября 2021 г. прошло третье заседание, посвященное татарам Золотой Орды. С докладами выступили: к.и.н. Э.Г. Сайфетдинова (г. Казань, РФ); к.и.н. Д.М. Тимохин (г. Москва, РФ); Ph.D. (история) Роман Хаутала (Оулу, Финляндия); Александр Андрэ Луи Солька (Лозанна, Швейцария); к.и.н. Т.Р. Галимов (г. Болгар, РФ); к.и.н. И.М. Миргалеев (г. Казань, РФ); Ph.D. (история) Ж.М. Сабитов (г. Нурсултан, Казахстан); к.и.н. А.В. Аксанов (г. Казань, РФ); д.и.н. И.Л. Измайлов (г. Казань, РФ). На основе данных древнетюркских, китайских, персидских, арабских, русских, латинских, скандинавских и других письменных источников было установлено существование термина «татар» в широком хронологическом (с V в. н.э.) и географическом (северная Евразия) диапазоне. Археологические данные в контексте письменных источников позволили заключить, что средневековые татары, основавшие могущественные политии в Центральной Азии задолго до возвышения монголов, в период господства династии Чингизидов сформировали военно-служилый слой имперского общества.

Таким образом, помимо историков и археологов в заседаниях триптиха «Трансформация политико-этнической карты Восточной Европы» приняли участие филологи и нумизматы. Междисциплинарный формат позволил существенно скорректировать представления о средневековой истории венгров, болгар, татар и сопредельных финно-угорских и славянских народов.

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079. E-mail: lusiia@mail.ru

*Поступила 21.09.2021 Принята к публикации 22.09.2021
Опубликована 29.09.2021*

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079. E-mail: lusiia@mail.ru

*Received September 21, 2021 Accepted for publication September 22, 2021
Published September 29, 2021*

ГОД РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И НАРОДНОГО ЕДИНСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДА
ТУГАН ТЕЛЛӘР ҖӘМ ХАЛЫКЛАР БЕРДӘМЛЕГЕ ЕЛЫ

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2020–2023 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2020–2023)”

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Золотой браслет из Джукетаусского клада. XIV в.
Из коллекции Государственного Эрмитажа

On the cover: Gold bracelet from the Jukeatau hoard. Fourteenth century.
From the collection of the State Hermitage

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2021. Т. 9, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2021, vol. 9, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 22.09.2021 г. Дата выхода в свет 29.09.2021 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 14,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>